ГРАНИ

Осенний мотив

Зимний вечер на реке Туре

МУНИЦИПАЛЬНОЕ КАЗЁННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «КАЧКАНАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ АРХИВ»

Архив по жизни - служба нужная: Хранитель памяти времён, К судьбе любой неравнодушная -Там просто нет «чужих» имён.

Хранится там людская память, Хранится бытие судьбы, Там связь времён и поколений Свидетельства труда, борьбы...

Бесценны документы прошлого, Их бережно хранит архив. Хранителя нет более дотошного... Вам рад помочь наш дружный коллектив!

Адрес 624350 Свердловская область, г. Качканар, улица Свердлова, 8;11 микрорайон, д.13 (архивохранилище)

Директор Титовец Михаил Иванович

Главный архивист Макарова Наталья Григорьевна Ведущий архивист Анисимова Татьяна Алексеевна

Телефон (8-343-41) 6 – 97 – 52, 6 – 08 – 17

Факс 6-97-75

e-mail archiv@admkgo.ru Web-сайт archive.admkgo.ru

мы рады вам помочь!

С.И. РАЩЕКТАЕВ

Родился в 1958 году в посёлке Восточном Серовского района (ныне — Сосьвинский городской округ). После окончания школы — художественно-графический факультет Нижне-Тагильского педагогического института. Благодаря системе распределения Сергей Иванович становится качканарцем. А Качканар заполучил высококвалифицированного дизайнера-оформителя. Работал в ГОКе — художником в аглоцехе, в бюро эстетики. С 2002 года, по его словам, «в свободном плавании»: организовал дизайн мастерские, которые сегодня — семейное дело.

семейное дело.
Но нам интересен художник Ращектаев, каковым он является и о чём мало кто знает. Мы сами узнали об этом случайно: пришли по делу в мастерские, а там – прекрасные картины.

Утро на Актае

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

- Жизнь-то идёт, - говорит Сергей Иванович, - внуки будут спрашивать: «А кто дедушка?» - «Художник». «А что написал?» А что написал?

- Графикой занимался, портреты писал под заказ. Прикладным творчеством по бересте занимался. В 90-е на радиозавод англичане приезжали — они это охотно покупали. Сейчас ближе классический пейзаж с налётом романтизма. Источники вдохновения — природа, деревня, старые города. Люблю Верхотурье - там храмы, старые здания.

Художественные предпочтения? Менялись.

- Раньше к импрессионистам относился как-то так, теперь - восхищаюсь. Передвижников считал: сухая живопись, а сейчас сам к этому иду. Из уральских нравится Бурак — хороший художник, у него крепкая живопись. Нравится Геннадий Мосин.

С.И. Ращектаев находится на пике своих возможностей — ремесленных и художественных, а это значит, что он ещё порадует и интересными дизайнерскими решениями, и художественными полотнами.

Дорога к храму

Меркушинс

Зимнее Верхотурье

Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№5 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
анаменательная дата	
Михаил ТИТОВЕЦ	
ГЛАВА ОКРУГА	10
RNEEON	
Ольга БЕЛОВА	
ЛЮБИ МЕНЯ	19
НЕЖНОСТЬ УТРЕННЕЙ РОЗЫ	20
ИЮНЬСКИЙ ЛИВЕНЬ	
<i>MOPE.</i>	
БЕСЦЕННОЕ	
СИЛА СЛОВА	
НАДЕЖДА	23
Евгения ДУБОВЦЕВА	
ПРО КАЧКАНАР	25
МОЙ ДВОР	26
КОШКА	26
0 BECHE	
СРЕДИ ЛЕСОВ	
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	28
Василий ЗМАНОВСКИЙ	
ЛАЙНЕР	29
«НИКА»	31
<i>О ДЕТСТВЕ</i>	33
ЛЮБОВЬ	34
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	35
С НОВЫМ ГОДОМ!	
НАТАШКА	36
ЗРИТЕЛЮ	.37

Борис	КУСОВ
-------	-------

38
39
40
40
41
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
Ju
52
53
53
53
55
55
.56
57
.58 .59
25
61
61

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ 62 ГРОЗА 62 СЕНТЯБРЬ 62 ЗИМНИИ ФАНТАЗИИ 63 ПОЛНОЛУНИЕ 64
Александр СМОЛЯНСКИЙ
КАСКАД ПРЕДО МНОЮ Из рассказа бывалого каскадёра. Качканар, 2012 65
VILESIK
«ВЕТЕР В СПИНУ. СОЛНЦЕ ГРЕЕТ»
«В ДОМЕ ТИХО. ТИШИНА»
«ПАРАД ПЛАНЕТ НАЧИНАЕТСЯ»
«ЕДУ В МЕТРО»
«ПЕРЕБИРАЯ ВСЁ, ЧТО БЫЛО»
«CKOPO KOHELI CBETA»
ГАГАРИН
Андрей ШЛЯХТИН
Андреи шллхтин <i>АЯЗ И ЗУХРА</i>
проза
Николай СЕРЕБРЯКОВ
ФРОНТОВАЯ ВСТРЕЧА
РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА
БАТЮШКА
PEBN30P
HEBECTA
НОЧЬ
ДОЛЖНОСТЬ125
<i>МАШИНА</i>
0ЧЕРЕДЬ126
ОЛИМПИАДА126
СТАРШИНА127
<i>ΦΟΡΜΑ</i> 127

УВАЖАЕМЫЙ	
KVPOPT	
КОТЁЛ	
ГИДРАНТ	
ДРУЖБА	130
Сергей СПЕХОВ	
HOEB KOBЧЕГ	132
Пётр ЦЫБУЛЬКИН	
ИЗ ЗАПИСОК ЦИЦЕРОНА	167
ОЧЕРКИ	
Галина КРАСНОПЕВЦЕВА	
У ИСТОКОВ ЖИЗНИ	185
V πορ πια DVE ΠËD Δ	
Клавдия РУБЛЁВА ОН БЫЛ ЛЕГИОНЕРОМ ВО ФРАНЦИИ	101
·	104
КРАЕВЕДЕНИЕ	
Михаил БЕССОНОВ	
ГОРА КАЧКАНАР И НИКОЛАЕ-ПАВДИНСКИЙ ЗАВОД	198
Александр ШЛЕМОВ	
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ РОДА ПРОТОПОПОВЫХ	206
МЕМУАРЫ	
Вильгельм фон ФИРКС	
ВОСПОМИНАНИЯ	221
NOTA BENE!	
Николай ПАВЛОВСКИЙ	
КНИГА О НИЖНЕТУРИНСКОМ ЗАВОДЕ	237

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время-то как бежит, а? Вот уже и 5-й выпуск «Граней»! А это хоть маленький, но юбилей. А на юбилей готовится самое вкусное угощение. Ну, уж и мы постарались: приготовили для наших читателей-почитателей всякой «вкуснятины», угостим их здоровой духовной пищей.

На первое мы предлагаем подборку шикарных краеведческих материалов. Историк-архивист из Екатеринбурга М.Бессонов подготовил материал о попытках разработки Качканарского месторождения предпринимателями Походяшиным и Ливенцовым для их Николае-Павдинского завода. Факт, известный для тех, кто знаком с записками П.С.Палласа, но у знаменитого путешественника об этом несколько строк, а здесь – написанная на основе архивных документов статья.

30 мая 2016 года исполняется 125 лет Валериану Михайловичу Протопопову, в честь которого в 1892 году получил наименование прииск Валериановский, ныне посёлок Валериановск. Своими исследованиями достойного семейства Протопоповых делится на страницах альманаха краевед из Нижней Туры А. Шлемов.

А.Шлемов в 2015 году издал книгу «На порожней ясацкой земле». В ней изложена и история освоения края, и история Нижне-Туринского завода до XIX века. Это, пожалуй, лучшее краеведческое исследование наших соседей - такой добротный фундамент и первый этаж здания полноценной истории Нижней Туры. Подробней о книге – в разделе «Nota bene!» рецензия сотрудника Демидовского института Н. Павловского.

Отмечаем мы на страницах альманаха и одну дату новейшей истории – 25 лет Администрации Качканарского городского округа. А что? Фиксируем события по горячим следам и даём возможность читателям сверить свои ощущения с нашими.

На краеведческий блок замыкаются и публикуемая в разделе «Мемуары» глава «Два генерала» из воспоминаний управляющего российским отделением Анонимной платино-промышленной компании барона Фиркса о событии, имевшем место на Валериановском прииске в 1908 году. Саму книгу, изданную в 1934 году в Риге, по нашей слёзной просьбе отыскал в безбрежном информационном пространстве Германии наш добрый друг из этой страны Александр Смолянский. Он же сделал добротный перевод с немецкого текста, напечатанного, между прочим, готическим (!) шрифтом, да ещё и вступительную статью написал!

Сразу предупредим: документ крайне не однозначный! Так и не понять: мемуары это или сатирический памфлет? Уж очень в неприглядном виде показаны «генералы»: пермский губернатор и начальник горных заводов Уральского хребта, на самом деле много сделавшие и для развития края, и для развития промышленности. Автор не называет их фамилий, но ведь это секрет Полишенеля. Есть и другие несуразности, которые мы оговорим в примечаниях. Хоть воспоминания и ущемляют наше чувство патриотизма, мы всё равно их публикуем, потому что мы горой стоим за плюрализм мнений и потому что они просто интересные. А ежели барон где-то и слукавил – пусть это останется на его совести. Вот так!

Некоторые читатели главным «блюдом» альманаха считают прозу. Ну и на здоровье – имеют право! А мы ещё маслица подольём!

Во-первых, назовём миниатюры Н.А.Серебрякова. Долгие годы Николай Александрович крутил баранку автомобиля, а выйдя на пенсию, взялся за перо. У него особый талант – подмечать детали, жизненные эпизоды, мимо которых все пройдут, не обращая внимания. А здесь – факт-эпизод становится сюжетом зарисовки, изрядно добавляющей колорита эпохе.

Впервые на страницах альманаха представлен фантастический жанр. Это повесть мэтра качканарской литературы вообще, а прозы в частности, члена Союза российских писателей С. Спехова «Ноев ковчег».

Еще один член этого Союза шлёт вам привет из Магадана. В 80-е годы П.И.Цыбулькин служил оперативным уполномоченным Качканарского отдела Комитета государственной безопасности (КГБ). Убыл в Магадан и дослужился до степеней известных (до полковничьих), стал писателем. Уже интересно, правда? А почитайте-ка ещё его «Записки Цицерона»! Посмотрим, что тогда скажете!

Очерковый жанр – вымирающий. Но – не у нас! Королева очерка Г.П.Краснопевцева презентует свой материал о замечательном

враче, Почётном гражданине города С.Ф.Самочёрновой. А известная поэтесса К.Рублёва – очерк о ветеране Первой мировой войны Г.А.Киселёве.

Если продолжать гастрономическую тему, поэзия в таком случае получается – десерт. На любой вкус! По-женски чувственные, прозрачные, тёплые стихи О.Беловой, Е.Дубовцевой, А.Панкратовой, Л.Рейзе. Напитанные бардовской романтикой, приятно пахнущие костром – стихи В.Змановского. Тонкий лирик Б.Кусов - ещё и с басней «на ты». В.Перепелицу хочется назвать пролетарским поэтом: он – рабочий, тема труда – его по праву. Самоироничный Vilesik – модерновый по форме и глубоко лиричный по содержанию. В творчестве В.Ненашева ощущается нерв. Далее. Весьма оригинальный поэтический опус упоминавшегося уже А.Смолянского – описание каскада, который был поставлен фирмой Тиссен и Крупп в Качканарский ГОК, своеобразное «ненаглядное пособие». И последнее – по списку, но отнюдь не по важности. Поэма! И не просто – а сонет! Вот так-то! Автор - А.Шляхтин.

Вот как-то так. Угощайтесь, наши дорогие читатели!

Слюбовью к вам –

Редакция альманаха

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

Михаил ТИТОВЕЦ, директор Качканарского городского архива

ГЛАВА ОКРУГА

- Исполнительным органом местного самоуправления Муниципального образования город Качканар является администрация Муниципального образования город Качканар

- Деятельностью администрации Муниципального образования город Качканар руководит Глава Муниципального образования город Качканар Устав в ред. 2000 г, ст. 34, nn.1-2

17 декабря 1991 года в структуре городской власти появляется должность «Глава администрации». С этого события прошло 25 лет – хоть небольшой, но юбилей. Это и хороший повод вспомнить, как возник и развивался в Качканаре этот важный элемент нашего местного самоуправления.

Гнститут Глав в нашей стране ведет свой отсчет с 1991 года, когда после подавления августовского путча ГКЧП обозначилась дальнейшая перспектива СССР, вернее - её отсутствие. Формально существуя, Советский Союз доживал последние месяцы. В этих условиях Россия готовилась к переходу к новому социально-экономическому укладу - от административно-командной системы - к рыночной. Однако глобальное экономическое реформирование не могло состояться без реформирования политической системы. От полновластия Советов следовало перейти к разделению властей. В этом контексте V съезд народных депутатов РСФСР 1 ноября 1991 года принял постановление «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы». На основании этого постановления Указом Президента РСФСР от 25.11.1991 г. № 239 «О порядке назначения глав администраций» предписывалось назначить до 15 декабря 1991 года глав администраций районов и городов.

17 декабря 1991 года постановлением Главы администрации Свердловской области был назначен Глава администрации города

Качканара. Им стал А.Л. Кузнецов. Первое постановление новоназначенного Главы – «О прекращении полномочий исполнительного комитета Качканарского Совета народных депутатов». Глава администрации города Качканара стал правопреемником ликвидированного исполкома. К 1 января 1992 года администрация была сформирована и приступила к работе.

Исторически власть в России всегда была персонифицирована. Нынешнее время – не исключение, поэтому есть смысл дать информацию о первых лицах города, занимавших должность Главы.

Коммунизм, к сожалению, оказалось невозможно построить в отдельно взятой стране. А уж тем более невозможно это сделать в одном городе: его социально-экономическое положение зависит от социально-экономических процессов в стране. Хотя возможности для манёвра имеются – и это уже напрямую зависит от главного «менеджера» - Главы. А здесь две составляющие. Первая – это поддержание на должном уровне жизнеобеспечения города. Другими словами, чтобы коммунальные и иные блага горожане получали вовремя и без проблем. А второе – это какое-то приращение, развитие, какая-то добавочка к имеющемуся.

А.Л. Кузнецов

Первый Качканарский градоначальник по происхождению был сибиряком: он родился в 1960 году в Иркутской области. Там же

окончил среднюю школу, там же – автомеханический факультет Иркутского политехнического института по специальности «инженер по эксплуатации автотранспорта».

С 1982 года Анатолий Лермонтович становится уральцем: сначала работал в Нижнетуринском ПАТО, а с сентября 1985 года возглавил Качканарское автопредприятие.

24 мая 1990 года на первой сессии Качканарского городского Совета народных депутатов одиннадцатого созыва А.Л. Кузнецов избран председателем исполнительного комитета Качканарского городского Совета

народных депутатов. В 30 лет! Через полтора года он становится Главой администрации.

А.Л. Кузнецов принял город в сложнейшее время, когда административные рычаги власти уже не действовали, а новые, экономические, еще не установились. Нужно было сформировать финансы, муниципальную собственность, городское хозяйство, новые структуры. Городская власть шла навстречу предприятиям, принимая от них жилье, соцкультбыт. В невероятно сложных социально-экономических условиях руководимая А.Л. Кузнецовым администрация действовала достаточно грамотно, нарабатывала положительный опыт. Глава администрации находил взаимопонимание в решении городских проблем сначала с народными депутатами, а потом – с депутатами городской Думы.

Практику муниципального управления глава администрации успешно сочетал с постижением его теоретических основ. В 1994-1995 годах А.Л. Кузнецов заочно обучался в Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации и ему была присвоена квалификация магистра государственного управления, а в марте 1994 года он успешно окончил курс по повышению квалификации в г. Берлин-Трептов по теме «Структура и деятельность администраций городов и районов в Германии».

Между тем истекал срок полномочий назначенных глав администраций. Дальнейшее их продление закон предусматривал через волеизъявление народа, то есть через выборы. Сразу скажем, что выборы А.Л. Кузнецов проиграл. Несмотря на свои прекрасные качества человеческие и как руководителя. Во-первых, против него сработала ситуация, чрезвычайная по своему содержанию. Шоковая терапия экономических реформ первым своим результатом имела резкое обнищание народа, для которого виновник был очевиден – власть. И не важно, что власть муниципальная в этом меньше всего виновата: она ближе всех. Ну и получай!

Во-вторых, у А.Л. Кузнецова напрочь отсутствовал популизм. Он напоминал того оптимиста из анекдота, который в отличие от пессимиста («хуже не будет»), считал, что будет – и громко об этом говорил. Кстати, и не факт, что становилось хуже – им же руководимая власть делала все возможное. Как человека такая зашкаливающая честность характеризует положительно, но для политики – недостаток. Все же доля здорового популизма должна присутствовать. Как бы скверно ни было, но надежда на лучшее – быть должна обязательно.

И третье – это бойкая избирательная компания оппонентов А.Л. Кузнецова, основанная на критике. Критика – это всегда выигрышно, а по тем временам – вообще беспроигрышная лотерея.

Выборы - 1996

На пост Главы администрации заявились три претендента. Кроме действующего А.Л. Кузнецова соискателями высокой должности также были Бареев Гаптельбар Абдулфакович, помощник депутата Государственной Думы, и Сухомлин Виктор Степанович, директор строящегося предприятия по переработке отходов обогатительного производства.

Выборная кампания была для того времени достаточно нервозной. Об этом красноречиво свидетельствует архивное дело «Документы территориальной избирательной комиссии по выборам Главы администрации города Качканар». Прямо-таки политический детектив местного масштаба! Территориальной избирательной комиссии скучать не приходилось, разбирая жалобы и заявления кандидатов и их доверенных лиц.

8 декабря избиратели сказали свое слово (точнее, 37,6% избирателей, принявших участие в выборах). Большинство из них сказали его в пользу В.С. Сухомлина (7319 человек, 53,19%). Доверие А.Л. Кузнецову оказали 5129 качканарцев, 41%). Самую скромную жатву собрал Г.А. Бареев – всего 307 голосов.

11 декабря 1996 года, получая удостоверение на расширенном заседании территориальной избирательной комиссии, новоизбранный Глава администрации В.С. Сухомлин заявил, что «выборная борьба закончилась, началась планомерная работа единым фронтом».

В.С. Сухомлин

Второй наш градоначальник – почти земляк. В.С. Сухомлин родился 8 марта 1955 года в Нижней Туре. Там же получил среднее образование. В 1979 году окончил Уральский политехнический институт по специальности «Технология редких и рассеянных элементов». Работал на разных должностях на Прикаспийском горнометаллургическом комбинате (г. Шевченко, Казахстан). Еще такой любопытный факт: возглавял совместное советско-американское предприятие «Интермин».

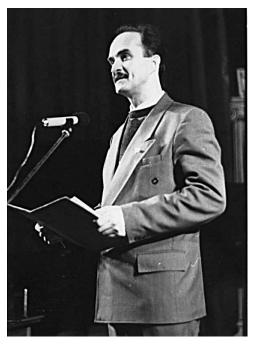
В июне 1996 года руководством Качканарского ГОКа в Качканар была приглашена группа специалистов для строительства предприятия по переработке отходов Качканарского ГОКа. Среди них – будущий мэр, который строящееся предприятие возглавил. А уже с 16 декабря возглавил город.

В.С. Сухомлин постоянно позиционировал себя с Качканарским ГОКом. Но чьим выдвиженцем ты ни будь, главе администрации города решать нужно проблемы города. А ведь в социально-эконо-

мическом отношении его четыре года были более сложными, чем предыдущее четырехлетие. Градообразующее предприятие трясло, как в лихорадке, производство сокращалось. Собственники менялись, как узоры в калейдоскопе, а генеральные директора – еще чаще. А как на всю страну прогремели автоматной стрельбой?! Ведь дел-то было на копейку, а уж демократические СМИ расстарались раззвонить.

Но если ГОК все же удержался на плаву, а с конца 90-х медленно, но верно стал выздоравливать, то другие предприятия города так же верно шли ко дну. Это мы можем проследить документаль-

но, так как основная масса дел нашего архива – документы ликвидированных предприятий: радиозавод, трест, птицефабрика и прочая, и прочая. А ведь это влекло рост социальной напряженности. Была поражена финансовая система: бартер и взаимозачет стали приметами времени. Конечно, все происходившее в Качканаре – калька с общероссийских процессов, где один за другим менялись премьеры, банкротились предприятия, и – дефолт 1998 года.

Важно отметить, что в 1996 году впервые был принят Устав – «конституция» нашего города. В 2000 году этот важнейший документ был принят в новой редакции.

Несомненно, В.С. Сухомлин – неординарная личность, человек поступка. Зримая память о периоде его пребывания у власти – дорога в 6-е сады. Но самое главное, его волей и решением инициировано возведение в Качканаре мемориала качканарцам, погибшим при выполнении воинского долга. Сегодня мы и представить не можем наш город без этого святого места.

Но закончить эту главку на мажорной ноте не получится. Тому есть веские причины. Но это, как говорится, уже другая история. Во всяком случае, на очередные выборы В.С. Сухомлин уже не заявлялся.

Выборы 2000-2001 годов

Но и без него было кому побороться за высокий пост. Девять человек могли потенциально возглавить город, если бы на то была воля горожан. Назовем их всех в том порядке, как они расположились в избирательном бюллетене, и покажем рейтинг в глазах избирателей на 24 декабря 2000 года – день выборов.

Аверенков В.М., директор по общим вопросам Качканарского ГОКа – 2472 голоса (11,93%);

Доев К.М., директор МБУЗ «Качканарская центральная городская больница» - 1667 (8.04%);

Звягин И.В., директор Качканарского профессионального лицея – 615 (2,97%);

Калугин А.А., заместитель технического директора ГОКа по транспорту – 8862 (42,76%);

Канисев И.И., председатель Качканарской городской Думы – 466 (2,26%);

Набоких С.М., директор ДЮСШОР «РОУКС» - 991 (4,78%);

Румянцев В.А., начальник управления социальной защиты населения г. Качканара – 721 (3,48%);

Трубин С.Б., временно не работающий - 2900 (13,99%);

Юнусов Р.Ф., коммерческий директор ОАО «Металлист» – 99 (0,48%).

Такой еще любопытный факт. В числе соискателей должности мэра значился и Владимир Владимирович Путин, но ему было отказано в регистрации.

Фавориты очевидны, но явного победителя выборы не выявили – при таком большом количестве кандидатов сложно набрать 50%. Это означало второй тур, который и состоялся 14 января 2001 года. Теперь избирателю предстояло сделать выбор из двух кандидатов.

Выглядело это так: А.А. Калугин – 11.215 голосов (69,56%), С.Б. Трубин – 3813 (23,65%).

В новое тысячелетие качканарцы вошли с новым Главой.

А.А.Калугин

В начале нового века экономика страны, достигнув дна, оттолкнулась от него и начала медленное, но верное движение вверх, стала приобретать цивилизованный вид. Хотя в этот период получают логическое (юридическое) завершение негативные процессы прошлых лет. В 2001 году официально арбитражным судом признан банкротом Качканарский радиозавод (ОАО «Форманта»), в 2004 году - трест «Качканаррудстрой». Спасением для города был горно-обогатительный комбинат, где закрепился социально-

ориентированный собственник – Уральская горно-металлургическая компания.

А.А.Калугин – выдвиженец ГОКа, там он прошёл достойный трудовой путь – от слесаря по ремонту подвижного состава до технического директора комбината. А поддержка градообразующего предприятия много значила: и моральная, придававшая уверенности, и материальнофинансовая, столь необходимая в сложных экономических условиях (вспомним хотя бы про-

грамму «Качканар – родной город», а это более 200 млн рублей – неплохая прибавка бюджету). Можно даже говорить о поддержке духовной – в прямом смысле: в 2001 году УГМК начинает строительство в Качканаре православного храма.

Какие достижения этой поры следует помнить? В первую очередь хочется назвать реконструкцию фильтровальной станции, в результате чего питьевая вода вместо привычного хлора стала обеззараживаться ультрафиолетом. Дело не только в том, что это передовая технология. По сути решилась одна из градостроительных проблем: не много не мало опасная зона с хлором составляла 500 метров. Понятно, о чём речь?

К событиям со знаком «плюс» следует отнести создание управляющей жилищной компании «Наш дом». У нас её не ругает только ленивый. А жители других городов – завидуют, потому как у них управляющих компаний такое «изобилие», что они зачастую концов не могут найти.

Пристрой к детской поликлинике – реальный вклад в развитие здравоохранения в городе. Дополнительный бонус – он архитектурно украсил город.

И дороги! А как же! Прямо дорожно-строительный бум случился! И в городе частично отремонтировали, и выезд получили на Пермь и на Серовский тракт.

Список можно продолжать, но всё это – только видимая часть айсберга. А ведь была ещё кропотливая ежедневная деятельность по выстраиванию нормальных экономических отношений, налаживанию финансовой сферы, решению коммунальных проблем... Кстати, в решении последних определённые надежды связыва-

лись с Чубайсом. С тем самым, который, как известно, во всём виноват. Реформатор в то время возглавлял РАО ЕЭС. Созданные им «Российские коммунальные системы» анонсировали реформы в этой сложной сфере. В Свердловской области такое счастье наряду с Екатеринбургом и Каменском-Уральским выпало Качканару. Увы, коммунальный рай не случился, не только не дождались обещанных инвестиций, своё-то (платежи за аренду) выцарапывали через суд. Ну и каким должно быть отношение к глашатаю либеральных идей?

Стабильность, устойчивая положительная динамика пришлась по душе качканарцам, что вылилось в убедительную победу А.А.Калугина на выборах 19 декабря 2004 года: 70,50% голосов избирателей – в первом же туре! При всем при том, что другие кандидаты – люди очень достойные: Георгиев В.М. (8,52%), Бугуева Л.В. (3,48%), Барышев М.А. – 2,53%.

Многие вспоминают это время с ностальгией, некоторые же считают, что в эти «сытые годы» можно было сделать больше.

Выборы-2009

Предвыборные бои кампании 2009 года оказались достаточно жестокими для некоторых кандидатов – как в главы, так и в представительный орган. Потому как против них были направлены невиданные в Качканаре до сей поры «технологии». Топорные, к слову сказать, но стоившие больших нервов. На практике же это выглядело следующим образом. Регистрировался технический кандидат в главы. К нему были прикуплены из дальних мест пара юристов - молодой человек и дама. Фамилии их не называем, отметим лишь, что они обе начинались на «Б». Наглые до бескрайности, циничные до невозможности, они заявляли: «Проведём кого угодно, хоть Пупкина!» Дама становится доверенным лицом технического кандидата, входит в состав ТИК с правом совещательного голоса, на этом основании получает доступ к документам комиссии, в том числе к личным делам кандидатов, и – понеслась душа в рай, а точнее – суд. Маломальскую неточность в документах эти самые, которые на «Б», использовали для написания искового заявления в суд с требованием снять кандидата. Невыносимые условия были созданы для городской избирательной комиссии. Последний пассаж эта сладкая парочка выдала в день выборов – жалобу на то, что у наблюдателей превышен размер шрифта на бейджиках. Ну а потом получили оговоренный гонорар – несмотря на поражение - и удалились в места постоянной дислокации.

Результаты голосования:

- Глухих В.А. **5474** голосов;
- Забегаев А.Г. 3439;
- Изместьев В.А. 508;
- Набоких C.M. 9060;
- Недобейко Д.С. 290.

Это главка должна бы рассказать о деятельности на посту главы С.М.Набоких. Это было бы логично, но ... не вполне этично – Глава-то действующий. Поэтому – подробный анализ - до лучших времён. Но на двух принципиальных моментах хотелось бы заострить внимание.

Во-первых, хочется заменить, что вся эта деятельность протекает в условиях кризиса – со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако на жизнеобеспечении города это практически не сказалось.

Во-вторых, несмотря на кризис, даже вопреки ему, случи-

лись некоторые знаковые события из категории «время собирать камни». К их числу следует отнести завершение строительства школы в 10 микрорайоне и начало образовательного процесса в стенах этого действительно храма знаний. Вернули в город здание детского сада «Ладушки», восстановили здание детского сада «Звездочка».

Качканарцы положительно оценили деятельность главы: на выборах 1 марта 2013 года они продлили его полномочия на очередной срок, на этот раз пятилетний. И это не смотря на непрекращающиеся потоки грязи со стороны небезызвестного городского печатного издания. Напрасными оказались и потуги очередных приехавших из дальних краёв горе-политтехнологов.

К слову сказать, это были последние прямые выборы главы: с 2018 года этим будет заниматься специальная комиссия — соответствующие изменения в устав города внесены. Пойдёт ли это на пользу городу — никто не может это сказать, кроме депутатов думы, принявших такое решение...

RNECOU

Ольга БЕЛОВА

Качканар – тот самый город, в котором крохотная девочка с большими голубыми глазами появилась на свет.

Сейчас мне 20 лет, а в душе остаюсь попрежнему той крохой, только глаза стали зеленые. Да и взрослеть все равно приходится.

Сколько себя помню, ручка и блокнот всегда были со мной. Лет с семи я начала писать стихи маленького человечка. И до сей поры это всё со мной, только гораздо глубже. Пишу о любви, дружбе, природе, философии жизни. Что люблю — нестандартные образы, что не люблю — писать негативно. Позитивное мировоззрение.

Разносторонняя. Кроме стихосложения, интересуюсь многими вещами. Танцы, пение, рисование, психология, дети, книги, актерское мастерство...

На данный момент работаю в качканарской городской библиотеке, на детском абонементе. Люблю свою работу, своих детишек. В дальнейшем надеюсь развиваться в этом направлении, но не ограничивать себя только им.

Хотелось бы написать что-то стоящее.

Люби меня

Я прикоснусь к твоим губам дыханьем ветра, Пересушу твой воздух в легких, Чтоб ты дышал моей любви горячим пеплом И раздувал огонь из тающих обломков...

Я завяжу твои глаза слепящим светом, Своим манящим взглядом в них смотря, Чтоб, пальцами едва касаясь тела, Почувствовал, как я люблю тебя.

Я изо всех последних сил Сожму ладонь твою своей ладошкой,

Чтоб ты почувствовал весь мир В моих руках... Всё невозможное - возможно.

Я захвачу в свой плен горячий сердце, Своим сердечком сладко обжигая, Чтоб ты почувствовал любовь и нежность, Которую я так к тебе питаю...

Я стану твоей мыслью, твоим вздохом, Твоим желанием любимым мною быть, Чтоб ты по жизни шел этой дорогой, Не в силах то желанье устранить!

Я стану твоим ангелом и раем, Мерцанием любых земных светил! Но плата: за одно твоё желанье - Чтоб ты меня одну всегда любил.

Нежность утренней розы

Лазурь парижская над головою расплескалась, Смешавшись с молоком бегущих облаков, И с неба капает приятная усталость, Освобождённая от будничных оков.

И лес фисташковый под вопли ветра Мне машет, словно крыльями, ветвями. И, прикасаясь неприлично близко к небу, Раскатисто поёт над головами.

Щебечет солнце птичьей трелью, Капелью звонкой, будто бы хохочет! Нежась в подтаявших снегах апреля, Обнять теплом всю землю хочет

И в солнечном сплетении... трепет С утренней розой просыпается В кроватно-одеяльной неге, Сердечною улыбкой согревается.

Июньский ливень

Косая нить из пуговичек капель Струёю жёсткой прошивает мир! И свежестью июнь захватит, Собой рисуя призрачный пунктир.

А я сижу в засаде, наблюдая, Хотя душа так просится бежать Из-за оконных рам. Босая, Мечтающая всю себя дождю отдать!

И ощущения неповторимы – Когда за каплей капля катится по коже, Собою освежая, пробегая мимо По шее в ямочку на ней, как в ложе.

А я сижу, смотрю в окно и улыбаюсь Тиши неугомонной обесточенных квартир. И счастьем этим бесконечно наслаждаюсь, Которое мне дождик подарил.

Mope

Брызнет буря из кранов ржавых И заполнит водой коридоры, Через доски полов дырявых Разольется обрывками море. И, с тоской облизав обои, Вырвется, словно стрелы, наружу И по улицам, словно прибои, Понесется сквозь зимнюю стужу. И когда к месту назначенья Принесет его терпкий ветер, Море глянет в глаза наважденью, Ляжет ковриком у ног этих. И останется там, у влюбленного, Будто связанное с землею, И уснет на руках спокойно, Зная, что оно спит с любовью...

Бесценное

Сколько стоит то, что бесценно? Сказать «много» - ничто не сказать. Не измерить ни в песо, ни в центах, И материей нет смысла брать.

Как узнать, чем платить за бесценное? Чем богат – покажи, дай понять. До него, как до сердца Вселенной – Без ума не так просто достать.

Человек обладает дарами, Жаль, незримые часто они. Но таков закон мирозданья: Меньше вне, но больше внутри.

Сколько стоит то, что бесценно? Все то лучшее, что есть в тебе! Смысл прост, но глубок. Несомненно, Все хорошее чаще в цене.

Добродетелью светится небо Бесконечностью над головами, А всему, что считаем бесценным, Мы даем себе цену сами.

Сила слова

Мы придаем словам огромное значение, Цепляясь к мелочам, безвредным шуткам. Мы закрываем в чувства двери, Зашториваемся безбожно сутками.

Вместо того, чтобы молчать проникновенно, Смотря в глаза любимому, любимой, Словами покрываем всю Вселенную – От остроты до слова, ранящего сильно.

Вместо объятий – лезем в чащу слова, За них хватаясь, будто бы спасаясь! Вместо того, чего хотим и обещаем, Бежим куда-то, от себя скрываясь.

За пеленою слов из чистых окон Души, что искренне желает лишь тепла! Сквозь запотевшие от разговоров стекла, Сквозь всю брутальность слов... Слова, слова!

Они так много и так мало значат Среди волнующих порывов чувств, Среди желания избавиться от фальши – Оберточно-конфетный вкус.

Надежда

Что делать с тобой, надежда? Укрыть, от невзгод сохраняя, Забросить в шкаф с одеждой, На вешалках в пыль превращая?

Иль вместе с ненужным хламом – За дверь выставить молча. Но как? Порой ты отрада, С тобою намного проще...

Но ты, надеясь на случай, Живешь в бесконечности будто. Как быть, если ты и лучик, И свет, обжигающий руки?

Как быть, если ты и якорь, И груз, непосильный лодке, Снующей из гавани в гавань Неровной плывущей походкой?

Как быть, если ты – живая! Рукой я не замахнусь... Так сложно сказать «отпускаю» В ответ на твоё «я вернусь».

Так сложно тому человеку, Что верить привык до конца В сияние чистого солнца И в лучшее, что есть в глазах,

Отбросить надежду на лучшее И руку её отпустить... Сказать ей: «не стоит, не нужно» И дальше с течением плыть.

Но я всегда буду верить Во все, что прекрасно и сложно, В счастливые жизни двери, Открытые для невозможного!

Евгения ДУБОВЦЕВА

О себе. Дубовцева Евгения Сергеевна. 20 февраля 1992 года родилась в Качканаре. Закончила 11 классов в 2009 году в лицее №6. Поступила в Уральский Федеральный Университет им. Ельцина. Закончила в 2014 году по специальности - психолог . На данный момент состою в двух музыкальных коллективах: ВИА «Дрова» и 2nd day. В обоих играю на басгитаре. Больше всего люблю хорошую рок-музыку и собак.

Про Качканар

Над притихшей травой у колодца Не спеша проплывает Луна -Белый брат ярко-желтого Солнца, Вечный друг неспокойного сна. В облаках темно-синего неба Колыхаются блики домов, Слышен в них холод горного лета, Неприветливых хвойных лесов. Лунный луч меж домов ускользает, Вишня розовым цветом горит, Мама люльку с ребенком качает, Нежно челку его теребит. За лучом белым двигаюсь следом, Слышу вяжущий гул поездов. Что увижу - ответ мне не ведом, Растворяюсь в волненье ветров И частицы мечтаний потухших Все плывут в воспаленном уме, И одна из них, самая лучшая -Спящий город в ночной тишине.

Мой двор

Есть то, что сильно трогает меня: Резвящаяся у подъезда малышня, Сидящие бабульки на скамье, Рисунки чьи-то мелом на стене, Забытые в песочнице совки, Стекающие с крыши ручейки; Пушистый кот, свисающий с окна, Волнуемая ветром простыня, Надутый мяч, влетающий в окно; Дедули, что играют в домино... Есть то, что сильно трогает меня, И это двор, в котором я росла.

Кошка

Идет гроза на тихий город, Идет, сверкает и гремит. Внутри - сгущающийся холод, Уж скоро ливень застучит. Я, хвост поджавши, пробегаю Мимо колес, мимо людей, А про себя лишь повторяю: В подвале б спрятаться скорей. Ударил гром, я чую воду, Бегу, забыв кошачью честь; Любой в такую непогоду Покажет, кто на деле есть. Промокла шерсть, устали лапы, И я спокойно, не спеша Пошла, не залезая в слякоть, Пошла, лишь изредка дрожа. Но что я вижу? Это мама! Она промокшая стоит И смотрит вдаль почти упрямо И шарф свой нервно теребит. Она меня шарфом укроет, Домой скорее отнесет, Вкуснейшим молоком напоит И полотенцем оботрет.

И будем вместе мы смеяться, Как испугались мы грозы, Теплом квартиры наслаждаться До новой солнечной поры.

О весне

Запахло свежестью лесной, Сильнее солнце пригревает. Уже не пахнет той зимой, Что запахов совсем лишает. Уж птицы веселей запели, Трава из снега проросла, И с окон слышатся капели Сосулек стаявшего льда. Сегодня вижу я улыбки, Сегодня вижу я глаза, В них нет усталости и грусти. В них только юная весна. Как хорошо, что этим утром Настал чудесный день весны. Как хорошо, что я с тобою. Как хорошо, что рядом ты!

Среди лесов

На пустоши кровавой молочная Луна. Когтистый росчерк неба вберёт её до дна. Среди лесов костлявых клубящийся туман, Он примет очертания людей, но всё обман. Зловещий вой раздался в пугающей ночи. Иди, не озирайся, но главное - молчи. Ведёт дорога в чащу, где не видать ни зги, И звуки запропали, и тяжело идти. Там тишина накрыла как пологом тебя. Надеешься ты в мыслях и в чаще ждёшь огня. Но не огни мерцают в пугающей ночи, А голубой ледник, сбивающий с пути. В лесу всегда так страшно, что ноги не идут, И некуда податься, иначе загрызут. Вот снова где-то филин крылами замахал, А, может, это ведьма, а может, я пропал?

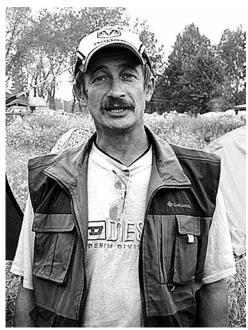

Ты шаг свой ускоряешь, чтобы быстрей дойти И вот уже недолго, уже конец пути. Не испугался! Сдюжил! И вот уже рассвет. Дорога клонит к дому, испуг сошёл на нет. Пропали злые тени, туман и жуткий вой. Какой бы путь твой ни был, но ты придёшь домой.

Вечный огонь

Я вижу черный камень плит, Я вижу цвета крови пламя: Никто из павших не забыт, Но память эта сердце ранит. Их имена для глаз магнит, Уже который раз читая, Стою и плачу я навзрыд, Руками слезы вытирая. Гранит печаль людей хранит, В который раз напоминая: Солдат стоит, солдат не спит, Солдат покой наш охраняет.

Василий ЗМАНОВСКИЙ

Родился в 1957 году в деревне Скрипуново Тюменской области Ханты-Мансийского района. В 1979 году окончил Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ТИАСУР). С 1980-го по 1992 год работал на Качканарском радиозаводе «Форманта». В настоящее время – на Качканарском горно-обогатительном комбинате. Женат, две дочери. Увлечения – туризм, рыбалка, фотография, авторская песня. Участник и лауреат многих фестивалей авторской песни областного, регионального и всероссийского масштаба. Один из организаторов в городе клуба авторской песни «Четверг» (который первым в области удостоен высокого звания «Народный»), а также известного в городе и в области фестиваля «Капель».

Лайнер

Моему городу посвящается

Омывая подножье высокой горы, Речка горная весело мчалась. «Поскорее добраться бы мне до Туры, Вот бы вволю я там разгулялась! Там – широкий простор, расстоянья – с версту, Перекаты и плёсов глубины. Скалы там маяками стоят на посту. Отмечая и лета, и зимы. На просторе таком от души порезвлюсь. Ну, а если немного устану, Отдохну, отдышусь я и снова помчусь Вместе с древней Турой к океану». Так мечтая, река к Качканару-горе Поворотом крутым устремилась. И за тем виражом в восходящей заре Её взору картина открылась:

Слева высится кряж Качканара-горы, Прямо - красное солнце встаёт, Ну, а справа – стоит, раздувая пары, Белоснежный большой пароход. Ну, ни в сказке сказать, ни пером описать! Рассказать - сил не хватит и слов! Важно трубы дымятся (а труб ровно пять), Словно с якоря сняться готов. Палуб-улиц широкие ленты легли, Вознеслись в небо башни надстроек. «Знаю я многопалубные корабли, Только где вы видали такое? Пароход? Средь тайги? Явь ли это? Иль сон? Как здесь лайнер такой оказался? Из каких океанов приплыл сюда он? И куда дальше плыть он собрался»?» И в раздумье река усмирила свой бег, Адресуя горе те вопросы. - Этот лайнер руками создал человек, -Отвечала гора, дрёму сбросив. Человек неспроста издалёка пришёл В край уральский, кладами богатый. Он тайгу разбудил и руду здесь нашёл, Город-лайнер воздвиг с комбинатом. Только плыть тому лайнеру не суждено: Сухопутных судов не бывает. Якорями к земле он прикован давно... Видно, моря ему не хватает И решила река: «Не помчусь я к Туре, Помогу пароходу я в горе. Широко разольюсь к Качканару-горе -Будет здесь Качканарское море! Будет вольный простор – шире, чем на Туре, Волны вздыбятся в сонмище пенном. И маяк уже есть – вон, стоит на горе, Весь ажурный, как Эйфель над Сеной. Погулять же успею ещё. И не раз. До Туры добежать я успею. Поскорей нужно морем заняться сейчас, Это дело гораздо важнее!» Слово – не воробей. Забурлила река,

Меж камнями водой заискрилась,
Закипела, натужилась – и на века
Качканарское море родилось.
Разлилось широко! И ожил пароход,
Ощутив глубь морскую бортами,
И, подняв якоря, устремился вперёд,
Словно птица, паря над волнами.
И с тех пор за полвека уже, что есть сил,
Город-лайнер по морю несётся.
Имя звучное он от горы получил:
Качканаром в народе зовётся.
Пусть проносятся дни, и века, и года,
Поколенья сменят поколенья.
Только плыл, и плывёт, и плыть будет всегда
Город-лайнер – людских рук творенье!

«Ника»

Фестивалю авторской песни, который проводился на берегу Качканарского «моря» в последние выходные июля

На финише июль - макушка лета.. Он подарил немало тёплых дней. А на асфальте, солнцем разогретом, Скучают стаи серых голубей. Но вечер незаметно подкрадётся, И сцена у причала «зазвучит». И снова парус за спиной взовьётся, И чайка над волною закричит.

И, обхватив гитарный гриф, По струнам пальцы пробегут. И сформируется мотив, Над «морем» песни поплывут. Под перезвон гитарных струн Те песни эхо разнесёт. Из «мор» выйдет сам Нептун И с нами вместе запоёт.

Какой сегодня тёплый летний вечер! Ну, это же не вечер - просто рай!

Как нежно обнимает он за плечи, А песен сколько хочешь – выбирай! Богине Нике это и не снилось В те древние античные года. А нынче Ника, кажется, влюбилась В наш город. И осталась навсегда.

И через год, и через пять Мы снова встретимся с тобой, Чтоб у причала спеть опять, Чтоб взвился парус за спиной, Чтоб песни звонкие легко, Как птицы, уносились вдаль. И чтоб летели высоко, И звали всех на фестиваль.

Ещё не спит Пономарева Грива В вечерней дрёме Качканар-гора. И Жуков Камень смотрит горделиво, Но не уснуть им, видно, до утра! Такое только раз в году бывает, И будет ещё много-много лет! Куплет, взлетая, в синей дымке тает... Седой Урал подхватит тот куплет.

Под струн гитарных перезвон Проснётся древняя гора. Мы ей нарушим сладкий сон И петь с ней будем до утра. Судьба с иронией плетёт Свою невидимую нить. Но снова сцена оживёт, И фестиваль наш будет жить. Судьба с иронией плетёт Свою невидимую нить. Но снова зритель к нам придёт. А значит - фестивалю быть!

0 детстве

Ветерок задумчиво треплет макушку. Снова я стою на опушке лесной. Где-то озорная гадалка-кукушка Отсчитала годы мои за спиной. На Урал вернулось короткое лето. Яркие поля – в васильковых огнях. В детстве, когда я был ещё шпингалетом, Мама васильком называла меня.

Жизнь течёт речной водой, тают годы за спиной, Только в детство возвратимся мы ещё не раз. И, как много лет назад, нашей мамы нежный взгляд Добротой и теплотой согреет нас.

Вот уже полжизни легло за плечами, А всё остальное – ещё впереди. Что нас ожидает – не знаем мы сами... Только я в одном всех хочу убедить: Пусть уже по отчеству нас величают, И давно мы взрослыми стали людьми. Что бы ни случилось, но я точно знаю: Будем мы всегда оставаться детьми.

Пусть бежит в реке вода, тают за спиной года, Только в детство возвратимся мы ещё не раз Погрузиться с головой в этот ласковый покой И в тепло любимых материнских глаз.

Любовь

Когда не хватило любовей, Заветных любовей земных, Даритель небесный промолвил: «Берите одну на двоих». Опершись на посох дорожный, Сняв с шеи котомку свою, Достал он любовь осторожно: «Последнюю вам отдаю».

На тёплых дрожащих ладонях Любовь возлежала, лучась. К ладоням приблизились двое. Настал испытания час. «Даритель, опомнись... Как можно? Нас двое... Что делать нам с ней?» «Берите, пока есть возможность. Последняя - вдвое ценней».

Что вдвое ценней – то прекрасно! Так стоит ли время тянуть? Одна? На двоих? Так опасно! А, может быть, стоит рискнуть? И взяли... Но тут же и стали Делить, кому больше далось, Срывать одеяния с тайны И вешать на собственный гвоздь.

Но только любовь неделима. Нигде. Нипочём. Никогда! По рельсам раздвоенным мимо Их поезд ушёл... В Никуда С разбитой на части любовью Пропал. Испарился. Сгорел... Даритель качал головою И вслед с сожаленьем смотрел...

Колыбельная

Наверно, ты уже в постели, И видишь сладкий-сладкий сон. Из царства древнего Морфея Тебя объять примчался он.

Во сне, «калачиком» свиваясь, В подушку ты уткнула нос. А по подушке расплескались Густые локоны волос.

С любовью, нежностью и лаской Я повторять всю ночь готов: «Спи, милая голубоглазка, Спокойной ночи. Добрых снов»!

С Новым годом!

Наконец – то, подкрался сентябрь, Завершив летних дней карусель. Ручка, книжки, тетрадки, букварь Упакованы в новый портфель.

Город тонет в букетах цветов. Детвора снова в школу идёт. После летних весёлых деньков Новый старт дружно взял школьный год.

Настежь двери свои распахнув, Школа снова встречает ребят. Посвежев, загорев, отдохнув, Каждый встрече со школою рад.

В школе ждёт их упорнейший труд, Предстоит очень много узнать. Всё, что им педагоги дадут, - До последнего слова впитать.

Всем ребятам хочу пожелать, Чтоб шагали по жизни смелей. А учились – то только на «пять», Этим радуя учителей.

Чтобы было им всё по плечу, И удачи, хотя бы чуть-чуть. А ещё всех поздравить хочу. С Новым годом, друзья, В добрый путь!

Наташка

Всем Наташкам посвящаю

Много есть красивых девушек на свете, И имён прекрасных много есть у них. Леонид Утёсов как то пел про это. Только у меня другой мотив. Вера, Надя, Оля, Инна, Женя, Маша... В именах кочуя, можно заплутать... Но одно такое имя есть - Наташа. Вам о нём хочу я рассказать

Ну, чего такого в имени Наташка? Для него и рифму трудно подобрать. Разве что «букашка» или «промокашка». Иль «ромашка» - можно погадать... Но гадать не стоит на такой «ромашке». Я хочу заверить в этом белый свет. Дело в том, что, с нежным именем Наташка Девушек загадочнее нет!

А ещё Наташка очень грациозна.
Лёгкою походкой стоит ей пройти,И тотчас мурашки, словно от мороза,
И не в силах взгляд я отвести.
А глаза какие! Солнышком лучатся!
На тебя посмотрят – как теплом обдаст.
Сердце сразу прыгнет до небес от счастья,
Стоит этот взгляд поймать хоть раз.

Нежная душою, щедрая на ласки, А любить умеет – лучше не сыскать. Да, с такой Наташкой жизнь была бы сказкой! Где бы мне такую повстречать? Обрывать напрасно лепестки ромашки. Сладкими мечтами жить мне суждено... Взять хотел бы в жёны я себе Наташку, Но они... разобраны давно!

Зрителю

Ну, вот и всё. Сейчас закончится концерт, И декорации со сцены унесут. Опустят занавес, везде погасят свет, Из зала с шумом снова зрители уйдут. Мой милый зритель, вот уже в который раз С тобой встречаемся мы в этом зале вновь. Я так люблю тепло твоих знакомых глаз, Что излучают неподдельную любовь!

За это излученье я б многое отдал! Пусть расставанье скоро, но на душе светло. Концерт закончится, - и опустеет зал... Но остаётся с нами зрителей тепло.

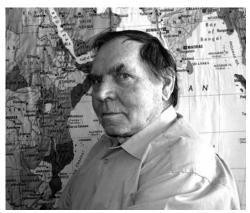
Воды немало с первой встречи утекло.
Мой добрый зритель, благодарен я судьбе.
И эту дружбу, и любовь, и всё тепло
Сегодня вновь со сцены я отдал тебе.
Пусть миг разлуки неизбежен – не беда.
Ведь это – каждый раз для новых встреч предлог.
Пусть расставанью грусть сопутствует всегда,
Но новой встречи час совсем не так далёк!

Ещё, мои милый зритель, мы встретимся не раз. С тобою друг без друга нам долго не прожить. Ты приноси с собой тепло знакомых глаз, А я готов вновь эту встречу повторить.

И снова будет в зале тепло знакомых глаз, Которое никак нам невозможно не сберечь. Всё это будет. Непременно! А сейчас Концерт окончен. В добрый путь. До новых встреч!

Борис КУСОВ

Кусов Борис Сергеевич родился в городе Тавда Свердловской области. Окончил Лесотехническую школу в городе Добрянка (Пермский край). Служил в Советской Армии, работал на лесозаготовках Урала, на стройках в Абхазии, в Волгодонске, добывал золото в Магаданской области. Двадцать семь лет проработал в тресте «Качканаррудстрой». Пишет стихи и басни.

Зимний вальс

Опадает с деревьев листва, Всё короче становится день. На долины, поля и леса Надвигается серая тень. Поседели кусты и луга, Замедляется времени бег, Заблестели кристаллики льда, Белый снег, белый снег, белый снег. Заблестели кристаллики льда Белый снег... белый снег.

Покидая приветливый край, Птицы стаями к югу летят, То курлычут, то громко кричат, Всем понятно, о чём говорят. На просторы ложится постель, Набирается зимний разбег, Закружила снежинки метель Белый снег, белый снег, белый снег. Закружила снежинки метель Белый снег... белый снег.

Только нам не страшны холода: Укрепляет здоровье зима Пролетит незаметно она, За зимою приходит весна. В снежном море шумит детвора,

Раздаётся их радостный смех. Наметает сугробы пурга, Белый снег, белый снег, белый снег. Наметает сугробы пурга, Белый снег... белый снег.

Наши деревья

Хвойное дерево, вечно зелёное Плотно, в уральском лесу заселённое, Ему не страшны холода и метель, Его называют – таёжная **Ель**.

Платьице белое, в крапинку чёрную, Подружка ветрам, не боится мороза, Белая, гордая, тонкая, стройная, Скромно её называют – **Берёза**.

Дерево с жёлто-зелёной корою, Ветер ругается, спорит с листвою, Славится мягкой, своей древесиной, Дерево это назвали – **Осиной.**

Точно как ель, но чуть-чуть голубая, Воздух эфиром смолы наполняет, Смотри, не касайся смолистой листвы: Запачкаешь руки бальзамом – **Пихты.**

Где болотные пади, там он - кедрач, Стлаником в сопках его называют, Где-то сибирской сосной прозывают, **Кедр** – на Урале его величают.

Любит по скалам к вершинам взбираться, Чистым озоном дышать-наслаждаться, Доводится кедру родная сестра, Повсюду её называют – **Сосна.**

Листья-иголки на зиму теряет, К северу ближе произрастает, Жить в одиночку стремленье одно, **Лиственница** – будет названье его.

Можно сказать про ольху, про рябину, Можно черёмуху вспомнить, калину, Всё не опишешь, и в этом нет спору, Значит, нелепо описывать флору. Зелёным ковром одетые горы, Реки, долины, увалов просторы, Для фауны здешней Урал просто рай, Беречь суждено этот благостный край.

Снежинка

От тучки далёкой Снежинка летела На праздник, на Ёлку, Она прилетела. - Весёлые дети, -Снежинка зовёт, -Давайте все вместе Встречать Новый Год! Кружилась Снежинка, Смеялась, звенела, До Нового года Дожить не успела. Жарко на празднике Было, как видно -Снежинка растаяла... Очень обидно!

Первая любовь

Почему тюльпаны расцветают рано,
Почему так рано отцветают вновь?
Не бывает вечная, бывает скоротечная
Тюльпанная, беспечная, первая любовь.
Почему ромашки поздно расцветают
Дружными семейками, не боясь ветров?
Потому что пышная, очень необычная,
Ромашковая, белая, чистая любовь.
Юноши и девушки – милые создания
Тюльпанные страсти, пусть мимо пробегут,
А для вас красивые, а для вас счастливые,
А для вас влюблённые ромашки расцветут.

Скоро зима

Снег засыпал мостки, берега у реки, Серебрятся кусты белым инеем, Птиц не слышно в лесу, притаились они, Заниматься не хочется пением. Только речка шумит и журчит подо льдом, Раздражённо плескается, пенится. В тонком льду промывает себе полынью, Пузырьки подо льдом ерепенится. Не пробиться воде через тоненький лёд, Всё надёжно вокруг подморожено. Скоро-скоро уже и зима подойдёт, Так по зимним законам положено.

Синяя Птица

В железной клеточке, на спице Попугаю в ночь не спится. От скуки сердце замирает, Родного языка не помнит и не знает. А без конца на разных языках Одно и то же повторяет, Заученные фразы и слова: «Какая умная у Попугая голова, Я всё же не Синица, Что Воробья боится И не Цыплёнок закопченный, Я Попугай – учёный. Хотя фигура, может, дура, Зато учёная натура». Тут в форточку открытую влетела, На клетку к Попугаю села Голубенькая птичка-невеличка. Речитативом просвистела: «Быть может ты, действительно, учён, Но жить в железной клетке обречён. А я свободная, живу на воле В лесу, в садах и в поле, Куда хочу, туда лечу, О чём хочу, о том и щебечу. Меня повсюду уважают

И Синей Птицей величают, Не каждому такое снится В природе, просто я Си-ни-ца».

А кто же из пернатых не мечтает иногда, Стать Птицей Счастья завтрашнего дня?

Пшеничное Зерно и Телефон

На всё, должно быть, божья воля. На старенькой скамье, у кромки поля, Оставлен кем-то Телефон – Смартфон А рядом с ним (наверно, ветром занесло) Лежит - пшеничное Зерно.

Хотя на это каждый волен, Но Телефон соседом недоволен. Я же не просто Телефон, Я связь культур, я связь времён, Я режиссёр, фотограф, почтальон, Во мне изъянов нет, В конце концов, я Интернет, Компьютер я народный, Я Мозг – хотя и электронный. И вдруг со мной на одном ложе, Ничтожной красоты, лежит Пузатое Зерно, на что оно похоже, И что тут говорить, кому оно нужно, Ну, разве каши наварить – смешно! Вот тут-то Зёрнышко сказало: «Заслуг твоих немало. Но и пшеничное Зерно по миру знают, Любовно его Хлебом называют. Так как бы ты ни дулся, До Хлеба ты ещё – не дотянулся. Ты просто инструмент по жизни, А Хлеб - источник жизни. Тут возражений нет - и в этом весь секрет: О Хлебе золотом написаны слова: Хлеб - всему голова». Прекрасные слова о Хлебе прозвучали, И басня не нуждается в морали.

Идеал

Однажды мне знакомый дед Достаточно преклонных лет Свою судьбу повествовал И откровенно рассказал:

- Скорей всего, сам виноват, Ни разу не был я женат А если спросишь: почему? Искал я идеальную жену.
- И что, за девяносто лет Не смог найти одну?
- Ну, почему; ответил дед, -Одну я всё-таки нашёл И даже свататься пришёл, На этот раз я получил отказ.
- Так в чём же дело? Скажи причину.
- Да дело в том, что и она Искала идеального мужчину.

Зачем из кучи идеалов выбирать - Не лучше ли свой идеал создать?

Владимир НЕНАШЕВ

5 октября 1970 года - родился в Качканаре. 1985 г. - окончил 8 классов школы N7. 1988 г. - окончил ГПТУ 87, ушел в армию, служил 2 года в ВДВ в Литве. 1991 г. - устроился в КГОК. 2001 г. - закончил УГГГА. 2004г. - занялся предпринимательством. 2008 г. - вернулся в КГОК. С 2010г. - директор лагеря отдыха «Чайка». Женат. Двое детей. Кошка. Увлечения: бильярд, стихи.

Выборы

Так хочется покоя, тишины, Чтобы ТВ заткнулся на мгновение, Володя с Димой были б лишены Возможности нам портить настроение.

Так хочется послушать пенье птиц, Вдохнуть все ароматы предвесенние, Себя отдать в объятия блудниц, Но как бы не забыть про воскресение.

Я натяну парадный патронташ, Берет надену голубой, простите, Ведь этот выбор самый главный наш! Я первый! Я за НАШИХ! Пропустите!

И я возьму бесценный бюллетень, Замедлит сердце свой привычный бой, Какой прекрасный и великий день, И я сегодня разберусь с тобой.

Вот здесь, в кабине, я вам всем задам. Ну, кто тут депутаты? Кто тут власть? Хотите крестик, галочку? Не дам! Я что, пришел бумажки в урну класть!

Я революцию сегодня совершил! Свалил врагов в поганое ведро!

Поставил смело, дерзко (не спешил) На всякий случай крестик за ЕдРо.

И вот он март. Весенний запашок. Всё хорошо, и вправду хорошо.

Дорога к Богу

Не просто построить дорогу, Кто сколько на это потратит, Дорогу к Создателю, к Богу. Порою всей жизни не хватит.

Греша, мы ж грехов не считаем. Не знаем, увы, что считать; Не молимся, сразу прощаем Самих себя - как не прощать?

О близких своих забываем. Родителям редко звоним. Загруженностью объясняем Свою невнимательность к ним.

Знакомимся мы, как обычно -По принципу выгоды нужной, Сие называем цинично Святой, бескорыстною дружбой.

Любовь заменили на похоть, А верность вообще позабыта. Детей не рожаем, за что хоть Плати, хоть казни без любви-то.

Не верим в добро без обмана. В людей без обмана не верим. Закрыли, зашили карманы. Замками обвешали двери.

И стонем, судьбу проклинаем. Забыло нас небо, не холит. Грехи свои не вспоминаем. Раскаянье к нам не приходит.

Я точно такой же, из многих. Ничто, так сказать, мне не чуждо. Я также не знаю дороги, Но знаю, что мне это нужно.

Я всё же ищу покаянье. В душе своей чувствую Бога. Я верю, что только старанье Поможет построить дорогу.

Дочь

Я дочь родил! Да, я родил! Я сам родился в ней отчасти. Любовь любимой подарил И создал маленькое счастье.

Я в руки маленькую взял, В глазёнки посмотрел, о Боже, Их не любить никак нельзя: Они ведь на мои похожи.

Целую доченьку свою, Она смеётся, прям хохочет. Танцую вместе с ней, пою, Играю столько, сколько хочет.

Пускай весёлая растет, Не знает страшных снов и боли, Ведь папа рядом, он спасет И от бабаек, и от троллей.

Она ата-ата - я счастлив, Она ыгы - я ей агу. Мы разговариваем часто, Я долго так болтать могу.

Моя душа неоднолична, Но, что бы ни было там с ней, Я лучшую её частичку Вверяю дочери своей. Она ж кусаться начала, Два зуба вылезло - и дочка Их назначенье поняла И стала применять их срочно.

Такая шустрая растет. Перевернется на животик И что-то там себе поёт, Руками, ножками колотит.

Любое новое движенье, Да с переполненным подгузником, На самом деле достиженье Для маленького карапузика.

И, я уверен, дочь моя Уже имеет понимание, Как я люблю её, как я Стараюсь уделить внимание.

Не устаю благодарить Свою супругу – её маму, Что мог я без неё родить, Мужскую не сломав программу?

Я посвящу судьбу свою Любимым девочкам моим. Поверьте, правду говорю: Вся моя жизнь - лишь им одним.

Маме

Уже почти мелькая юбилеями, Я только-только достигаю понимания, Как можно жить немодными идеями - Любви, Самоотдачи, Сострадания.

Как нужно верить в истинные ценности, Неоцененные, непознанные ранее, И как любить свои обыкновенности, Так тщательно укрытые сознанием.

Возможно, я взрослею окончательно, И скоро всё само ко мне придет, Но, безусловно, очень замечательно, Когда есть тот, кто рядом так живет.

Могу ли я винить тебя за нежные, За искренние чувства материнские, Эмоции бескрайние, безбрежные И сдвинутые горы исполинские.

Могу ли не прощать себя за злость, За эгоизм, гордыню беспримерную. Я виноват, что столько пролилось, Но обречен пролить ещё, наверное.

Свою вину почувствовать боюсь, Когда наступит болью неизбежное. Любимым сыном, другом остаюсь С душою беспокойною, мятежною.

Ведь нет во мне ни доли безразличия. Хватает места для любви, добра и света. Я наделен не худшими отличиями. Спасибо, мамочка моя, тебе за это!

*** *** ***

Вчера умерла моя мама. Я словно ударился лбом. Спрямилась её диаграмма Над реанимационным столом.

Все мысли, все чувства смешались. Я вновь рефлекторно реву. Наверное, плохо старались На этом сдержать берегу.

Прости меня, мама, прости. За слёзы твои, за обиду, За сумки, что лень мне нести, За грубости, мелкие с виду.

А сердце твоё так устало Болеть за чужие грехи. И вот оно, щедрое, встало, Решив отдохнуть у реки.

Паромщик учтиво дал руку, И мама, паря над водой, Гнетущую лживую муку Стряхнула и, став молодой,

Покинула грешную землю, Оставив на ней свою боль, Где ложным богам слепо внемлют И грязными могут быть столь.

Теперь её щедрая воля Свободна и счастлива всласть. Не будет обиды и горя В миру, где Всевышнего власть.

Мамуля, будь счастлива с Богом. За нас не волнуйся, лети. А мы побредём по дорогам Земным, что судьба нам пройти.

Но жизнь эта так скоротечна. Когда подытожу свою, Замолви там мама словечко За грешную душу мою.

*** *** ***

Как бы не ляпнуть чего-то расхожего, Иль не исполнить чего нехорошего, Чтобы случайно вдруг кто не обиделся, Не пожалел, что со мною увиделся.

Мало ли что, ну бывает ведь всякое. Стрессы как камни за пазухой брякают. Время приходит - и словно с цепочки Бесы срываются поодиночке.

А коли пьяный, тем более боязно, Тут уж не камень, а шашка за поясом. Эх, разгуляюсь - и деньги что брызги, Память - нелепых событий огрызки.

Что-то друзья объяснят обязательно, Чтобы жене рассказать показательно. Лишь бы в сетях не прославилось видео, И мой загул всё село не увидело.

Даже в обычные будни рабочие Демоны рвут, до конфликтов охочие, Если всё просто и ровно в реалии - Напредставляю интриги, баталии.

Нафантазирую жуткие сложности, Усугублю их же до невозможности И разрулю круто все неприятности В этой своей нереальной реальности.

В общем, сомнительно, хлопотно, боязно, И как-то всё деревянно-попоясно, Хоть не высовывай носа из комнаты, Чтоб не манили нетихие омуты.

Жизнь чтоб напичкалась бытом и сытостью, Сверхцеломудрием, мегаумытостью. То есть зарыться поглубже, как водится. Точно! Тогда уж никто не обломится.

*** *** ***

Сомненья прочь, ведь это ты мне снилась. Я весь в любви и в сладости парил. Ты, как звезда, сияла и светилась И заливала свет других светил.

В моей душе запели снова птицы. В ней зацвели сады земных цветов. Я пересек реальности границы. Я танцевал под музыку ветров.

Твои глаза читали моё имя, Оно хранит греховные года, А я опять шептал: «Моя богиня, Не покидай, не прячься никогда»

В своём бреду я был безумно счастлив, Исчезли все страдания и боль, Невозмутим, спокоен, безучастлив И от проблемы огражден любой.

Вокруг любовь ручьями извивалась Из наслажденья страсти и огня. Ты, словно ангел, в тех ручьях купалась, Заманивая в них с собой меня.

Свет разливался в тысячу сторон Проглатывая лица и предметы. Я закричал, но это был лишь стон, И он остался снова без ответа.

Мой страх рожден от счастья и покоя В которые случайно окунулся. Я так мечтал о близости с тобою. Я так желал, но рано вновь проснулся.

А вот сейчас все, наконец, случилось. Смотрю в глаза и вижу сны свои. Сомненья прочь, ведь это ты мне снилась И страстные объятия твои.

Анжелика ПАНКРАТОВА

Мне 25 лет — четверть жизни. Стихи начала писать рано, в третьем или пятом классе. Толчком к этому послужила ссора родителей: я очень тогда переживала. Все школьные годы не расставалась с творчеством, хотя строчки мои не были совершенными. Кроме поэзии, очень люблю спорт.

Окончила качканарскую школу имени К.Н.Новикова и поступила в Исовский геологоразведочный техникум, на маркшейдерское дело. Окунувшись в студенческую жизнь, писала заметки, статьи,

песни, стихи; участвовала в областных поэтических конкурсах, спортивных соревнованиях, знакомилась с людьми, которые близки мне по духу.

После диплома, который я получила в 2009 году, и небольших испытаний в жизни я в 2010 году вернулась в родной Качканар. Сейчас работаю на Западном карьере Качканарского горно-обогатительного комбината. После окончания техникума долгое время не писала стихов, но «Лукоморье» вновь вдохновило меня на творчество.

Двойной такт

Сегодня день особо важный: Сегодня мама родилась, А вместе с ней и мое сердце Двойной отстукивает такт. И пусть за окнами снег ходит По длинным черным проводам -Я прибегу к любимой маме, Держа весну в своих руках. И у порога меня встретят Живые, добрые глаза И руки, что меня качали, Когда малюткою была. И все печали и невзгоды Да обойдут мой дом родной. Когда есть мама, рядом будут В нашей семье уют, покой.

Листья

В сердце мое весна пришла И теплотой пальцы согрела, И мне не страшно, что одна Листья тяну так неумело. Жизнь продолжает бить ключом. Чашу весов вновь наполняя, Над моим ветхим этажом Дугою радуга сияет.

Здравствуй!

Почему сегодня серо?
Спать мне хочется с утра.
За окном июль, но лето
Скрылось в пелене дождя.
Все кругом настолько влажно,
И не знаешь, где ступить,
Будто осень вдруг настала
И не хочет уходить.
Но надежда не угаснет,
Как и звезды в небесах!
Лето завтра скажет: Здравствуй!
Заглянув в мои глаза.

Там, где восходит солнце

Там, где восходит солнце, Где идет дождь с утра, Я иду лесной тропою И в глазах мечту храня. Все, что нужно, дорогое, Я в рюкзак к себе сложу, Улыбнусь и на прощанье И друзьям своим скажу:

Ищите, ищите меня в горах, Там я оставлю след и частичку себя. Зовите, зовите ветра В края сурового и таежного сна.

Там, где туман скрывает Тайны неприступных гор И бурый медведь, качаясь, Повстречается мне днем; Там, где с перелетом птиц Полетит мое письмо В городок, где все родные, Собравшись, прочтут в нем:

Ищите, ищите меня в горах, Там я оставлю след и частичку себя. Зовите, зовите ветра В края сурового и таежного сна.

Там, где росой умоюсь И напьюсь из ручейка И усну под небосводом Рядом у костра; И приснится мне теплый сон, Что я в доме, я в доме родном, И встречают меня друзья, Напевая вот эти слова:

Ищите, ищите меня в горах, Там я оставлю след и частичку себя. Зовите, зовите ветра В края сурового и таежного сна.

Геологи

Блестят позабытые слезы На ветке осенней березы, И медленно мутное утро, Светлея, спускается с гор. Озябли промокшие ноги От долгой, тяжелой дороги, И давит неделя на плечи, А мысли домой все зовут. Последние дни мы под небом, Шлихи промываем с рассветом, В палатке рисуем кроки И под гитару поем. Нас ждет впереди камералка, И планы маршрутов, и карты, И новые странствия в поле, Где искрится от солнца вода...

Хочу в детство

Я давно не спала детским сном, Не ловила за крылышки фею, Не смеялась сама над собой, Не звала свою маму к постели. Все, должно быть, ушло в бытие, Не вернется ко мне уже боле, А хочу я скакать на коне, Окунувшись в свободное море. В это море с названьем любовь И с мечтами далекого детства, Как хочу я хотя бы во сне Побывать там, где мне было десять.

Виктор ПЕРЕПЕЛИЦА

Родился 6 мая 1947 года в посёлке Федино Исовского района. В 1965 году закончил 11 классов Исовской средней школы. Вскоре был призван в армию, обслуживал стратегические ракетоносцы ТУ-16. После увольнения в запас поступил работать в Качканарский ГОК, где трудился машинистом экскаватора до выхода на пенсию. В 1974 году награждён орденом «Знак Почёта». В 1990 году в качестве бригадира принимал участие в монтаже и освоении первого в ГОКе экскаватора ЭКГ-10 №1.

Покорил самые высокие горы в Свердловской области. Увлечения: зимой — лыжи, летом — участок в саду №4. И — стихи.

Мой город

Город наш красив и очень молод, Год рожденья – пятьдесят седьмой. В этот год посланцы комсомола Вызов бросили тайге глухой.

Им сначала было очень трудно. Жить пришлось в палатках, у костров, Чтобы у горы железорудной Вырос славный город горняков.

Весело в лесу звенели пилы, Вторили им дробно топоры, Днем нещадно солнышко палило, Ночью досаждали комары.

Улицы росли в тайге дремучей – И палатки больше не нужны. Строить в Качканаре ГОК могучий Ехали посланцы всей страны.

Годы пролетели, словно птицы, Город мой разросся вширь и ввысь – Школы, детсады, дворцы, больницы У горы у Долгой поднялись.

Ныне комбинат – крупнейший в мире Черной металлургии гигант. Я б хотел тебя прославить в лире, Жаль, что не дан мне такой талант.

Не похвал – награды ты достоин, За тебя я очень горд и рад! Знака качества недавно удостоены И окатыши, и наш агломерат.

Вот уж утро снова наступает, И заря пылает, как пожар. Хорошеть и здравствовать желаю Я тебе, любимый Качканар!

В карьере

Есть в недрах старого Урала Железных руд еще немало, И впереди других стоит Наш качканарский магнетит.

Свой час ты долго ожидала, Руда большая, мать металла, И вот пробил он, наконец, Добыть руду призвал партсъезд!

Земля от взрывов задрожала, И в глушь медведица сбежала, Когда пришли забрать дары Люди у Гусевой горы.

Природа наша не спала, Красот здесь много создала, Но изменил весь интерьер Рук наших детище – карьер.

Над головою неба сфера, А под ногами – дно карьера. Посмотришь вниз из-под руки – Там словно черви и жуки.

Жуки – огромные машины – Грузят руду червям на спины. Жаль только, черви-поезда Идут с задержкой иногда.

Чтоб мог работать экскаватор Своей огромною лопатой, С шипеньем грозным, чуть дрожа, Гору дырявят СБШ.

Блок завершен, станки убрали, Путейцы звенья разобрали, И вот уж, выставив флажки, Ведут зарядку взрывники.

Сирена взвыла, и ракета Черкнула небо, как комета. Взметнулся смерчем мощный взрыв, Земные недра приоткрыв.

«Зеленый мыс»

Среди сосен и берез Живописный есть утес. С «моря» дует теплый бриз, Лес наполнен пеньем птиц.

Среди этой красоты, Претворяя в жизнь мечты, Потихонечку, не сразу Люди сделали террасу.

Годы шли – и наконец Распахнулся наш дворец. Звать его «Зеленый мыс», Жить в нем стал бы даже принц. Хроник нет и нет историй Про родной наш санаторий. Но я знаю: день придет – Он в историю войдет.

На горе горят огни, За сто верст видны они. Скоро станет наша трасса Мирового экстра-класса!

Горнолыжник и турист, Приезжай в «Зеленый мыс»! Приезжайте в гости к нам, Все понравится здесь вам!

Качканарский вальс

Город милый, ты нам очень дорог. Здесь мы выросли, стали людьми. В нашей жизни ты дом и опора, Для тебя мы остались детьми.

Припев

Качканарский вальс пусть кружит Юных и совсем седых. Кто с романтикою дружит, Пусть закружит вальс и их. Расти вширь и в высь город юности! Хочу, чтобы не был ты стар. Седой Урал чуть моложе стал Оттого, что ты есть, Качканар!

«Море» Выйское тихо качает Яхты белые и белых чаек. Вырос город вокруг горы Долгой, Ну, а ГОК – на горе Любви!

Припев

На широкие, чистые плесы Вниз сбегают гурьбою березы, И дома, словно лестниц ступеньки, Средь таежного леса стоят.

Припев

Я в Швейцарию жить не поеду, Был в Крыму и в Сибири не раз Но красивей нет места на свете, И девчат нет милей, чем у нам.

Припев

Качканарский вальс пусть кружит Юных и совсем седых. Кто с романтикою дружит, Пусть закружит вальс и их. Расти вширь и в высь город юности! Хочу, чтобы не был ты стар. Седой Урал чуть моложе стал Оттого, что ты есть, Качканар!

Людмила РЕЙЗЕ

Экономист по образованию, она много лет отдала этой профессии. Сейчас, в пенсионном возрасте, работает администратором гостиницы «Октябрьская» и активно занимается в городском литературном объединении «Лукоморье». Людмила Павловна неплохо владеет пером, а также кистью художника (в свое время она заочно училась в Московском университете искусств). Людмила Рейзе — автор многих рассказов и стихов. Ее стихи опубликованы в коллективных сборниках «Рассветай, Качканар!», «Качканарская осень», «Благовещение», «И пишет сердце...» С творчеством Л.Рейзе знакомы также «обитатели» Интернета.

Грусть поэта

Дождя унылое пространство, Из грусти сотканный узор. В нем боль, обман, непостоянство, Судьбе несказанный укор. Стихии грусть и шепот ночи, В тумане плачут небеса, Да тени прыгающих строчек, Видений чудных голоса.

Пришла весна

В окошко смотрится луна, В которую я влюблена. И шлет мне лунный поцелуй, И шепчет мне: пришла весна! В любви признанья при луне, Играют блики на окне. Она рисует беззаботно Твой профиль на моей стене. Я посылаю ей привет, Мечтами сотканный букет. Букет холодных, нежных лилий, С любовью созданный сонет.

Летний полдень

Полыхает в хмарной дали Куст малиновой каймой, То шиповник отцветает Под березовой листвой. Солнца зрелая ромашка В поле бледно-голубом, В томном мареве букашка Спит в тенечке под листом. И кузнечик не стрекочет В жаркий полдень, стих в траве. Только дятел, что есть мочи, Долбит по своей сосне. На большой лесной опушке Летний зной палит бока, Где-то спряталась кукушка В тень глухого тальника. Сонный лес зеленой гривой Зрит в слепые небеса. Земляничка ждет тоскливо, Чтоб наполнить туеса.

Гроза

Был летний день. Томило жаром, Дремала выцветшая тень, И солнце ярким, рыжим шаром Палило в небе целый день. Но вдруг из дальнего далека Дохнуло свежим ветерком - И тучи темной поволоку Согнало ветром в черный ком. И молния с высокой кручи Пронзила огненной стрелой Дождем наполненную тучу, Взорвавшись громом над землей. И все вокруг затрепетало: Слепила молния, резвясь, А туча долго рокотала, Пока дождем не пролилась.

Сентябрь

Берез золотистые пряди В седеющих кронах листвы,

И горечь рябиновых ягод, И сухость осенней травы. И, ранним закатом томимый, Гудит стоголосьем кедрач, И, ветром по верху гонимый, Доносится иволги плач. Тропинки заброшенных просек, Бредет в них заезжий грибник. Спешит беззаботная осень На свой долгожданный пикник.

Зимние фантазии

Кружит поземкою метель, А по ночам все та же стужа, Скорей бы звонкая капель Да брызги солнечные в лужах! Затихли даже воробьи В объятьях властного мороза, А в сердце все же соловьи В веселых, ветреных березах. Дурманный запах тальника И запах ландыша мне снится, И зов весны издалека Нежданной трелью ранней птицы. То сны, а на дворе мороз, Луна в туманном полукружье. Прохожий зябко прячет нос В разгар крутой январской стужи.

* * *

И вот подкрался он, трескучий, И больно щиплет уши, нос, Становится сильней и круче Зимы студеной друг – Мороз. Мороз упрям. Краснеют щеки, Ресницы иней опушил, И стерты все границы, сроки, Когда на землю он ступил. Рисует снежные узоры, Дворцы, деревья на стекле. Поутру за тяжелой шторой Находим сказку на окне. Но света луч уже играет

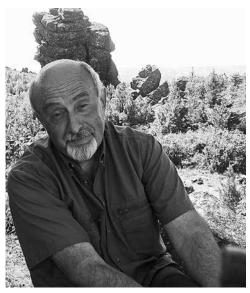

На стенах зимнего дворца, С восходом солнца быстро тает Рисунок снежного творца. И все ему, конечно, мало: Льдом толстым реки намостил, И не берет его усталость, Он энергичен, полон сил. Пичужкам малым нет забавы, Притихли в стрехах иль в дупле, Чинит холодную расправу Мороз сурово на земле.

Полнолуние

Полнолуние. Сияет Круглолицая луна, В ночи эти собирает Ведьм на шабаши она. Разыграются в чащобе, Защекочут – попадись, Шутки ради иль по злобе -С ними лучше не водись. И кикиморы в болотах Шебуршат навеселе, Небо в ярких, белых звездах, Мчится ведьма на метле. Леденящий душу хохот, Хороводы у реки. Едешь лесом - слышен топот, Рык звериный позади. Запоздалый путник вздрогнет, Конь споткнется, задрожит, Словно в чаще кто-то стонет: Это бесов куражи. Но проходит время игрищ, Затуманилась луна. Леший больше уж не свищет. Ночь становится бледна. Затаилась нечисть злая, Расползлась во всех углах. Небо зорьку обнимает, Тлеет день в ночных кострах.

Александр СМОЛЯНСКИЙ

Родился в Ленинграде в 1951 году. Отец был видным ученым, мать — юрист. Закончил Ленинградский политехнический институт, стал инженером-физиком (специализация — механика).

С 1974 года работал в научно-производственном объединении, ответственном за автоматизацию цементной промышленности СССР, проработал на этом поприще 25 лет, довольно быстро стал главным конструктором автоматизации в отрасли, ответственным за уровень автоматизации цементных заводов страны.

После начала перестройки продолжал работать в том же направлении, создав несколько небольших фирм (одна из них существует в Петербурге до сих пор

и возглавляется моим младшим братом). Успехи в этой деятельности позволили обратиться к совершенно иной сфере — поддержке культуры и искусства в Петербурге: став членом комитета по культуре мэрии СПб и вице-президентом Меценат-клуба немало времени и средств отдал на реализацию важных культурных проектов в сфере театра, литературы, особенно музыки.

В 2000 году перебрался в Германию и стал фактически продолжать свои цементные труды — но уже «с другого берега»: стал координатором ряда проектов, связанных со строительством и модернизацией цементных заводов России и Украины на базе немецких машин и оборудования. В дальнейшем, в связи с сокращением поставок цементных линий в Россию, как-то плавно перешел на координацию проектов в области дробильно-сортировочного оборудования, что и привело в Качканар.

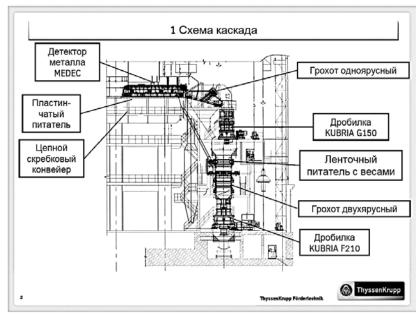
С женой познакомился на цементном поприще, вот уже почти 40 лет вместе. Имею двух дочерей, обе закончили университеты в Петербурге и в Германии, одна работает здесь адвокатом, другая математиком. Оба зятя — коренные западные немцы.

Старшей внучке 14 лет, младшей - 6.

Люблю работать, а в свободное время путешествовать. А в свободное от работы и путешествий время – пишу стихи, особенно много перевожу с иностранных языков. Главный тут интерес – эпиграммы.

КАСКАД ПРЕДО МНОЮ... Из рассказов бывалого каскадера Качканар, июнь 2012

ОБЩИЙ ВИД

Вот каскад, что Тиссен с Круппом Поставляют в Качканар. Кто найдет решенье глупым, Сам, простите «квачконарр»¹.

Шесть машин приметны в схеме – Двух дробилок мощный вид, Плюс два грохота, со всеми Принадлежностями сит,

Два питателя различных – Тот - с пластинами в ходу, Этот – из вполне привычных: Тянет лентой он руду.

Что? Еще конвейер? Точно Есть цепной еще один, Но потащит он лишь то, что Вниз провалится с пластин.

¹ квачконарр (нем.) – от «квач» (чепуха) и «нарр» - шут, дурак

Эту схему двухстадийной Называем мы и ГОК, В точке самой серединной Есть меж стадий бункерок.

Хоть со схемой цемзавода Сходство тут невелико, Но объект такого рода Тоже втюхать нелегко.

Тоже надобно уменье, Чтоб не скиснуть по пути, Но до самого внедренья Эту схему довести.

Для того как раз учеба И проходит нынче, чтоб У любого... (крутолоба) Эта схема влезла в лоб.

А когда наступит осень И созреет урожай, Чтобы он нам прогундосил: Принимаю! Загружай!

Качканарский ГОК – а вкупе С ним его московский пуп на своем почует крупе, Что такое ТиссенКрупп!

КОНУСНАЯ ДРОБИЛКА

В схеме главная - дробилка, Конус, корпус и т.д. Все дробит дробилка пылко И с высоким КПД.

Есть у конусной дробилки Механизмов много, но У нее – как у дебилки – На уме всегда одно:

Раздробить, что раздробится, Будь то летом иль зимой, И при этом износиться Наименее самой.

В том поможет ей, любимой, Нежных датчиков чутье, Чтоб не смог поток дробимый ИзнОсиловать ее,

Чтоб доволен был заказчик, Как дробилка хруп да хруп. Вот такой-таки образчик И поставит ТиссенКрупп!

ЛИНЕЙНЫЙ ГРОХОТ

Грохот – это не дробилка. У него сита внутри. Для потока он – делилка На две части (или три).

Грохотить – совсем не то же, Что шуметь, орать, вопить, Чем он, грохот, подороже, Тем получше должен быть.

В этом плане грохот Круппа Конкурентов крепко бьет – Лишь для крупного закупа Этот грохот подойдет.

После краткого притира Будет он готов к труду, Дабы ревностно сортировать пришедшую руду.

Все рассеет – а рассейность В этом деле только плюс - И его прямолинейность Восторгает даже Муз!

ПЛАСТИНЧАТЫЙ ПИТАТЕЛЬ

Вот пластинчатый питатель. Он одет в пластины сплошь И известен как податель Матерьяла на дроблеж.

Транспортер такого сорта (Ну почти такой типаж) В суете аэропорта Продвигает наш багаж.

В нашем случае пластины Сообразно со средой Сделаны не из резины, А из стали из крутой.

На пластинах неуклонно Не баулы он несет, А руды железной тонны – В час примерно девятьсот.

Он легко нагрузку примет, А чтоб мог играться ты Его скоростью – есть привод Переменной частоты.

ЦЕПНОЙ КОНВЕЙЕР ОСЫПИ

И сторонний наблюдатель Углядит наверняка: За пластинчатый питатель Цепко держится ЦК.

Нужно четко разобраться, Что ЦК за аппарат – По-немецки «кеттенкратцер»² Про такое говорят.

На Руси – «цепной конвейер» Величают механизм

² кеттенкратцер (нем.) - цепной скребковый (конвейер)

(Аналогии навеял Букв начальных буквализм). Под питатель всю коробку Подведи и закрепи И отметь, нажавши кнопку, Что ЦК тут на цепи.

Роль он важную играет, Чем заказчика пленил, Ибо осыпь подбирает, Что питатель обронил.

ДЕТЕКТОР МЕТАЛЛА МЕДЕК

У детектора металла Есть обязанность – следить, Чтоб в дробилку не попало То, что ей не раздробить.

Если он металл уловит В поступающей руде, То питатель остановит Во питательском труде.

Металлической болванке Не попасть тогда в поток, Словно в суп грибной поганке Или же иголке в стог.

Если кто-то сунет что-то Непотребное в руду, Этот «кто-то» - враг народа, Но детектор на посту.

Он в диагнозе как медик -Различит заразу вмиг. По названию он «Медек», Но по делу – «Золотник».

ЛЕНТОЧНЫЙ КОНВЕЙЕР С ВЕСАМИ

Это ленточный конвейер, По-простому – транспортер. Лично я бы не поверил, Что в устройстве он хитер.

Что такие единицы Комплектующих машин Нужно брать из-за границы – Я сказать бы не спешил.

Но купили - так купили. Хоть конвейер – не гешенк,^{3***} Но хотя бы прикрепили Датчик веса фирмы «Шенк».

Стало быть, конвейер будет «Шенковать» расход руды - И участники рассудят, Сколь весомы их труды.

Шенк – как Крупп – известна марка, Выдаст точный он сигнал И шенкарь (или шенкарка) Все запишет в бортжурнал.

³ гешенк (нем.) – подарок, халява

VILESIK

Стихи начал писать ещё в школе, классе в 8-м. Дали задание экспромтом «наваять» пару строк в рифму. Не помню, о чём было стихотворение, но называлось оно «Заяц и окно», своеобразный ремейк на Винни-Пуха.

Потом последовал смелый и бесхитростный закос под Владимира Орлова. Подсмотрел концовку его стихотворения в какой-то рекламе и использовал прямо по назначению - для концовки «Это - Родина моя!». А сами стихи о родном городе - беспроигрышный вариант.

На слушателей действовало безотказно. Дальше были Маяковский и Высоцкий, под которых, в поисках собственного языка, в старших классах косил вообще безбожно.

В институте посвящал стихи девушкам, впрочем, без особого успеха. Участвуя в межфакультетских поэтических фестивалях, пробовал читать со сцены, чем немало напугал девчонок из студенческого отряда, привыкших к лиричным бардовским песням. Успех выражался в том, что, во время походов из общаги на остановку, за пивом, бухающие там студенты узнавали меня и просили рассказать стишок...

В настоящее время мало пишу, часто углубляясь в излишнюю философию, занимаюсь ненужным самокопанием. Хотя этим грешит большинство графоманов. Как сказал обо мне один знакомый: «Матёрый графоманище, доложу я вам!»

Ветер в спину. Солнце греет. По Коломенской иду Мимо тех, кто на скамейке Пьёт за радость и беду. Мимо них и магазина На углу. Вот это да! Он открыт без перерыва Каждый день, почти всегда. И как в школе говорилось (Впрочем, может, я совру), В жизни что-то повторилось, Значит - правильно живу.

Рад всему. Погода шепчет. Главное – не упустить. В Петербурге лето вечно. Время над собой расти.

В доме тихо. Тишина. Это хорошо! Я искал её три дня. Наконец нашёл. И надеюсь, и молюсь, Что не позвонят, Не узнают, не убьют, Не отправят в ад. Мне не надо ничего. Тишина звенит. На душе моей легко И она молчит. В доме тихо. Тишина. Это хорошо! Я искал её три дня. Наконец нашёл...

Парад планет начинается. И строки уже в Контакте... Восстания поднимаются на всероссийской карте. Лбами столкнутся партии, меряясь, кто сильней строится демократия дубинками по спине. Я не ходил на выборы, я не голосовал, с митингов инфы не видел, это не выбирал... О грубой лжи, подтасовках, постят в интернете друзья. Я не участвую в потасовках людей, обманывающих себя.

*** *** ***

Еду в метро. Достало.
Вижу плакат. Шести лет
Девочка нарисовала
Ангела. Жёлтый цвет Он основной в работе,
Ещё красный, зелёный цвет.
Всё очень круто, вроде.
Только рук у ангела нет.

Перебирая всё, что было, Роясь на майле, как в себе, Мы ищем для движения силы. Находим, чаще, всякий бред. Как залежалые продукты, Письма людей, их имена. Давно прошедшие минуты, История... и не одна. Мелочи выглядят серьёзней. Всё громче тишина звенит. Мы жжём мосты, пока не поздно, Парой нажатий на Delete.

Скоро конец света.
Надо как-то отметить это.
Вещать из глубин Интернета
О конце - не true для поэта.
Чел с работы по имени Вася
Предложил мне купить вискарик.
Ну, и жахнуть, точнее - вдарить.
В общем, выпить за всё за это.

Гагарин

На детской игровой площадке Лёг тонким слоем белый снег. И кто-то, быстро попрощавшись, Организовал побег. И много стало в этом месте, Где дети мучают детей, Добротных рифм, простых, чудесных, Тупых ребяческих затей. - Зравствуйте, Дядя. - Привет, Парень, -Ответил челу на бегу. Он, может, будущий Гагарин, Ая вот нынче не могу. Зима хоть и в самом начале, Но заманала под конец. Дела мои - мои печали, А этот парень - молодец.

Андрей ШЛЯХТИН

Шляхтин Андрей Юрьевич родился в посёлке Суксун, Суксунского района Пермской области 16 сентября 1962 года. В 1971 году оказался в Качканаре. Окончил 8 классов в школе №6. Далее учёба в Исовском техникуме и служба в армии. После армии, проработав три года на КРЗ, поступил в УрГУ на исторический факультет. Там и увлёкся поэзией. Закончив УрГУ, вернулся в Качканар, где живёт и работает по сей день.

Аяз и Зухра (поэма)

Аллах Акбар¹! О, Отче наш Христос! Не зря я Вас обоих превознёс. Молю дать сил, способностей, терпенья, Чтобы в семи частях произведенья Запечатлеть и Запад, и Восток Строфами в семь пятиударных строк. Три рифмы нам напомнят о сонете, Среди стихов король, он в старом свете, Созвучия, что в них заключены $\Delta = 2$ Дастану² дань – султану стороны, Где некогда мудрейшим курайшитом³ Основан мир культурою и бытом Отличный. Эх, признаюсь напрямик, Мечтаю, что их сблизит семерик⁴. Но это лишь сухие схемы, числа, Они ничто без логики и смысла. Взор обратим к прошедшим временам... Разделим быль и небыль пополам... В изящные азийские сравненья Рискнём вплести заумные сужденья Европы... там решим, как дальше быть, Ведь главное - начать. А посвятить Позвольте, что сберётся по крупицам Всем горячо любимым ученицам.

¹ Акбар (арабское) – великий.

² Дастан – поэма, пишется двустишиями (две рифмованные строки).

³ Курайшит – аристократ в Мекке, священном городе для мусульман. Имеется в виду Мухаммад (Мухаммед, Магоммед) – основатель ислама.

⁴ Семерик – семистрочная строфа, которой написана вся поэма. Конструкция такая: а,б,б,а,в,в,а.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

В саду Хивы – столицы молодой Великого воителя востока, Недалеко от левого притока Амударьи, под полною луной, Сидел Аяз – сын славного Саида – Соратника Махмуда Газнавида⁵, Печальное лицо прикрыв рукой.

2.

Чем удручён единственный наследник Почтенного азада⁶, несмотря На юные лета, благодаря Стараниям отца, не привередник, Не неженка, а воин, и в любой Компании всегда желанный, свой, Как весельчак и умный собеседник.

3.

Событие, прошедшее вчера С невиданной помпезностью – причина Тяжёлых дум младого паладина (Ушедшего незримо со двора Властителя в разгар хмельного пира) Брак Газнави и дочери вазира⁷ По имени небесному Зухра⁸

4.

Десятки раз погибнуть на майдане⁹ От вражьих рук, бессрочную тюрьму, Страдания под пытками ему Почёл бы он, поскольку в Туркестане, По мнению Аяза, красотой Никто не мог соперничать с Зухрой, В том юноша поклялся б на Коране.

5.

Сама Судьба, казалось бы, должна Содействовать была им неуклонно,

⁵ Махмуд Газнавид (Газнави) – великий полководец и государственный деятель первой трети 11 века.

⁶ Азад – родовой аристократ.

⁷ Вазир (везир, визирь) – лицо, приближённое к правителю, министр.

⁸ Зухра (Нахид) – Венера.

⁹ Майдан – площадь. А так же ристалище, поле битвы.

В год Лошади, под знаком Скорпиона Родился он сперва, потом она, В семье Мусы – Саидова соседа И самого толкового мобеда¹⁰ Правителя уже в те времена.

6.

Астральное сродство, происхожденье От двух весьма влиятельных родов, Давнишняя привязанность отцов, Соседство их, заслуги, положенье В сближении Аяза и Зухры Сыграли роль, с ребяческой поры В них пробудив взаимное влеченье.

7.

И вопреки законам, у родных – Различных вер приверженцев, нимало Подобное тревог не вызывало, Наоборот - устраивало их. Желанием снедаемы соседство Скрепить родством, детишек с малолетства Отцы рекли «невеста да жених».

8.

Увы, когда прелестные бутоны Созрели для создания семьи И время снять с детей «епитимьи¹¹ Невинности» настало, благосклонный Доселе Рок к влюблённым молодым Им изменил, Мусе прислал калым¹² Сам Газнави, Зухру желая в жёны.

9.

О, это был поистине удар Для мудрого министра султаната¹³ И для его приятеля – солдата Махмуда: «Ох, несчастье! Ах, кошмар! – Они сперва роптали: - разве можно В его лета преклонные безбожно Губить одну из лучших в мире пар?

 $^{^{10}}$ Мобед – жрец в зороастризме – религии древних персов. А так же советчик, мудрец.

¹¹ Епитимья – в христианстве, церковное наказание (запреты, посты).

¹² Калым – выкуп за невесту.

¹³ Султанат – государство, возглавляемое султаном.

Но кто рискнёт ягнёнка и Лилею Огородить от старого, но Льва? Наверное, лишь тот, кому глава Уже давно отягощает шею. Он всемогущ. Недаром же халиф¹⁴, Махмудовы дела благословив, Назвал его десницею своею».

11

Наохавшись, наахавшись, отцы Решили, что перечить господину, Из верности, не стоит. И судьбину Детей своих прияли. Так бойцы Неважные, скорее из-за страха, Бой проиграв, немилостью Аллаха Пытаются прикрыться хитрецы.

12.

Но молодость не терпит поражений Ни в мирные часы, ни на войне, А ежели в любви - как сталь в огне, Закалена она, покуда Гений, С косой в руках и в траурном плаще, Не сделает своё, то вообще Нельзя её поставить на колени.

13.

Так и Аяз, с потерею своей Возлюбленной мириться не желая, Правителя держал за негодяя С тех самых пор, как этот любодей, Имеющий десятка два наложниц Из праведных и сотню из безбожниц Позарился на свет его очей.

14.

А ведь ещё недавно за султана, В нём находя великого вождя, В смятение гяуров¹⁵ приводя, Сражался он со злостью Ахримана¹⁶ В крещении кровавом, и не зря: Завоевал почёт богатыря, Достойного объёмного дастана.

¹⁴ Халиф – заместитель Пророка. Глава всех мусульман.

¹⁵ Гяур – неверный, враг.

¹⁶ Ахриман – божество зла в зороастризме.

Теперь Аяз увидеть Газнави Счёл б не среди друзей-аристократов За трапезой, а между супостатов, Поверженных решительно, в крови Лежащим ниц и слёзно о пощаде Молящего, Всевидящего ради, Субъектов им поруганной любви.

16

Конечно, он бы мог вчера незримым Приблизиться во время торжества К виновникам его, из рукава Движением достать неуловимым Заранее припрятанный кинжал И поразить Махмуда наповал Ударом в грудь, никем неотвратимым.

17.

Признаться, мысль подобная его Тревожила ночами на неделе, Но юноша отверг её: «На деле, Чем кончится такое удальство, - Он заключил вчера, - кругом гуламы¹⁷, Растерзанный на месте этой драмы, Погибну сам. Ей будет каково?»

18.

И в данную минуту, завершая Изложенный итог, Аяз шептал: «Нет, должен быть дряхлеющий шакал. И знать, что я и гурия¹⁸ земная В согласии и радости живём В краю, куда ни ночью и ни днём Не сыщет след его лихая стая».

19.

Отсюда план, три дня тому назад, Спасения попавшей в клетку птицы Пришёл ему на ум. Флакон водицы Купил Аяз, забредши в харабат¹⁹, У торгаша, который «Слёзы цапли» Назвал её, поклявшись: «Две-три капли Слона и то на сутки усыпят».

¹⁷ Гулам (гулям) – наёмный воин, слуга.

¹⁸ Гурия – райская дева.

¹⁹ Харабат – трущобы, развалины, место, где торгуют вином и всяким зельем.

«А если бы, - в нём ёкнуло, - веселье Закончится когда и в тишине Останутся они наедине, Зухра в фиал султана это зелье Добавила и скрылась из дворца. Вот будет пик женитьбы для самца – Мертвецкий сон и мрачное похмелье.

21.

Но только как? В окно по простыням Спустившись в сад. В саду, под тополями, Я буду ждать с хуттальскими²⁰ конями, Аналогов подобным скакунам На свете нет. На них в «обитель мира²¹» Под крепкую защиту ал-Кадира²² Умчимся мы и жизнь устроим там».

22.

Задумку, в дом придя из харабата, Аяз на лист бумаги перенёс, И, завернув в него флакончик «слёз», Нашёл Ису – Зухры меньшого брата, Отдал ему с наказом: «Отнеси Сестрице вещь. Но, Боже упаси, Быть вскрытой ей рукой не адресата».

23.

Он рисковал, естественно, собой И подвергал возлюбленную риску, Поскольку знал: в простую одалиску²³, Когда Махмуд женой очередной Обзавестись захочет, превратится Его звезда, богиня, чаровница, Что для неё сравняется с петлёй.

24.

Но первый тур закончился удачно – Аяз живой, а значит мальчуган Отдал сестре побега дерзкий план, Второй уже проделан однозначно –

²⁰ Хутталь (Хутталан) – область, славившаяся конями.

²¹ «Обитель мира» - Багдад.

²² Ал-Кадир – халиф с 991 по 1030 г.г.

 $^{^{23}}$. Одалиска – наложница или служанка в гареме – женской половине дома.

Два жеребца стоят у тополей, А третий тур, решающий, за ней – Лишение султана ночи брачной.

25.

В том, что Зухра пойдёт на это, он, Прекрасно знав её, не сомневался, Но несколько за жидкость опасался, Налитую торговцем во флакон: «А если мне пройдоха продал воду, Вина в неё добавив или мёду? Всё, результат выходит предрешён....

26.

Не вздумал бы. Ведь знает, что заразу Из-под земли достану за обман». Худую мысль отринул пахлаван²⁴. И больше ей впоследствии ни разу Не уступал, гоня подальше прочь На подступах злосчастную. А ночь Вступала уж в назначенную фазу.

27.

Тут юноша взглянул на небосвод, Украшенный на редкость дивным оком, Шепнул: «Пора», поднялся над потоком И, постояв у серебристых вод, Отправился в условленное место, Куда его названая невеста, По замыслу, должна прийти вот-вот.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

«О, Азиза – единственная лада По жизни, грех, великая беда Обрушились на нас! Я от стыда Готов сгореть на месте. Наше чадо – Бессовестный Аяз, позавчера Украл Зухру с султаного одра И скрылся с неё невидимо из града».

2

Вбежав в свой дом в слезах, изрёк Саид, И, заключив в объятия супругу, Теряющую силы с перепугу,

²⁴ Пахлаван – богатырь, витязь.

Продолжил так: «Проклятый самирит²⁵! Ещё б вчера почёл за небылицу, Что отпрыск мой Махмуду за девицу Когда-нибудь такое учинит.

3.

Не мы ль его растили на примере Воителя за истинный ислам, Которому служил достойно сам, Сейчас служу и в будущем, по мере Способностей и здравия, в строю Останусь, как солдат, на том стою, Да укрепит меня Создатель в вере.

4.

Ужели те понятия, что мы Важнее, чем свершение намаза²⁶ Считали: честь и верность для Аяза Не более словесной кутерьмы. Он их попрал чудовищной изменой – Умчавшись в даль с «хивинскою Еленой», При действенном союзничестве тьмы.

5.

К тому ж о том злорадно, подло, низко Наш выкормыш султана известил. Сегодня раб – румеец²⁷ Михаил Нашёл в саду флакон, а в нём записка: «Привет тебе владыка! Это я – Саида сын Аяз. Жена твоя Уехала со мной.... Куда? Не близко».

6.

Какой цинизм. Выходит мы с тобой, Наперекор желанию, Махмуду Не воина родили, а иуду. О, если б знал, я раньше в мир иной Услал его, грех на душу взяв лишний, А лучше бы ещё, когда б Всевышний Оставил нас бездетною четой.

7.

«Мой господин заботливый, не надо, Пожалуйста, Аяза проклинать, -Промолвила страдающая мать, -

²⁵ Самирит – хитрый, коварный человек.

²⁶ Намаз – ежедневная пятикратная молитва у мусульман.

²⁷ Румеец – ромей, римлянин, византиец, грек.

Как детище неверных или ада. Ведь все его негожие дела (Припомни, что сказал один мулла²⁸) Плод нашего с тобою недогляда».

8.

Мысль женщины любимой тот же час Одобрив, муж посетовал: «Наверно, Потворствуя наследнику чрезмерно, Во многом мы виновны. Сколько раз Я закрывал в процессе воспитанья Глаза на те зловредные деянья, Что позволял порой себе Аяз.

9.

Желания бывало сверхдосыта Уваживал. К примеру: захотел, По глупости, учиться наш пострел, Философа из Балха²⁹ и пиита Из Бухары я нанял для него, Подобное сочтя за баловство, Которое им будет позабыто.

10.

Да прогадал. Арабский и фарси³⁰ Он выучил за месяц и часами Просиживал над вредными стихами Муттанаби³¹, Балхи, Фирдоуси³², Над книгою, учёным Авиценной³³, Написанной во зло, так постепенно И выросла свинья из пороси.

11.

В придачу с ним – презлыднем окаянным, В родителей харкнувшим, заодно Была и дочь Мусы. Она вино Правителя, похоже, чужестранным, Разбавила снотворным мумиём³⁴, От коего, два дня проспав сурком, Он выглядел сегодня полупьяным.

²⁸ Мулла – служитель культа у мусульман.

²⁹ Балх – один из центров культуры в Иране.

³⁰ Фарси – иранский язык.

³¹ Ал-Муттанаби – великий арабский поэт.

³² Балхи, Фирдоуси – великие персидские поэты.

³³ Авиценна (Ибн-Сина) – величайший восточный учёный.

³⁴ Мумиё – горная смола. В переносном смысле зелье.

Вот молодёжь! Их, пестуя, растишь (С надеждою, что будет очень скоро, Встав на ноги, надёжною опорой До старости беспомощной малыш, Преемником в делах), они ж за это Благодарят подобною монетой, Роняя в грязь родительский престиж.

13.

А между тем, разгромом Саманидов³⁵, Походами на Индию, борьбой С шиитскою³⁶ сектантскою ордой, Свержением в Систане³⁷ Саффаридов³⁸ И много чем ещё заслужен он. Но, по всему выходит, просто звон Труды отцов для юных индивидов.

14.

Нет, милая супруга, недогляд, По-моему, не главная причина Предательства единственного сына И ветреной Зухры. Какой-то яд Надменности, распутства, вероломства С недавних пор, у нашего потомства Испортил кровь, причём у всех подряд.

15.

Предчувствую, теперешние дети, Как только нас объимет вечный сон, Загубят всё, что с дедовских времён, По зёрнышку сбирается, две трети Столетия уже, и сторона, Без добрых войск вождя-опекуна, Погрузится в период лихолетий.

16.

Какой-нибудь индус, огуз³⁹, таджик.... Без разницы, я думаю, найдётся,

³⁵ Саманиды – династия иранских царей. В 999 г. свергнута Махмудом Газнавидом.

³⁶ Шииты – приверженцы шиизма – направления в исламе. Махмуд, будучи суннитом, считал их врагами хуже язычников, а потому был крайне жесток с ними.

³⁷ Систан (Сиестан) – область в Иране.

³⁸ Саффариды – правящая династия в Систане.

³⁹ Огуз – туркуман, туркмен.

Желающий с талантом полководца, Направит меч в один «прекрасный миг» На некогда могучую державу И превратит победой нашу славу, Потомками не принятую, в пшик.

17.

Но этого не будет при Махмуде, У коего, в присутствии друзей, Сегодня мы с Мусою за детей Прощение вымаливали. «Люди – Свидетели тому, прощу... когда, - Он выдавил буквально, - вы сюда Доставите их головы на блюде».

18.

И, приказав вазиру передать Серебряный поднос, добавил, строго Взглянув на нас: «Послужат вам подмогой Сто всадников – бесчисленная рать, Практически, для пары желторотой. Не мешкайте. Управиться с работой Советую быстрее... Дней за пять».

19.

Подобно двум обманщикам негожим, Дурачившим народ по мелочам На городских базарах, но властям Попавшимся однажды и отхожим Окаченным на публике, домой От Газнави трусили мы с Мусой, Невмоготу в глаза смотреть прохожим.

20.

Не знаю, как соседу, мне ж едва Хватало сил идти. Какой-то вязкой Казалась твердь и словно чёрной краской Покрытыми деревья и трава -От горя, что давило тяжким грузом. И сам себе я мнился карапузом, Которого не терпит вся Хива.

21.

Как дальше жить с таким пятном позора? Уверен, что азады, Азиза, О нас уже судачат за глаза, Как об отце и матери, укора

Всеобщего достойных, а потом Последний раб и тот начнёт перстом Указывать вослед взрастившим вора.

22.

Избавиться от мерзостной молвы Единственным возможно – жажду мести Властителя уважив. Дело чести Теперь для нас с Мусой – две головы Принесть к ногам прославленного воя. И, чувствую, не будет нам покоя Пока Аяз с Зухрою не мертвы.

23.

Я всё решил. Поэтому, родная, Не возражай и строго не суди, -Взгляд женщины поймав, что на груди Саидовой до этого, стеная, Покоилась, - так надобно, жена, -Добавил муж, - обязан и сполна Ответить сын, судьба его такая.

24.

Как, впрочем, всех поправших шариат⁴⁰. А кто рискнёт замолвить в оправданье Преступников словечко! Знатность, званье, Наверняка, его не сохранят.... Надеюсь, что найти их будет просто, Зане из ста процентов – девяносто Аяз с Зухрой направились в Багдад.

25.

Он как-то раз открылся мне, что думы Его давно уж заняты мечтой Там побывать (отсюда вывод мой), А на пути далёком к сердцу уммы⁴¹ Преодолеть препятствий непростых Им надлежит немало, и из них Сложнейшее – пустыню Каракумы.

26.

По глупости, неопытности в ней Задержатся надолго, от окраин Отъехав...» - «Всё готово мой хозяин». –

⁴⁰ Шариат – закон Корана.

⁴¹ Умма – мусульманская община. Хотя правильнее считать её сердцем Мекку.

Изрёк слуга Саида – верный Кей, Возникший в ту секунду на пороге, Приказ его: «Готовиться к дороге» Исполнив, как всегда, до мелочей.

27.

«Добро, - кивнул хозяин и, поспешно Закончив мысль свою, - среди песков Мы, без труда настигнув сосунков, Управимся с задачею успешно», Поцеловал жену и со слугой Покинул дом, ни мёртвой, ни живой Оставив мать, от скорби безутешной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

Есть город Мерв⁴² в пределах даула⁴³, На северо-востоке от столицы. Когда-то он спокойствия границы Гарантом был, надёжней, чем скала. Потом одной из значимых твердыней Шиат Али⁴⁴» прославился, а ныне Гремит как центр искусств и ремесла.

2.

За много лет до бегства нашей пары, Когда ещё два юных беглеца Не числились в проекции Творца, Объявшего незримо все кишвары⁴⁵, В нём проживал торговец Нур ад-Дин, По прозвищу «Счастливчик» - господин Не молодой уже, но и не старый.

3

«Счастливчиком» в купеческих кругах Почтительно прозвали Нур ад-Дина, Поскольку он от Феса⁴⁶ и до Чина⁴⁷, От Йемена до Киева в делах

⁴² Мерв – современный Мары – город в Туркмении.

⁴³ Даула – государство. Имеется в виду весь Халифат.

⁴⁴ «Шиат Али» - партия Али, шииты.

⁴⁵ Семь кишваров – вся земля.

⁴⁶ Фес – торговый и ремесленный центр в Марокко.

⁴⁷ Чин – Китай.

Коммерческих из братии торговой, Бесспорно, был удачливей любого, Отсюда всё имел, что б жить, как шах:

4.

Роскошный дом с иремом⁴⁸ над рекою, Табун коней, на целый караван Верблюдов, слуг, рабов из разных стран Огромное количество, красою Блистающих, с полсотни нежных жён И малого добра на миллион, Не менее, дирхемов⁴⁹ под рукою.

5.

Но не всегда богатство и почёт Являются синонимами счастья, Вернее, для его единовластья По жизни их одних не достаёт. А иногда бывает, даже сирый Счастливей, чем наместники, амиры⁵⁰ И прочий вес имеющий народ.

6.

Так и купец, обласканный Удачей На поприще своём и капитал Наживший столь большой, не отвечал Прозванию «Счастливчик». Незадачей Для юного торговца, а затем, Лет в сорок пять, проблемой из проблем Была его бесплодность, не иначе.

7.

Чем объяснить в противном скорбный факт, Что ни одна из девушек в гареме (А Нур ад-Дин за много лет со всеми, С любой из них выдерживая такт – Ведя себя умно и деликатно, Наедине бывал неоднократно) Не понесла, имея с ним контакт.

8.

Поэтому он мучился ужасно От мысли: «Коль в бездетности умру, То пропадать несметному добру,

⁴⁸ Ирем – сад.

⁴⁹ Дирхем – монета и мера веса (3,12 гм).

⁵⁰ Амир (эмир) – титул правителя в некоторых странах.

А, стало быть, и жизнь пройдёт напрасно». Случалось - выл белугой по ночам, Когда она препятствовала снам, Или взывал к Аллаху громогласно.

9.

Что только лет пятнадцать сирота Наоборот ни делал, что б невзгоду Врождённую изжить: молился, сроду Не пропускал великого поста, Со всеми вёл себя богоугодно И, жертвуя делами, ежегодно Паломничал в священные места.

10.

Бывая же в соседних государствах С товарами работы земляков, «Счастливчик» сам у тамошних жильцов Выспрашивал о надобных лекарствах, Не брезгуя беседами при том Ни с денежным врачом, ни с колдуном, Ни с дервишем⁵¹, влачащим жизнь в мытарствах.

11.

К несчастью, лишь напрасно трёс мошной, Поскольку раз за разом шарлатаны Встречались тут и там, они – шайтаны⁵², В неистовой погоне за деньгой, Не думая о чести и морали, Лжеснадобья бедняге продавали, Клянясь подчас в их пользе головой.

12.

Не перечесть бальзамов и настоев Проверенных торговцем на себе, В решительной и длительной борьбе, Которой бы хватило на героев Сказаний всех известных языков, С бесплодием треклятым, и готов Был продолжать её без перебоев.

13.

«Ведь даже пень разваленный и тот, -Он повторял одну из аллегорий, Изложенных людьми не априори, -Коль поливать его из года в год

⁵¹ Дервиш – аскет, факир, нищенствующий монах.

⁵² Шайтан – чёрт.

Водицею, носимой издалёка, По милости Всевидящего Ока, Когда-нибудь цветком благоухнёт».

14.

Но как-то быв в Багдаде с караваном И заглянув на постоялый двор, «Счастливчик» там услышал разговор Двух персов. Суть его: «Под Исфаханом⁵³ Живёт индус, почтенный, как махди⁵⁴, Врач для больных, для спорщиков – кади⁵⁵, Советчик для людей с высоким саном».

15.

Подробнейше о старце расспросив Коллег своих и местонахожденье, До точности узнав его, в мгновенье, На верных слуг дела переложив, Он, оседлав коня из Хутталана, Помчался в глубь великого Ирана, Стремительней, чем древний витязь Гив⁵⁶....

16.

В селении старинном, под чинаром⁵⁷, Склонив главу, сидел седой мудрец. Приблизившись и спешившись, купец Представился почтительно и с жаром Всё о своей напасти рассказал, Закончив так: «Поможешь, аксакал, - Вознагражу деньгами и товаром».

17.

Тот поднял взор, буквально до костей Пронзающий, и долго «пациента» Рассматривал.... Затем, не без акцента, Промолвил в лоб (не высказать прямей): «Не обессудь, но будут бесполезны Старания мои: тебе, любезный, Отписано остаться без детей».

18.

Для славного торговца прозвучали Слова «махди» как смертный приговор.

⁵³ Исфахан – город в Иране.

⁵⁴ Махди – мессия (спаситель).

⁵⁵ Кади - судья.

⁵⁶ Гив – былинный иранский витязь.

⁵⁷ Чинар (чинара) – восточный платан.

И, на коня вскочив, во весь опор, Не в силах скрыть нахлынувшей печали, Помчался он, не в Мерв и не назад В столичный град - куда глаза глядят, В решительно неведомые дали.

19.

С тех самых пор в пристанище родном Его никто не видел. Три супруги, Наложницы прелестные и слуги Сбежали с им накопленным добром, В большом саду бесхозные растенья Погибли, и с годами разрушенья Не избежал его роскошный дом.

2Ñ.

Ходили лишь слушки о Нур ад-Дине Среди купцов: «Убит на полпути В Египет. Кем? Не знаю». - «Взаперти Томят его за что-то на чужбине». «Не правда, он с факирами теперь». «Я слышал, наш «Счастливчик», ровно зверь, Живёт себе отшельником в пустыне».

21.

Последний слух изволил принести Знакомый Нур ад-Дина, из Булгара⁵⁸ Прибывший в Мерв. Ему песками Кара Преодолеть случилось часть пути. Там, в «рощице»⁵⁹ убогих саксаулов, Пропавшего он встретил, от аулов⁶⁰ Ближайших, знать, фарсангах⁶¹ в двадцати.

22.

По правде так и было. В неизвестность Умчавшись, речь «мессии» осознав, Бедняга гнал Каурого стремглав, Покуда тот не рухнул наземь, в местность Пустынную доставив седока. Последний встал, очухавшись слегка, И осмотрел внимательно окрестность.

⁵⁸ Булгар – город в Волжской Булгарии.

⁵⁹ «Рощица саксаулов» - имеется в виду саксауловый лес, ничего общего не имеющий с обычными лесами.

⁶⁰ Аул – населённый пункт на Кавказе и в некоторых областях Средней Азии.

⁶¹ Фарсанг – мера длинны, расстояния (7 – 12 км).

В ту пору март сдавал свои права Апрелю, что в пустыне означает Разгар весны, тогда напоминает Она жену хромого божества⁶². Вбирают в плоть живительные соки Павлиний мак⁶³, колосики осоки⁶⁴, Гусиный лук⁶⁵, акации листва.

24.

А запахи какие астрогала⁶⁶, Кандыма⁶⁷ дух, эфедры⁶⁸ аромат Разносятся кругом. «Чудесный сад С сей лепотой сравнить бы не мешало, -Шептало всё купцу, - реально, в рай Ты угодил, страдалец, невзначай, Где жизнь свою не грех начать сначала».

25.

Вняв голосу пустыни и красой Проникнувшись её одновременно, От самого себя беглец смиренно Предал земле коня и дорогой Браслет, ему знакомым ювелиром Подаренный, отшельником-факиром, Решился здесь закончить путь земной.

26.

И двадцать лет, нехитрое жилище Построив, он, от мира вдалеке, Один, как перст, в укромном уголке, Лишь изредка родное пепелище Производя в сознании своём, Жил мыслями о вечном, о святом, Всецело их почтя насущной пище.

27.

Аллах велик, бесспорно, и аскет, Прожив, ему в угоду соблюдая

 $^{^{62}}$ Хромое божество – Гефест – бог огня и кузнечного дела. Его жена Афродита – богиня красоты.

⁶³ растительность пустыни Каракумы.

⁶⁴ растительность пустыни Каракумы.

⁶⁵ растительность пустыни Каракумы.

⁶⁶ растительность пустыни Каракумы.

⁶⁷ растительность пустыни Каракумы.

⁶⁸ растительность пустыни Каракумы.

Святой обет, казалось, кущи Рая Увидит в час назначенный.... Ан, нет. Никак Дух зла, до времени дорогу Решив пресечь бедняге, в пику Богу, Поспешно свой раскручивал сюжет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

1.

В такой-то год от хиджры⁶⁹, на исходе Ноябрьского хурдада⁷⁰ – дня весьма Прохладного для края, где зима Куда поздней стартует, по погоде Одевшись, сел факир у костерка, Подумать, как всегда наверняка, О сущности вещей и о Природе.

2.

Тем временем темнело. Небосклон Украсил диск луны, а постепенно Явила ночь все прелести Вселенной, Под платьем дня сокрытые... Силён Задумавший подобное однажды, А воплотив задуманное дважды Всесилен, мудр и деятелен Он.

3.

Вдруг ржание коня неподалёку Прервало мысль пустынника. На слух Раздался звук в шагах десятках двух И с правого, куда он глянул, боку... Чуть погодя два путника к костру Приблизились, шатаясь на ветру, И рухнули в песчаную осоку.

4.

Всю ночь старик, а именно таким Стал Нур ад-Дин в пустыне, беспощаден К разумным Дахр⁷¹, на ядах разных гадин Сготовленным лекарством лично им,

⁶⁹ Хиджра – переселение мусульман из Мекки в Медину (второй по значимости город для них). Событие давшее начало мусульманскому летоисчислению (16 июля 622 г.).

⁷⁰ Хурдад – шестой день каждого месяца в зороастризме.

⁷¹ Дахр – время, как бог, в доисламской Аравии.

Пытался чувств лишившихся захожих, Молоденьких и девственно пригожих, В себя привесть с усердием святым.

5.

Один из них, поправившись к рассвету, Представился Аязом, а другим, Которого подчёркнуто Керим, Без нужды, он назвал анахорету, Была Зухра, одетая под стать Воителю, готовому призвать Язычников к суровому ответу.

6.

«Откуда вы? И что вас привело В оазис мой, куда, гонимый Роком Давным-давно попал я ненароком, Оставив дом, богатство, ремесло, Всё, кроме, так желанного, потомства?» - Аяза, после краткого знакомства, Спросил факир, вздыхая тяжело.

7.

Но, видя, что от спутника не может Глаз отвести пришелец, Нур ад-Дин Промолвил: «Нет достаточных причин Для беспокойств. И пусть тебя не гложет Сомнение, уверен через час Поднимется товарищ твой Аяз Окрепшим. Да, Всезнающий поможет!»

R

На юношу приятный говорок Отшельником подействовал, особо Последние слова, но, твердолобо, Он правду скрыть решил и монолог Так начал: «Мы – бухарцы. Повелитель Отправил нас в халифову обитель, Послание доставить точно в срок».

9.

Запнувшись тут, Аяз от лженачала Поёжился немножко, но рассказ Продолжил, чуть помедлив, в этот раз Правдиво, вплоть до самого финала: «Мы напрямик, к несчастью, по пескам Направили коней своих и там, На третий день, нам буря путь застлала.

Плутали, уж не знаю толком сам, День или два в песчаной круговерти, На волосок подчас от лютой смерти, Какую грех отпетым подлецам, Наверное, желать. Другое горе – Мой жеребец совсем ослаб, и вскоре Пришлось одним довольствоваться нам.

11.

Но, видимо, угодно было Небу Жизнь сохранить заблудшим, ипостась Природная сменилась – улеглась Стихия, нам оставив на потребу: Бурдюк воды, да по три сухаря.... Так мы спаслись, отец, благодаря Всевышнему, коню, воде и хлебу.

12.

Тебе еще, конечно же. Но как Попали мы в оазис? Помню смутно. День, в точности, мотались бесприютно В пустыне.... Ночь настала – холод, мрак. Вдруг огонёк вдали. Туда направил Гнедого.... Всё». «Потом, - старик добавил, - Упали вы с него у тех коряг».

13.

И, указав на корни, безобразно, Уродуя пространство, из земли Торчащие, от коих невдали Стоял скакун величественно-праздно, Факир изрёк с улыбкою незлой: «По-моему, в рассказанном тобой Есть доля лжи, изложенная связно.

14.

По говору, ты не из Бухары, Я в ней бывал и тамошнего люда Наречие запомнил и не худо. На уровне бухарской детворы Владеешь им, не более. Родитель Оттуда твой, быть может, иль учитель, Возившийся с тобою до поры.

15.

Как только ты, очнувшись, неохотно Заговорил, мне ясно стало – вы,

Скорей всего, бежите из Хивы. А почему? Не зная подноготной, Не скажешь. Лишь рискну предположить: Решая быть вам вместе иль не быть, Вы первое почли бесповоротно.

16.

Не правда ли, Аяз, с «богатырём», Как твой Керим, в мгновение при встрече Противник бы забыл о лютой сече, - Взгляд на Зухре в наряде боевом Остановил аскет, - ни на Кавказе, Ни в Индии, ни в Мекке, ни в Таразе⁷²! Не видел я девиц с таким лицом.

17.

Клянусь Творцом, что рядом с этим станом Калам5 – певцов любви приятель, крив И буква, всем известная, «алиф»⁷³ Изогнута. И, думаю, тюрбаном⁷⁴ Сокрытое от зрения людей Нельзя сравнить ни с волнами морей, Ни с кронами деревьев, ни с човганом⁷⁵.

18.

Изящество, сынок, в «нём» выдаёт Жемчужину несверленную, в самом Расцвете лет. Двенадцатым Имамом⁷⁶ Быть проклятым и задом наперёд До смертушки ходить, а после в печи Шайтановы попасть мне, если речи, Что слышал ты – есть правды антипод».

19.

Когда старик умолк, изобличённый В частичной лжи, неловкость испытав, Признался, что факир, по сути, прав

⁷² Тараз – город в Туркестане, славившийся красавицами.

 $^{^{73}}$ «Алиф» - первая буква арабского алфавита. Изображается в виде вертикальной линии. Стройный стан.

⁷⁴ Тюрбан – головной убор из полотнища материи, обмотанного вокруг головы.

⁷⁵ Човган (чоуган) – клюшка для игры в поло. В переносном смысле кудри красавиц.

⁷⁶ Имам – глава мусульманской общины. У шиитов Двенадцатый имам – почти мессия

И рассказал про то, как разлучённый С любимой, он отважился на шаг (Достаточно известный нам и так) Неслыханно греховный, но резонный.

20.

«Да! – выслушав, пустынник посмотрел На юношу, - несмелый, добрый с виду, А самому Махмуду Газнавиду Отстричь усы и бороду сумел. Живой ещё, будь трижды он неладен, И, видимо, как прежде, кровожаден, Поганый гебр⁷⁷ и корень злобных дел.

21.

В неравное борение ребятки, У пропасти бездонной на краю, Вступили вы. Гарантию даю, Наёмники тирана стёрли пятки, Без продыха, разыскивая вас. И, знает стар и млад: его приказ Надёжнее звериной мёртвой хватки.

22.

В придачу, пункт конечный – стольный град Вы выбрали неверно. Для халифа Давно уже султан страшнее тифа. И люди, что толпой за ним стоят, Не захотят с Махмудом отношенья Усугублять вотще и, без сомненья, Отправят вас под стражею назад.

23.

Сдаётся мне, в пределах халифата Вам места нет, куда ни убегай.... Советую, податься не в Китай, Не в Индию, поскольку перехвата Не избежать в дороге (солдатни Бес счёту в тех «степях», как ни гони Поймают вас), а в сторону заката.

24.

До моря путь проделав, в край славян, Сев на корабль какой-нибудь попутный, Направьтесь. Пусть они – народ беспутный, В отличие от нас – от мусульман,

⁷⁷ Гебр – бранное слово, означает язычник, огнепоклонник.

В общении друг с другом дюже скверный, К тому ж тупой, забитый, суеверный, Зато, почто не зная, чтит чужан».

25.

Над стоящим советом аксакала Задумался Аяз. «Решай быстрей, - Поторопил отшельник, - разумей, Что время – жизнь, не много и не мало. А я, пока врачует сон Зухру, Для вас кой-что в дорогу соберу Из своего съестного «арсенала»».

26.

И, несколько сучков сухих в костёр Подбросив, он к ханаке⁷⁸ неказистой, Стоящей близ, сравнительно, ветвистой Акации и внешне на шатёр Похожей, шаг направил, огибая Кусты, кому погибельного края, А для него родного с давних пор.

27.

Сопроводив пустынника глазами До скромного жилища, юный вой, Над спящею склонившись головой, Зашевелил безмолвенно губами, Как будто с ней советуясь: куда Податься им от страшного суда, Да вскоре сам заснул, прижавшись к даме.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1.

«Держите курс на запад, с небольшой Поправкою на север, постоянно, Зане попасть в леса Мазендерана⁷⁹, Что издревле опасной стороной Считаются, не дай вам Вседержитель. О, Утарид⁸⁰ – людской путеводитель Будь дружеской для любящих звездой».

⁷⁸ Ханака – обитель факира (дервиша).

⁷⁹ Мазендеран (Мазандаран) – горно-лесистая область на севере Ирана. По преданию страна дивов (девов) – чудовищ враждебных к людям.

⁸⁰ Утарид – Меркурий. По восточной традиции небесный письмоводитель. В античности, кроме прочего, бог путешествий и покровитель путников. Так же планета (звезда). Здесь некий синтез.

Заботливо, но с долей беспокойства, Напутствовал старик передохнуть Сумевших, как положено, и в путь Собравшихся виновников расстройства Махмудовой женитьбы, передав Им узелок со снадобьем из трав, Имеющих питательные свойства.

3.

«Спасибо», – взяв из рук факира снедь, Произнесла Зухра. Ей на Гнедого Сесть пособив, Аяз, сквозь слёзы, слово Возлюбленной дополнил, одолеть Позыв души не в силах: «За участье Да будет век твой долог и несчастье Не забредёт сюда теперь и впредь»

4.

И, на коня вскочив, спросил аскета: «Как величать тебя отец?» Старик, Сперва себя, почувствовав в тупик Поставленной задачей без ответа, Поморщился, но позже на вопрос Ответствуя вопросом, произнёс: «Зачем тебе понадобилось это?»

5.

«Хоть знать, кого в молитве помянуть За именем последнего Пророка, А ежели Судьбина не жестока И суждено нам выжить как-нибудь, Я в честь тебя назвать намерен сына»,--Изрёк Аяз и руку, как мужчина, Положил, в знак открытости, на грудь.

6.

«Благодарю покорнейше, - немного Растрогался пустынный старожил, - Но, как меня зовут? Увы, забыл. И что я есть? Почаще имя Бога, Единого для всех на небеси, С почтением, сынок, произноси Во время, нам предписанное строго.

7.

А если сын родится, назови Его Али. Да будет безупречен Наружностью, а сердцем человечен, Подобно вам обоим, он, в любви Возвышенной зачатый.... Что ж, езжайте». И тронувшимся с места за «прощайте», Он прошептал: «Аллах, благослови!»

8.

Потом, пока за линией захода, Уменьшившись, не скрылись седоки, Смотрел им в след, сжимая кулачки (Примета есть такая у народа, К которому Аяз повёз Зухру, Держать кулак за ближнего – к добру) Отрекшийся от имени и рода.

9.

Так проводив нечаянных гостей, Но, по всему, приятных чрезвычайно Для старого отшельника, случайно, Лишь пару раз до этого, людей Встречавшего в оазисе (не всякий По нраву был) присел он у ханаки, Опять уйдя всецело в мир идей.

10.

Доказано, бывает в жизни оно: Какой-нибудь неглупый человек, Вдали от школ и от библиотек, Приходит сам, вполне определённо, К теориям мыслителей иных. И Нур ад-Дин в раздумиях своих Приблизился к учению Платона.

11.

Но за Зухру с Аязом, аккурат В полдневный час пустившихся в дорогу, Он внутренне испытывал тревогу, В неверный мир вещей неоднократ Спускаясь. Так, измученный хандрою Дремучий дед, невесть почто, порою Волнуется за собственных внучат.

12.

Под вечер же, когда, уже усталый, Анахорет, положенный аят⁸¹ Прочтя, прилёг, закутавшись в халат,

⁸¹ Аят – стих в Коране.

В своём жилье, шумище, небывалый Доселе здесь, и облако песка Подняв, в приют спокойный старика Нагрянули Махмудовы вассалы.

13.

День двигались по следу беглецов Они в одном строю, до непогоды.... Потом отцы детей, как верховоды, На восемь групп разбили всех бойцов, И каждая продолжила движенье В отдельности, наметив направленье По принципу цветка восьми ветров.

14.

Случилось так, что именно Саиду С Мусою путь достался, каковым Прошли Аяз с Зухрой. Но молодым, Содеявшим великую обиду Властителю, он дался тяжелей. В том нет нужды ссылаться на коней, На Дьявола, на Бога, на Планиду....

15.

Где, в сущности, слепая ребятня Шла, путая порою север с югом, Зигзагами, а то и вовсе кругом, Там по прямой бывалая родня, На знания и опыт положившись, Проехала, не сильно утомившись И сократив разрыв до трети дня.

16

Когда друзья с двенадцатью бойцами Нарушили отшельника покой, Тот вышел им не встречу. «Кто такой?» - Спросил его Саид, скрипя зубами. Не обратив внимания на тон: «Анахорет-факир», - ответил он И попросил военных быть гостями.

17.

«Мы не затем приехали, - отец Аяза рёк, на этот раз без злости, -К тому же, нам известно, были гости Сегодня здесь: общительный юнец И девица с глазами дикой серны., А, может быть, и ныне, правоверный, Скрываешь их? Тогда ты не жилец».

18.

Тем временем, приказ отдав: округу До кустика обшарить - удальцам, Муса, с коня поспешно спрыгнув, сам Бочком вошёл в убогую лачугу.... Но, несколько мгновений погодя, Он вышел прочь, руками разводя, И, вновь вскочив в седло, подъехал к другу.

19.

«Вы правы лишь в одном богатыри, - Взглянув на них, промолвил тихо старец, - Здесь кто-то был. В годах уже, бухарец Сюда забрёл до утренней зари, Как я и вы на девушку похожий, Но, отдохнув, подался в город божий. Да будет с ним в дороге Муштари⁸².

20.

Ошиблись вы никак...» «Седобородый! – Муса, вспылив, прикрикнул, - не гневи. Мы, воины Махмуда Газнави, Обманщиков караем. Даже годы Преклонные тебя не сберегут. Исключена ошибка, были тут, Не так давно, младые сумасброды.

21.

Не первый день идём по их следам, Перенеся в дороге ветр зловещий, Ко прочему, разбросанные вещи, Труп жеребца подсказывают нам, Что на одном коне и, безусловно, Уставшими явившись, словно брёвна, Здесь где-нибудь они предались снам.

22.

А выспавшись, уехали. Забавно Узнать: куда? Коль шкура дорога, Показывай». - «Хозяин, след, - слуга, Приблизившись к Саиду, молвил, - явно Оставлен их конём. Ведёт туда». Он указал на место, где звезда Дневная путь закончила недавно.

⁸² Муштари – Юпитер. Приносит счастье.

На бывшего торговца поглядев С улыбкою надменной, жажду крови Почувствовал Саид и, сдвинув брови, Вновь процедил сквозь зубы нараспев: «Так, говоришь, твой гость подался в Мекку? Ложь не к лицу седому человеку, Знать должному, что значит божий гнев.

24.

Запутать нас хотел старик презренный. Умри же, как последний манахей⁸³». С последними словами верный Кей, Хозяина приказ неизреченный Предвосхитив невольничьим чутьём, Пронзил насквозь пустынника копьём, Произнеся: «Ступай в огонь Геенны».

25.

На шаг другой, отпрянув от толчка, Факир упал вначале на колени, На правый бок затем и, без мучений, Посереди родного уголка, Скончался. Нет, скорей всего, не в пламень Ушла его душа, как в воду камень, А птицею вспорхнула в облака.

26.

Или давно с кобылой вожделений, Похожею на жирного хряка, Расставшись, дух аскета на века Покинул мир, где взбалмошные тени Господствуют, и с ветром наравне На лёгком, как пушинка, скакуне, Поднялся ввысь до благостной ступени⁸⁴.

27.

Но труп его не преданным земле Оставили без всяких церемоний Участники стремительной погони. Преследовать влюблённых и во мгле Решив, они, шумливою толпою, Пустились в путь, о старце меж собою Толкуя, как о конченом врале.

⁸³ Манахей – безбожник, еретик.

⁸⁴ Смотрите учение Платона о душе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

1.

Дня полтора примерно, с Нур ад-Дином Простившись, дочь вазира и гулам Хивинского султана по пескам Проехали без отдыха, в едином Порыве, цель преследуя: скорей Достичь земли далёкой для мужей, Отправленных за ними властелином.

2.

Но пожалев Гнедого (как-никак Вторую ночь рвал жилы животяга), Устроили в предгорье Копетдага⁸⁵, Что слева им открылся, бивуак. Насытились слегка едой аскета И на плаще Аяза до рассвета Уснули сном уставших работяг.

3.

Насколько же прекрасна сновиденьем Объятая влюблённая чета. Как ангел он, она – сама мечта, А вместе их увидев, умиленьем, Наверняка, проникнется любой И назовёт: кто – утром, кто – весной, Кто – редкостным блистательным явленьем.

4

Свидетели тому: луна, бледней Обычного смотревшаяся ныне, Зане признав, что с нашей героиней Соперничать не просто будет ей, Заведомо ушла от состязанья, Да звёзды, что, напротив, ликованья Не в силах скрыть, светили веселей.

5

Ещё лучи Великого Светила, Не упустив возможность по утру Поцеловать Аяза и Зухру, Могли бы нам о спящих очень мило Восторженно и искренне сказать Немало слов, но их Природа-мать Умением таким не наделила.

⁸⁵ Копетдаг – Горный хребет в Туркмении и в Иране.

6.

Лишь с долею укора добрый конь Поглядывал на пару, де: «Не в игры Играете с детьми. За вами тигры, Прошедшие и воду и огонь, Охотятся. Такие вне майдана Расправятся с любым врагом тирана, Как с мухою, что села на ладонь.

7.

Проснитесь...» Вдруг вскочив, не то с испуга, Увидев сон тревожный, то ли взгляд Подействовал Гнедого, наш азад Приблизился к нему, седло, подпругу Ослабшую поправил второпях, Всевышнего восславил в двух словах И разбудил прелестную подругу.

8.

«Прости, Зухра, но время не на нас Работает покамест. Побыстрее Уедем, ведь до моря, по идее, Фарсанга два пути. Любой баркас Там более надёжным будет местом, Чем этот край». – Обвёл он плавным жестом Окрестности, не радущие глаз.

9.

Как девушка восточная, Аязу Безропотно доверилась она. Хотя была весьма удивлена Волнением любимого, к показу Которого он прежде: ни мальцом, Ни отроком, ни бравым молодцом Не прибегал стоически ни разу.

10.

Но только, скарб собрав, на жеребце Устроились удобно молодые, Как, задрожав, Зухра прижалась к вые Животного и ужас на лице Её застыл.... Не ведая в чём дело, Аяз взглянул, куда она смотрела, И, тут же, сам вновь вспомнил о Творце.

11.

Со стороны восхода, типа своры Собачьей, к ним с десяток верховых

Во весь опор неслись, вели же их Вазир с его отцом.... На разговоры Не тратясь, лишь презрительное: «Псы!» -Произнеся, гулам и дочь Мусы Направили Гнедого с места в горы.

12.

Эх, молодость! Не стоило ночлег Устраивать, отмерив полдороги. Да тут ещё слуга четвероногий Никак не мог положенный разбег Взять в гору, чем ускорил поневоле События, текущие дотоле Не плохо для предпринявших побег.

13.

По круче, то натужными скачками Взбираясь, то, умаявшись, на шаг Переходя, тащился кое-как Их жеребец, в сравнении с конями Противников, которые на склон Рванули, взяв достаточный разгон, И сблизились заметно с беглецами.

14.

А вскоре встал трудяга, с крутизной Не справившись, хотя и лез из кожи. Пришлось пешком зелёной молодёжи Продолжить штурм подъёма и с толпой Проверенных воителей Махмуда Соперничать, надеясь лишь на чудо, Что иногда даруется Судьбой.

15.

Но, видимо, сегодня этой Даме, Изменчивой и мстительной подчас К избранникам своим, каким Аяз, Положим, слыл, угодно было драме Трагедию, к несчастью, предпочти, И главному герою с травести⁸⁶ Закончить жизнь предписано в программе.

16

Так косогор, Аязом и Зухрой Штурмуемый, отнюдь, не без усилий, Прервался вдруг и в ужасе застыли

⁸⁶ Травести – девушка или женщина, играющая роль мальчика.

Над пропастью они. А за спиной Уж слышались ехидные насмешки Мол, «никуда не денетесь две пешки, Посмевшие с ферзём затеять бой».

17.

«Приехали, – в предчувствии кончины Промолвил сын Саида, посмотрев Вначале вниз на каменный рельеф, На витязей потом, до половины Осиливших подъём, - не зря во сне Сегодня то и дело снились мне Кровавый дождь и куча мертвечины.

18.

Останься здесь, Азра⁸⁷ моя и Вис⁸⁸ В одном лице, поскольку мне сдаётся Они тебя – супругу полководца - Не тронут. Да и сам он не Иблис⁸⁹, В конце концов, и если в правду любит, То, больше чем уверен, не погубит.... А мне теперь одна дорога – вниз».

19.

«Ты нездоров, наверное, любимый, -Взяв за руку Аяза, изрекла Хивинская красавица, хвала Создателю за столь неповторимый В Природе перл, - раз вырвав из когтей Стервятника, обратно, как трофей, Толкаешь в них меня, лишённой зиммы⁹⁰.

20.

Не для того бежала я с тобой, Презрев закон Авесты⁹¹ и Корана, Что б схваченной наймитами султана, Униженной отправиться домой, В смертельные объятия супруга, В пути слезми оплакивая друга, Безвременно обретшего покой.

⁸⁷ Азра – образец красоты.

⁸⁸ Вис – символ страстно-влюблённой девушки.

⁸⁹ Иблис (Эблис) – имя дьявола, как Люцифер.

⁹⁰ Зимма – гарантия безопасности жизни и имущества не мусульман.

⁹¹ Авеста – священная книга зороастристов.

21.

Пусть даже он, что мало вероятно, Помилует неверную жену, За молодость, за внешность... слабину Позволив дать себе и адекватно Позыву чувств высоких поступив, Я без тебя – души моей халиф Жить не смогу.... Ужели непонятно?

22.

Представь тогда противное, что ты Имеешь шанс спастись, но до спасенья Увидишь, как на острые каменья Я упаду со страшной высоты. Используешь его?» «О, нет, конечно». «Вот видишь, сам излил чистосердечно Признание своей неправоты.

23.

Мы связаны Любовью – эту силу, Преобразить способную Иклим⁹², Не одолеть всем воинствам земным. И ежели угодно Азраилу⁹³ Нас разлучить.... Подыгрывать ему Не будем, мой хороший, посему Сойдём рука в руке в одну могилу.

24.

Тем временем, оставив скакунов, В стараниях порядочно вспотевших, Но до конца осилить не сумевших Коварный склон, родные беглецов, С гуламами, бесспорно, не Парвиза⁹⁴, Карабкались наверх, упасть с карниза Готовых чад ругая, как врагов.

25.

Когда же всё, каких-то пол-усилья Казалось, им довольно предпринять, Чтоб наложить холодную печать На алые уста – любвеобилья Образчики, двух яблонек в цвету, Последние шагнули в пустоту, Распростерев десницы, словно крылья....

⁹² Иклим – «семь поясов земли», весь мир.

⁹³ Азраил – ангел смерти в исламе.

⁹⁴ Парвиз – символ страстно-влюблённого правителя.

26.

Увидеть смерть мгновенную детей Родители с помощниками, цели Достигнув чуть позднее, не успели. Уж мёртвые тела, среди камней Лежащие, с навеса им открылись... Но вдруг от тел две тучки отделились, Похожие на белых лебедей.

27.

Поднявшись вверх, над кромкою обрыва Они на миг зависли, свысока Прощая тем отцов наверняка, Суровый долг исполнивших ретиво, И взяли курс на запад, не спеша Покинув слуг Махмуда, не дыша Смотревших, рты раскрыв, на это диво.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ (Вместо эпилога)

1.

История печальная, увы, Весёлого немного в нашем мире, Особенно сейчас, когда сатире Под стать удел страдающей вдовы, Встречающей потешное натужно, Поскольку мысль о муже, годы дружно Прожившим с ней, нейдёт из головы.

2.

Зато она наполнена любовью,
Что в самые худые времена
В любой стране понятна и нужна
Богатому и бедному сословью.
Вот только есть приметный недочёт –
Концовки ей, друзья, недостаёт.
Что ж, помолясь, приступим к послесловью.

3.

Головушки разбившихся ребят Наёмники, исполнив роли судей И палачей над мёртвыми, на блюде Доставили султану, аккурат Четыре дня потратив свыше срока,

За что гроза исламского востока Помиловал испытанных солдат.

4.

Какими же ужасными очами Уставился на несколько минут В сусала двух обидчиков Махмуд, Казалось, он в неистовстве зубами В них вцепится, как в голову своей Погибели виновника, Тидей⁹⁵, Схватив её дрожащими руками.

5.

Но, истинно, подобный оборот Для данного периода развитья Несвойственен, поэтому событья, Верне, их отдельный эпизод, Закончились велением владыки: «Установить, надетыми на пики, На площади, чтоб видел весь народ».

6.

Три дня они объектом лицезренья Являлись, страх и ужас наводя На недругов хивинского вождя Из местного народонаселенья. Но ночью дня четвёртого голов Не стало вдруг, исчезли без следов Значительных на месте преступленья.

7.

По городу (наверное, не зря) Витал слушок, де: «их украл приятель Покойного и тайный обожатель Вазировой Зухры и, втихаря, Похоронил на кладбище», но время Развеяло его, как ветер семя Растения, к исходу ноября.

8.

По-разному, конечно, горожане Восприняли поступки земляков: Одни вовсю бранили беглецов, Другие, как честные мусульмане,

⁹⁵ Тидей – в бою, смертельно раненный Мелантиппом, после победы, приказал слугам принести его голову, в которую, умирая, вцепился зубами.

Жалели всех, а кто и неприязнь Выказывал родителям, боязнь Залив вином в каком-нибудь духане⁹⁶.

9_

К несчастью, мать Аяза и жена Саида смерть единственного сына Не вынесла: тяжёлая кручина Измучила бедняжку - и она Повергла в грех себя саморассправой – Сосуд воды с добавленной отравой Опустошив в безумии до дна.

10.

Для бравого военного, с уходом Супруги в мир, из коего возврат Заказан всем, жизнь превратилась в ад. Днём мысли, что кружили хороводом, О Азизе тревожили вдовца, По вечерам видения отца, Грозящего ответом перед родом.

11.

Но более всего терзали сны, Из памяти всплывающие словно, О маленьком Аязе: то любовно Он на руки берёт его, с войны Вернувшись, то на Пегую впервые Сажает, то приёмы боевые Преподаёт грядущему страны.

12.

И всякий раз Саид собственноручно, Без повода Аяза убивал По-разному. И этот «сериал», Где каждая из серий злополучно Кончалась, ста мучительным смертям Подобен был, и часто по ночам Он вскакивал и слёзы лил беззвучно.

13.

Пять месяцев, ни ночью и ни днём Не находя покоя, в одиночку Существовал, не жил Саид, в рассрочку Платя за смерть сыновнюю, вином Лишь временно мытарства заглушая,

⁹⁶ Духан – харчевня, кабак.

От этого и силушка былая Оставила солдата стариком.

14.

Казалось, нет конца чреде мучений. Но сжалился над страждущим Йездан⁹⁷, В очередном джихаде⁹⁸ туркуман Убил его в одном из столкновений. А через час хозяина судьбу, Как следует примерному рабу, Кей разделил, скончавшись от ранений.

15.

Плечом к плечу с погибшими в бою, С оружием, в доспехах, как шахида⁹⁹, Похоронив несчастного Саида, Товарищи его, в одном строю С ним бывшие всегда, свершив молитвы, Отправились на поиск новой битвы За правую религию свою.

16.

А вот Муса (проблема без регистра), Четырнадцать сынов и дочерей Имеющий от разных матерей, Сумел забыть случившееся быстро. В придачу всем домашним повелел Не поминать Зухру: забот и дел И без того хватало у министра.

17.

Но всё ж и он до срока поседел. С кончиною Махмуда при Масуде¹⁰⁰ – Преемнике его, другие люди Возвысились, устроив передел Всему и вся. Как многие вассалы, Муса познал последствия опалы, Что иногда страшнее вражьих стрел.

18.

Однако жизнь младому Газнавиду Отцовского сподвижника была Не надобна. Поэтому без зла

⁹⁷ Йездан – бог.

⁹⁸ Джихад – священная война с неверными.

⁹⁹ Шахид – воин, погибший за веру.

¹⁰⁰ Масуд – сын Махмуда.

Немилость, как душевную обиду, Тот изживал в имении своём, Покинув всей семьёй хивинский дом, Где и увял, подобно шамбалиду¹⁰¹.

19.

Его детей взрослеющих во все Концы страны жизнь вскоре разбросала. Писать о них – нелегче, чем сначала Годичный труд начать, но о Исе, Что передал, как видим из рассказа, Флакончик «слёз» сестрице от Аяза, Поведаем на этой полосе.

20.

Подобно всем азадам в Туркестане, Военным стал Иса в семнадцать лет. Но не сумел стяжать авторитет На поприще солдатском, тяжкой ране Благодаря, уж ежели вперёд Заглядывать, буквально через год Полученной в бою при Дандакане¹⁰².

21.

Поставив крест на службе Газнави, Он в Мерве жил до старости, науки Преподавал детишкам и со скуки Слагал стихи о дружбе, о любви. Там как-то раз Исе один мужчина И рассказал о жизни Нур ад-Дина, Присев к нему в беседке vis-a-vis¹⁰³.

22.

Соединив уловленную тему Рассказа с тем, что помнил о сестре, Он посвятил Аязу и Зухре Красивую и мудрую поэму, Которая ценилась наравне И старыми, и юными, зане Вскрывала их извечную проблему.

¹⁰¹ Шамбалид – полевой шафран. Символ увядания.

 $^{^{102}}$ Дандакан – близ Мерва. Здесь Масуд потерпел поражение от сельджуков в 1040 г. После чего потерял контроль над Ираном.

¹⁰³ Vis-à-vis – напротив, визави.

23.

Однако век за веком время в прах Творение поэта превращало, Ни одного листа оригинала Не пощадив в итоге, но в чертах Понятного, оно, метаморфозе Подвергнувшись фольклорной, в устной прозе И в наши дни известно в тех местах.

24.

Хотя сейчас никто на сто процентов Не скажет, что история сия - Реальная картина бытия, Как, впрочем, нет весомых аргументов У тех, кто здесь усматривает ложь, Всё ж правду в ней находит молодёжь, Особенно из общности студентов.

25

Лет семь тому назад мне рассказал В строительном отряде повесть эту Хороший друг по университету, Приехавший с востока на Урал. Приняв её за чистую монету, Я должное забытому поэту, Восстановив дастан его, отдал.

26.

Возможно в нём влияние Европы Азийского сильнее, много слов, Не свойственных эпохе, из оков Пространственных и временных, хоть стопы Толковых книг до корки прочитай, Не вырвешься, что ж, это вам на чай, Российские зоилы и эзопы.

27.

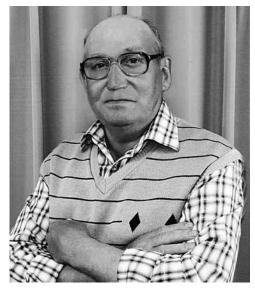
Но ты – простой читатель скромный дар Безвестного соавтора дастана Не оскорбляй усмешкой критикана, Ведь для тебя, а не за гонорар Трудился я бессонными ночами, Благословлен и вдохновляем Вами О, отче наш - Христос! Аллах Акбар!

ПРОЗА

Николай СЕРЕБРЯКОВ

Николай Александрович Серебряков родился 21 ноября 1943 года в деревне Строково Костромской области. Там закончил два класса школы, с третьего по седьмой обучался в городе Костроме. В 16 лет стал автослесарем, в 18 — водителем. Проходил действительную военную службу в Германии. Затем в его судьбе был Качканар, где он долгие годы работал в автобазе №5. Окончил вечернее отделение Исовского геологоразведочного техникума. С 1980 года — начальник автоколонны. Закончил трудовую деятельность инженером по транспорту в Управлении городского хозяйства.

Женат, у него двое детей: сын и дочь.

Фронтовая встреча

Моя мама Елизавета Фёдоровна Серебрякова жила в Костромской области. В 1940 году она завербовалась работать в Ленинград, на отделку новых домов. Там и вышла замуж, родила сына. Когда началась война, ее муж ушел на фронт. Вскоре город окружили немцы. Мама оказалась в блокадном Ленинграде. Её сынишка не пережил голода - его не стало. Сама же она, тоже от голода, в 1942 году наелась столярного клея. После этого слегла.

Больную, ее переправили через Ладогу по «дороге жизни», посадили в товарный поезд, который шел в сторону Костромы. Так как почти все в вагонах были больными, то на каждой станции приходилось выгружать умерших. Костромскую область она проехала, можно сказать, в бессознательном состоянии. Очнулась только в Кировской области. Вышла на какой-то станции. Там и жила на квартире, меняя свои ленинградские платья на продукты питания. Когда она более-менее поправилась, то отправилась на фронт. Попала в город Кандалакшу Мурманской области. Работала мама поваром в офицерской столовой на полевом военном аэродроме «Белое море». Пережила не одну бомбежку. Там же она познакомилась с моим отцом Василием Ивановичем Пашахоновым, старшим лейтенантом, политруком летного полка. Эта фронтовая встреча и стала её судьбой. Да и моей тоже. Беременную, её отправили на родину, в Костромскую область.

Родился я в ноябре 1943 года. Говорят, что родившихся в этом году очень мало. Наверное, так и есть. Про отца я больше ничего не знаю, у меня не было даже его фотографии.

Муж моей мамы вернулся с войны живым, прислал ей письмо, звал обратно в Ленинград. Она хотела поехать к нему одна, чтобы поговорить. Но родственники не отпустили, побоялись, что она может не вернуться. Так и осталась мама со мной. Писем от мужа ей больше не было.

Деревня наша была в 40 километрах от Костромы. И маму отпустили туда работать на ткацкую фабрику. Я остался один с тетушками. Там она снова встретила человека, с которым соединила свою судьбу. У неё родился третий сын. Меня отчим разрешил взять к себе только в третьем классе. В деревне тогда был голод, особенно весной. Мужчин в нашем доме не было: кто-то погиб, ктото ещё служил. В городе, хоть и стояли в больших очередях, но хлеба купить было можно.

Отчим мой, Григорий Васильевич Андронников, воевал только в первую германскую, когда на пятерых бойцов была одна винтовка, а немец бил по ним шрапнелью. А как мой отчим стал председателем колхоза – это целая история. Когда он вернулся с фронта, в деревне уже организовали колхоз. Там было три члена партии. Его вызвали в партийную ячейку. Он был фельдфебелем, что понашему – ефрейтор. Его спросили:

- Ты фельдфебель?
- Да.
- Расписываться умеешь?
- Умею.
- Будешь председателем колхоза. Пиши заявление в партию.

Так он стал председателем. Вырастил его колхоз хороший урожай. Осенью колхозникам стали раздавать зерно за трудодни. Денег ведь в то время не давали. Снова собралась партийная ячейка и постановила: себе взять из амбара, где зерно было сухим, а подмоченное, из другого амбара, раздать колхозникам. Мой отчим положил партбилет на стол и вышел из состава колхоза. Каким чудом

он не попал в лагеря – не знаю. Стал жить на хуторе один. Когда уехал в город за продуктами, его дом подожгли. И пришлось ему уехать в город навсегда.

В 2009 году умерла последняя свидетельница его колхозного правления – тётя Катя. Её, 12-летнюю, он пожалел и отправил с полевых работ на учебу счетоводов. Так она и проработала всю жизнь в колхозной конторе бухгалтером.

Когда началась Великая Отечественная война, отчиму дали бронь. Фанерный комбинат, где он тогда работал, стал выпускать толстослойную пуленепробиваемую фанеру. Живя с моей матерью, он все финансы держал в своих руках, сверяя записи в расчетной книжке с наличностью. Бабушка моего друга, уезжая в Москву ему за одеждой, предложила купить что-то и для меня. Мать смогла дать ей только девять рублей неучтенной премии. Эту привезенную белую рубашку с голубой полоской я помню до сих пор.

Для отчима я стал хорошим только в 16 лет, когда пошел работать автослесарем и стал приносить домой деньги. 90 рублей – это вроде бы немного, но для меня они были целым состоянием. На похороны отчима меня отпустили из армии, и я проехал две границы. Служил я в Германии, в городе Бадфрейнвальде, что в переводе на русский – «Девичий лес». На кладбище этого районного городка лежат 36 тысяч советских солдат, сержантов и офицеров.

В начале 90-х годов Качканаре, когда я работал председателем профкома автобазы №5, мне удалось разыскать в Ленинграде строительный трест, где работала моя мама перед войной. На основании этого ей выписали удостоверение жительницы блокадного Ленинграда - и добавили пенсию. Своего родного отца я пытался искать не один раз. Военкомат Кандалакши ответил, что на месте военного аэрофлота осталась только лесная поляна. Потом, когда я работал инженером по транспорту в УГХ, я написал стихотворение под названием «Война». Это была моя война!

Войну саму совсем не видел. Жил за Москвой и был пацан. Но кличку «фронтовик» носил я. Седьмой десяток жду отца. В деревню, помню, единицы Вернулись с тех кошмарных лет. У друга отчим был танкистом. Трофейный нам привез велосипед, Фонарик «Даймон» многоцветный, Манишку «Зингер» шить штаны.

И голод – хлеба крошки нету. Вот что «засело» от войны. Пропала очередь за хлебом. И я давно уж не пацан. А в мыслях всё куда-то еду: Искать пропавшего отца.

Военком Качканара по моей просьбе сделал запрос в Москву. Сказали, что ответ придет через год. Но так как нет номера воинской части, а данные только приблизительные (знаю, что призывался он из Ленинграда), то, скорее всего, ничего не найдут. Писал я и на передачу «Жди меня». Ответа нет уже много лет.

Несколько лет назад я был на приёме в городской поликлинике. Врач пытался корни моей болезни найти в генах родителей. Говорю, что мать этой болезнью не болела. А отец? Отца у меня не было. Доктор посмотрел на меня внимательно и сказал: «Должен быть». Да, действительно, был. Только я его плохо искал, раз до сих пор не нашёл.

Родом из детства

Я рос без отца. Но хочу рассказать о том, что у меня была не только мама, а еще две женщины, которые несколько лет были мне вместо матери. Это Маревьяна Федоровна, сестра матери от первой жены деда, и Валентина Федоровна, сестра от второй жены деда. Была еще и Галина Федоровна, но она вышла замуж и уехала жить в другую деревню.

Дед умер, когда мне было три года. Работа у него тяжелая: пилил бревна на доски, а электричества тогда не было. Не помню, сколько мне было лет, четыре или пять, но моя мать уехала в Кострому работать на ткацкой фабрике, а я остался с тетушками в деревне Строково Костромской области. Было это в конце 40-х – начале 50-х годов. Жили мы в конце деревни, недалеко от леса, из которого зимними вечерами слышался вой волков. Электричества не было, керосиновой лампы тоже, потому что керосину было не достать. Щепали березовое полено, связывали лучину в пучок и в ведре ее поджигали. Пока пучок горел, все укладывались спать до восхода солнца. Ночью горела одна лампадка у иконы, на церковном масле. Ещё её называли гасником.

Вторая жена деда Марфа Павловна была доброй женщиной, готовила в русской печке обеды, если было из чего. В каком году не

помню, но был голод, весной есть было абсолютно нечего. Был вынужденный пост. Не знаю, как мы выжили тогда, но помню, что ели коренья разных трав и щи из крапивы. Наверно, тогда-то и сажали в тюрьму за подобранные в поле колоски.

Я ходил в лес, лазал по деревьям, забирал у ворон яйца. А они кричали, потому что я оставлял их без потомства. Или бы тогда не выжил я. Несколько последних лет кормлю местных ворон в одном месте. Думаю, может они меня простят за те яйца.

Помню, мыли меня в истопленной русской печке. Постелют туда соломы, тазик с водой поставят и вымоют. Видимо, с тех пор привык к жаре и до сих пор хожу в баню.

Когда немного подрос, помню, как лечили мне зуб. Сходили к соседнему мужику, попросили свернуть «козью ножку» со своим самосадом. Посадили меня на печку и заставили вдыхать дым и держать во рту, чтобы убить нерв. К утру зуб у меня утих, и я уснул так, что не слышал, как затопили печь, как нагрелся кирпич и ожег мне ногу. С большим волдырем меня на лошади возили в Кострому, в больницу. Это широкое пятно до сих пор живет со мной.

Летом ходили на речку рыбачить. Удилище вырезали в лесу, вместо лески – нитка, вместо крючка – скрепка из тетради. И ведь ловили! Сейчас всё это кажется таким древним, но у меня это было в детстве.

После смерти деда хозяйством стала управлять Валентина Федоровна. Потом она вышла замуж, родила двоих детей. Но мужчина в нашем доме задержался ненадолго. Послал его колхоз в город учиться на агронома. И в колхоз он больше не вернулся: встретил городскую. Осталась Валентина Федоровна одна с двумя детьми, да ещё я в придачу. Но женщина она была сильная, вытянула всё. Детей не только вырастила, но и выучила. Муж потом просился назад, но она не приняла. Работала бригадиром полеводческой бригады, потом на колхозной ферме дояркой. Заработала орден, а еще и болезнь ног от постоянной работы в резиновых сапогах. Последние годы она еле ходила по дому с палочкой.

Второй женщиной, заменившей мне мать, была Маревьяна Федоровна, которая в молодости получила производственную травму головы. Разум у нее был в порядке, но мужчины её забраковали. Так и прожила она всю жизнь одинокой, не зная мужской любви и ласки. Может быть, поэтому она всю свою женскую любовь отдала мне, вырастив как родного сына.

В первый класс меня собирали без матери, и в полотняной сумке я обнаружил колотый кусок сахара. Это она мне положила тайком, так как домом не командовала.

Помню, как однажды люди всей деревней сбегались в колхозную контору. Прибежал и я. Там по единственному радиоприемнику передавали сообщение и смерти Сталина. Грустная картина: вроде как всех охватило одно общее горе.

После двух классов отчим разрешил меня взять в город, так как к тому времени их совместный сын уже подрос. Первое впечатление от города – это уличное освещение, булыжная мостовая, железная дорога, легковые машины «Победа», автобусы «ЗИС», пароходы по Волге. Квартира была 12 квадратных метров вместе с кухней, прихожей и спальней, удобств никаких. Поэтому на каждые каникулы я уезжал в деревню.

Тетушки меня ждали, особенно Маревьяна Фёдоровна. Она ходила на другой конец деревни, откуда дорога из города была видна далеко, и смотрела, не иду ли я. При встрече мы бежали друг к другу и, обнявшись, стояли долго и ревели. Когда я однажды задержался в городе и приехал на летние каникулы поздно, крестная моя Валентина Федоровна сказала:

- Колькя, ну где ты так долго был? Тетка-то ведь все глаза проглядела. Каждый день ходила на другой конец деревни, все ждала тебя..

Есть в этом что-то есенинское. Поэта, наверное, как и меня, ждала на дороге женщина «в старомодном, ветхом шушуне». Я написал стихотворение «Счастье».

Счастье

Ты не носишь шелка и кримплена, Голове твоей прически не видать. Но душа твоя, как пламя из камина, Всех людей готова согревать. Ноги не наденут лакировки, Руки драгоценность не возьмут. Но зато они без остановки Пашут, сеют, косят, жнут. Валенки зимой и летом носишь, Телогрейку – тоже круглый год. Ничего другого ты не просишь, Деревенский милый мой народ. Не скрываю слезы без стесненья, Льются при прощании с тобой. Более глубокого волненья Никогда не видел за собой. Ты стоять осталась на тропинке,

Я пошел, но слышу: «Оглянись!»
Тихие безмолвные слезинки
По щекам твоим катились вниз.
Почему должны мы расставаться,
Жить не можем вместе почему?
Год пройдет – друг к другу будем рваться,
Два пройдет – к груди тебя прижму.
Вновь услышу частое биенье
Двух сердец, как целое одно.
В этот миг мы двое во вселенной.
Вот какое счастье-то оно!

Видимо, из-за последствий травмы Маревьяна Федоровна была худая, летом в ненастную погоду надевала валенки и телогрейку. Наверное, мерзла. Прожила она 80 с лишним лет, в одной деревне, у всех на виду.

Давно хотел написать я про своих тетушек. Может, еще и потому, что Родину свою, трудное детство и любовь этих женщин забыть не могу. Одно время мне снились колхозные поля, и тогда я написал:

Не ходи непрошенно, душу не тревожь. Ты давно уж скошена, строковская рожь. Почему ж колосьями ты опять шуршишь. Мне картину прошлого детства ворошишь?

Вот такая моя история. Не было у меня ни одного отца, зато было три матери.

В 2000 году я ездил на похороны Валентины Фёдоровны в деревню Строково Костромской области. Меня встретил одинокий дом на краю деревни.

Батюшка

В нашей деревне церкви не было. В соседней деревне слева, за три километра от нас, колхоз использовал церковь под склад. В соседней деревне справа, тоже за три километра, церковь была действующей. Может потому, что рядом с ней было кладбище. Служили там батюшка и две монашки. По церковным праздникам они ходили по деревням, освящая каждый дом. Их ждали, вроде как с ними приходила частица Бога.

В один из таких праздников, скорее всего в Рождество, ждали батюшку и мы. Напряжение от ожидания было большим, может,

потому он мне и запомнился. Накануне мы ушли на три дня жить к соседям. Печь не топили, двери все раскрыли. Оказывается, это было нужно, чтобы замерзли тараканы. Батюшка не должен их заметить. По возвращении всё вымели, истопили печь, грели воду и мыли полы, терли их голиком (отработанным свой век березовым веником). Полы были некрашеные. Когда настал долгожданный день, занавески на окнах сменили. Сами, достав из сундуков что было, нарядились и стали ждать.

В деревне было сорок дворов, наш дом был последним. Поэтому напряжение дошло до предела. Не выдержав, моя крестная Валентина Фёдоровна послала меня посмотреть, где батюшка. Я вернулся быстро, сказав, что он у Кузнецовых. Это были соседи.

- Ой! Сейчас к нам придёт!

Батюшка открыл дверь - и по полу повалили клубы холодного воздуха. Облаченный в позолоченную рясу, он махал кадилом, из которого шёл дым, и говорил что-то нараспев, глядя на нашу икону под образами. А крестная в это время что-то положила монашкам в корзины. Хотя сами жили впроголодь, для батюшки ничего не жалели.

Когда закончилась молитва и все ушли, мы остались в освященном доме.

Больше посещений не помню. Говорили, что батюшка уехал в город. Монашки доживали свой век в неработающей церкви. Люди, навещавшие родные могилки, их кормили. Цер-ковь эта не работает до сих пор.

Ревизор

В деревню Строково, к моей крестной, приехал в гости муж двоюродной сестры из далекого города Урюпинска, настоящий хоперский казак. Плотного телосложения, в кожаном пальто с поясом. Постоянная сигарета с мундштуком во рту. Вид серьезный.

В соседнем доме жил его друг Андрей, бригадир полеводческой бригады.

Выпили за встречу, но, как часто это бывает, не хватило. Деньги у родственника были, но спиртного в нашей деревне в этот день не оказалось. Тогда друг и предложил сходить в соседнюю деревню, всегото два километра. Пошли. Когда пришли к магазину, там очередь из одних женщин. Родственник стоит, пыхтит сигаретой, не знает, что делать. А друг, которому очень хотелось добавить, и говорит:

- Товарищи женщины! Вот ревизор приехал, надо проверить документы у продавца. Это много времени не займет. Подождите за

дверью. Послушные деревенские женщины вышли, а продавщица изменилась в лице. Закрыв дверь, друг говорит ей:

- Не беспокойтесь, он заполнит хороший акт про ваш магазин. Только продайте ему водки.

Не совсем еще опомнившись, она отпустила им, сколько просили, и добавила еще одну бесплатно, от себя.

В этот вечер они хорошо посидели.

Невеста

Когда-то в деревнях было плохо с хлебом, многие голодали. Но жизнь всё равно продолжалась. Парни хотели жениться, девушки – выйти замуж. Вот и в на-шей деревне подросла такая невеста и стала на выданье. Женихов приходило к ней много. Но она всё выбирала. Пришел один жених:

- Выходи за меня. У меня хлеба много, только режь да ешь. Пришел второй:
- Выходи за меня замуж, у меня хлеба резаного не съесть.

Думала она, думала и решила: что это я у первого жениха хлеб резать буду, когда у второго он уже резаный, только ешь. И вышла за второго. А он оказался бедным, ходил по деревням, просил милостыню. Ему и отрезали куски. Так вот и пришлось ей эти резаные куски есть. Потому что раньше суженых не меняли – один на всю жизнь.

Ночь

Сидит во мне эта зимняя ночь. Мороз под сорок градусов. Не знаю, почему меня, мальчишку, взяли с собой в город. Может, не с кем было оставить, но я вместе со взрослыми оказался в прикрепленных к трактору санях, на постеленной соломе.

Так как всех доставал мороз, то по очереди слезали с саней и бежали за трактором, чтобы согреться. Пришла и моя очередь. Слез я с саней и побежал. Позади темнота, впереди тракторные фары, которые, казалось мне, удаляются быстрее, чем я бегу. А на небе луна яркая-яркая. Видно, как снег искрится от мороза. Пробежал я недолго, боясь отстать и оказаться одному в темном зимнем лесу. Снова запрыгнул в сани. И больше из них уже не вылезал до самого города.

В городе люди что-то покупали. Помню только хлебный магазин, где я вдыхал запахи полной грудью. Тогда больше одной буханки и одного батона в руки не давали. Меня тоже посчитали, по-

этому пришлось стоять в очереди несколько раз: когда попадешь сюда еще раз? Продавец, конечно, ворчала, но, видя, что мы из деревни, отпускала хлеб.

Трактор загрузился удобрением для полей и заехал за нами. Возвращаться днём было уже лучше. Надышавшись хлебом, я успокоился и задремал.

Должность

Партийный билет плюс образование – это были два пропуска при получении какой-либо должности. Как говорил один мой знакомый, начальником работать хорошо, только пробиться туда трудно. Главный герой этой истории пробился, хоть и командовал он, как Яшка-артиллерист, женским батальоном.

Время шло. Он отработал на этой должности много лет. Но немного забылся. Приглянулась ему молодая, красивая женщина. И решил он уйти к ней от своей когда-то любимой жены. Только недолго музыка играла. Его законная написала в горком партии заявление с просьбой вернуть мужа в семью. Заявление её рассмотрели и вызвали забывшегося мужа «на ковер». Долго не рассуждали: или возвращаешься в семью, или билет на стол. Партии нужны чистые ряды! С должности слетать ему не захотелось, пришлось отказаться от увлечения.

Жена встретила его горячими пирогами и попросила больше не забываться.

Машина

Легковые машины когда-то были большим дефицитом. В очереди за ней стояли лет по пять, а то и больше. Причем, больше одной машины на семью не выделяли. Правда, ее можно было выиграть по лотерее ДОСААФ за 50 копеек. Но это было очень призрачно.

Когда пошли первые «Нивы», их стали выдавать председателям колхозов для служебного пользования. Один такой председатель решил воспользоваться ситуацией, уж больно соблазн был велик. Полученную машину ночью загнал в густую крапиву, которая росла за его домом. Надеялся прибрать ее к рукам, когда всё утихнет.

Не учел он, что в этой крапиве жили полевые мыши. А они почему-то большие любители изоляционных проводов. Когда они всю проводку съели, то оголенные провода замкнуло. Машина сгорела полностью. Ладно, хоть дом остался цел.

Правду говорят, что всё тайное становится явным.

Очередь

Работник Ульянов поехал в Ленинград по делам нашей организации. Там на ПО «Светлана» начали выпускать первые счетные машинки-калькуляторы. Они сильно облегчали работу бухгалтерии.

При выходе из метро нашего работника встретил духовой оркестр: оказывается, он там постоянно играл для всех. День был солнечным, теплым. Шагая по широкому проспекту с широко расправленной грудью, Ульянов вдруг заметил, что многие вдруг побежали к какому-то магазину. Побежал и он. Встал в очередь, а впереди человек двести. Дождавшись, когда займут за ним, пошел узнать, за чем же он встал. Оказалось, за мороженым. Но раз уж занял, то решил достояться. Купил, конечно, не одну порцию. Во многих городах страны мороженого тогда совсем не было (всё-таки не основной продукт), а здесь было, да еще такое вкусно!

Вернувшись домой, Ульянов долго еще вспоминал то мороженое и огромную очередь за ним.

Олимпиада

Анатолий Григорьевич, директор одного предприятия, решил съездить в Москву посмотреть Олимпиаду-80. Что смог, посмотрел.

Перед отъездом домой решил зайти в промтоварный магазин. А как без этого? Московское снабжение отличалось от других городов. Взгляд его упал на финские ботинки темно-бордового цвета на натуральном меху. Дома-то таких днем с огнем не найти. Один примерил – подошел.

- Беру, - сказал продавцу и попросил упаковать пару.

Оплатил, получил сверток с надписью «ГУМ» и довольный уехал домой.

Дома, спустившись с небес на грешную землю, распаковал покупку. И... потерял дар речи. Оба ботинка оказались на одну ногу. Что делать?

Поступить как житель штата Пенсильвания, у которого была одна нога, а покупать приходилось пару? Тот дал объявление в газету - и поблизости нашелся человек с другой ногой. С тех пор они стали покупать одну пару на двоих. Но ведь нет людей, у которых обе ноги левые или правые... Ехать обратно в Москву накладно, да и на работу уже надо выходить. Смирился Анатолий Григорьевич с потерей таких хороших ботинок.

Не смирилась только его жена Галина Александровна. И когда через три года его направили в командировку в Москву, настояла, чтобы муж взял ботинки с собой.

- Если не возьмут, выброси в магазине. А может, и поменяют.

Но его в ГУМе встретили как человека, которого ждали три года! Вторая пара на одну ногу все это время лежала на складе. По правилам тех лет, импортные вещи списывать было нельзя. А второго такого покупателя за это время не нашлось!

Продавцы вызвали заведующую, та лично поменяла ему пару и просила передать благодарность жене, которая их так выручила! Да, куда мы без женщин?

Старшина

Работал я на «Москвиче-407», возил начальников разных организаций. У нас в автобазе было три или четыре таких машины. Зимой из-за маленького размера их ста-рались затолкать на ночь в тепло.

Недаром говорят: молодо – зелено. Так вышло и со мной. Пришел утром на работу, мороз под 40 градусов. Выгнал машину из бокса, в ней тепло. Взял путевку и сразу поехал в организацию. Но так как в качестве охлаждающей жидкости в машине использовалась вода, то двигатель мне сначала нужно было прогреть. Этого я не сделал.

На одном из перекрестков стоял регулировщик с запрещающим мне положением. Стою и вижу, что из-под капота моей машины пошел пар. Регулировщик тоже это за-метил и, бросив свой перекресток, сел ко мне в машину и приказал ехать в ГАИ. Пар повалил еще сильней. Приехав, он поднялся на второй этаж, спустил мне шланг с горячей водой и отогрел радиатор.

Этот человек, по званию старшина, прошёл войну, но не огрубел. Вернул я его на тот перекресток и с опозданием явился в организацию. А ведь мог и не появиться там. И неизвестно, что было бы, если бы я разморозил радиатор. Так я стал не молодым и не зеленым. Спасибо, старшина!

Форма

В колхозе, где нас расквартировали на время уборки урожая, жила бригада из солнечной Армении, строившая телятник. Нашим, видимо, не доверяли строить. Работали, друг другу не мешали. Но в один из дней те и другие что-то между собой не поделили. Поздно вечером прибегает ко мне их бригадир:

- Наши с вашими дерутся! Что будем делать? Звонить в районную милицию? Это пока приедут, а там уже ружья достали.

Решили мы ехать к местному участковому. Открыла жена:

- Он отдыхает.

Это было мягко сказано. Потому что находился он уже во второй степени расслабленности. Но другого выхода у нас не было, всё решали минуты. Общими усилиями одели его. Довели до машины – бригадир с одной стороны, я с другой, посадили и повезли на место. А страсти там уже подходили к своему пику. Таким же образом, зажав с двух сторон, завели его в гущу событий. Участковый, не сказал ни слова, просто «стоял» перед ними в форме – и страсти стали утихать. Бригадир приказал удалиться своим, я – своим. Все послушались. А что делать, раз здесь человек от власти и при оружии!

Дождавшись, пока всё стихнет окончательно, увезли его домой и сдали жене. Конфликтов в том году больше не было. Спасибо участковому!

Уважаемый

Однажды зимой все большегрузные вездеходы нашей колонны отправили за Ивдель возить лес в поселок Оус

Вывозка леса там шла круглосуточно, без выходных. Ремонтная служба, заправка, столовая, общежитие – все работали сутками. Жизнь кипели и днём, и ночью. Лес складывали штабелями возле переработки. Высота - с пятиэтажный дом.

Выдав водителям аванс, стал я ждать, когда заполнят путевые листы, чтобы увезти их домой. Вечер, топится «буржуйка», тепло, все заполняют путевки. В это время заходит местный житель, изрядно выпивший и с ружьем. Наводит на нас и угрожает расправиться! Крепкие наши ребята скрутили его и вместе с ружьем выбросили на улицу. И снова сели заполнять путевки.

Смотрю: один шофер вышел за ним. Я тоже. Оказывается, водитель его пожалел, поднял, снег отряхнул, ружье повесил на плечо и со словами: «Уважаемый, пойдем», проводил до дома.

- Ваня, он ведь нас чуть не убил, а ты с ним так ласково?
- Понимаешь, Александрыч, боюсь. Простудится он, заболеет. Это вино в нём говорит. Завтра проспится жалеть будет, что так с нами поступил. Мы ведь ему ничего плохого не сделали.

Да, широка русская душа. Больше этот местный у нас не появлялся.

Курорт

Работал у нас в автобазе старший плотник Петр Макарович Микитюк. Он и рассказал мне эту историю.

В 1953 году он отдыхал на одном из южных курортов. То ли смена климата подействовала, то ли еще что, но у него пропал аппетит. Сидит он в столовой, ложкой в тарелке едва шевелит. Это заметила одна из работниц столовой и подошла к нему:

- Вы почему не едите?
- Что-то аппетита нет...

Не сказав ни слова, женщина ушла. Возвращается с полным стаканом вина. Отказаться было трудно - выпил. А потом поинтересовался, почему такое внимание.

- Мы получаем зарплату с привеска отдыхающих, - был ответ. – Так что ешьте, пейте – поправляйтесь!

Да, подумал Петр Макарович, вот это курорт! Поблагодарив работницу, съел все, что было.

Котёл

Заказала себе автобаза смазочную машину для обслуживания грузовиков. Долго мы ждали, но вот, наконец, из Одессы пришла посылка.

К концу дня её, хорошо упакованную в ящик со строганными досочками и надписями на английском языке, на радостях распаковали. Оказалось, что вместо машины прислали большой армейский котел для приготовления каши. Решили, что завтра упакуем его и отправим обратно. Видимо, Одесса шутки любит.

В то время многим рабочим были выделены сады, в которых началось строительство домиков. Садоводов тогда еще называли санитарами стройки, потому что они подбирали все отходы, правда, с разрешения строителей. Я тоже получил участок под сад.

В ту смену я пришел работать ночным механиком. Про котел ничего не слы-шал. Но утром при сдаче смены меня допросили: куда девались строганные доски от котла с надписями на английском языке? Мои объяснения показались неубеди-тельными, поэтому вместе с начальством поехали ко мне в сад. А ночью как раз выпал снег. У моего домика следов не было. Но следы были у другого, соседнего, принадлежащего тоже нашему водителю. У него эти доски и нашли. Вот так снег меня и реабилитировал.

Когда стали упаковывать котёл, оказалось, что никто не знает английского языка, а доски все перепутаны. Сколотили их наугад и отправили обратно в Одессу. Больше эта посылка не возвращалась.

Гидрант

Казалось, что наш легендарный директор автобазы Дмитрий Васильевич Тарарухин будет бессменным. Но в мире всё меняется. Дошла информация, что к нам в автобазу приедет новый директор. Привезут из другого города.

Я решил подготовиться к встрече. Поехал в пожарную часть попросить машину, чтобы помыть территорию. Мы им иногда помогали с ремонтом техники, поэтому и они нам не отказывали. Только «ЗИЛы» у них были на боевом дежурстве, один «КрАЗ» свободный. Какая, думаю, разница, лишь бы вымыть.

Когда пришла машина, свободным был только механик по выпуску. Его я и попросил поработать со шлангом. Когда «КрАЗ» дал давление воды, механика моего затаскало по территории, он еле удерживал брандспойт. На моё счастье, мимо проходил электрик.

- Веня, - говорю, - ты не поможешь?

Он взял шланг и спокойно стал ходить с ним по территории, пока не закончилась вода. Мы поблагодарили водителя, отпустили машину. А у Вени я спросил, где это он так научился работать.

- Да что это за давление? Вот когда я служил в морфлоте, был в море на плавучем рыбзаводе. После разделки рыбы приходилось смывать отходы с палубы. Вот там покачивало!

Хорошо, что в автобазе такой специалист попался! Так мы с ним и встретили новое руководство.

Дружба

В то время автобаза гудела как большой пчелиный рой. Людей было много. Все мы были вроде разные, но делали одно общее дело. Были среди нас два водителя, два друга: Виктор Николаевич Королёв и Александр Петрович Сафронов. Ничем от других вроде бы не отличались, кроме крепкой дружбы.

В основном работа наша заключалась в ежедневных выездах по городу. Только один раз в году наступало трудное время – отправка шоферов на уборку урожая в сельскохозяйственные районы области. Вроде бы готовились к дальним поездкам все. Но проехать 600-700 километров для «домашних» водителей всё-таки было трудно. Уезжали из города всегда колонной, областной центр проезжали ночью, когда там было меньше машин, ведь объездных дорог в то время не было.

В одну из таких поездок Королев и Сафронов ночью в Свердловске отстали от колонны и заблудились. Но друг от друга не отста-

вали, держались вместе. Первым ехал Королёв. Наверное, растерявшись, не пропустил трамвай. Аварии не случилось, но инспектор на него нашелся, несмотря на ночь.

- Нарушение грубое, придется забрать права, сказал инспектор. Сафронов тоже вышел из машины и подошел к ним.
- Что, Виктор, права забрали?
- Да.
- Тогда возьмите, товарищ инспектор, и мои.
- А у тебя-то за что?
- Я без друга на уборку урожая не поеду, отрезал Александр Петрович.

Инспектор понял, что они не просто по городу катаются, а едут помогать колхозам. К тому же, добровольно свои права ему еще никто не отдавал. Инспектор вернул права и помог водителям выбраться из города. Вот это дружба!

Сергей СПЕХОВ

Член Российского союза писателей. Дипломант национальной литературной премии «Писатель года» (2014 г.)

Детство и юность прошли в городе Камышлове. В настоящее время живёт и работает в Качканаре.

НОЕВ КОВЧЕГ

Через подпространственный тоннель я вышел к звезде Диана. Вокруг звезды на общей орбите, примерно, как у нас Земля и Земля-2, уравновешивая друг друга, вращались две планеты. С одной из них был принят радиолучевой сигнал Лунной обсерваторией. Ученые предположили, что сигнал послан разумными существами. Я должен был проверить данное предположение. Это была моя первая дальняя разведка.

После выхода из тоннеля я вывел корабль на орбиту Дианы и направил на ближайшую планету зонд-разведчик Кибер-100. Это был совершенно круглый небольшой летательный аппарат, напичканный электронными мозгами, фактически - летающий робот. Конструктивно он не был рассчитан на экипаж, но умельцы на космодромах ухитрялись переместить пару электронных блоков таким образом, что внутри Кибера мог разместиться один человек. Иногда это выручало. Разведчик мог работать автономно, передавая всю собранную информацию в ИВЦ базового корабля

Пока Кибер двигался к планете, я проверил все системы корабля, выслал телекс на Землю и, освежившись под душем, направился в спортивную каюту. Спорткаюта была моим любимым местом на корабле. В студенческие годы я увлекался борьбой и, хотя делом жизни избрал космонавтику, спортом заниматься очень любил.

Наконец с поста управления послышался металлический голос, докладывающий, что Кибер вошел в атмосферу планеты. Я сел за пульт и включил экран. Если на планете есть разумные существа, то они давно уже заметили и огромный межзвездный корабль, и маленький зонд и, возможно, сами дадут знать о себе раньше, чем

их обнаружит Кибер. Однако Кибер сделал виток над планетой, а следов цивилизации не обнаружил. Но выводы делать было еще рано. Я дал команду снизиться.

Металлический голос монотонно забубнил, передавая физические данные атмосферы планеты. Планета оказалась вполне подходящей для жизни, но и с высоты в десять километров Кибер не обнаружил следов разумной деятельности. Тут уже можно было делать выводы, но, чтобы исследовать планету до конца, я включил Кибера на автоматический режим. Он сам знает, что ему делать. У него есть программа, и мои команды ему не нужны. Вся необходимая информация о планете будет собрана, систематизирована и передана на базовый корабль. Зонд стал спускаться еще ниже, и на экране крупном планом замелькали пейзажи планеты. На материках ясно просматривалась богатая и разнообразная растительность. Какие-то травоядные животные паслись на лугах возле рек. Но, увы, никаких признаков «существа разумного».

Нужно было начинать исследование второй планеты. Но по регламенту время подходило к отбою. Легко поужинав, я направился в комнату отдыха, решив, что после восьми часов сна полечу на вторую планету сам.

После отдыха я выборочно просмотрел запись результатов поиска за период моего сна. Данных о планете накопилось много. Оказывается, сутки на ней длились 23 часа, кислорода в атмосфере содержалось около 20 процентов, климат теплый, довольно богатый растительный и животный мир... Но, увы, увы.... Сделав окончательные выводы, я пошел готовить к вылету планетолет. Когда я уже лежал в пилотском кресле, готовый нажать кнопку «пуск», в наушниках, как гром среди ясного неба, раздалось: «Вижу человека разумного. Девушку...» Пока я прошел через шлюзовую камеру, торопясь к центральному экрану, времени прошло немало. Но Кибер как в рот воды набрал. Ни слова, ни полслова. Я забеспокоился и вызвал его на связь.

- Все системы функционируют нормально, - забубнил монотонно Кибер, - объект потерян, обнаружить не могу.

Я, торопясь и чертыхаясь, снял шлем и включил экран.

Кибер завис над берегом моря. Небольшой песчаный участок, окруженный экзотическими скалами, просматривался как на ладони. На влажном песке виднелись следы босой человеческой ноги! А на большом камне, в нескольких метрах от берега, лежала одежда.

- Где же человек? крикнул я. Почему не задержал?
- В деятельность разумных существ могу вмешиваться только по специальному указанию, отчеканил Кибер. Он был прав. Вме-

шиваться в деятельность разумных существ он мог только по моему указанию или в том случае, если мне грозила опасность.

«Но почему именно девушка?» - подумал я. Кибер уверенно сказал, что видит девушку. Откуда она тут?.. Я дал указание повторить момент встречи еще раз. Изображение исчезло, но через секунду появилось снова.

...Зонд с огромной скоростью двигался над береговой полосой. Вот мелькнул маленький пляж и что-то на камне. Еще непонятно что. Но мозг робота мгновенно обработал информацию и определил, что это человек. Все антенны повернулись в сторону пляжа. И вот уже на экране крупным планом обнаженная девушка, лежащая на прибрежном, плоском, как стол, камне. Внешне она выглядит как обычная девчонка с моей планеты. Девушка испуганно переводит взгляд прямо на меня: это она смотрит на пролетающий зонд... Вот приподнимается и протягивает руки к одежде... На какую-то секунду камень пропадает из кадра.... Это Кибер стал разворачиваться. В следующую секунду камень уже пуст, возле него виден всплеск. Одежда осталась на камне.

Я повторил запись несколько раз. Девушка была среднего роста и отличного телосложения. Длинные черные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Симпатичное лицо с правильными чертами, живые, внимательные глаза. Откуда она здесь? За сутки исследования планеты на ней не обнаружено ничего, что можно было бы отнести к творениям разумных существ. Правда, недостаточно исследованы горы и океан.

Океан... Может, действительно из океана? Но судя по внешнему виду... Да и одежда... Но кто знает, может, у них на дне океанов - города?

Зонд завис над самым камнем, вращая своими антеннами и продолжая изучать местность. Я оторвался от экрана и стал снова надевать шлем. Надо лететь. К тому же для исследования океана нужна лодка. Кибер не был предназначен для работы в воде. Занятый своими мыслями, я не сразу обратил внимание, что металлический голос что-то бубнит в наушниках: «...Женского рода, рост сто шестьдесят два сантиметра, вес пятьдесят семь килограммов, страдает заболеванием печени, находится в состоянии моральной угнетенности, по внешнему строению можно отнести к человеку земному. Для полной идентификации необходимо исследование ДНК».

- Ну, на счет женского рода я и без тебя догадался, - ответил я роботу, словно человеку, - а вот насчет угнетенности и человека земного - проверим....

Бурча себе под нос, я перевел базовый корабль на автоматический режим, занял место в планетолете и нажал кнопку «пуск».

Сбросив лодку в том районе, где был замечен человек, я приземлился рядом на небольшое плато среди прибрежных скал. Полагаясь на «ученость» Кибера, на планету вышел без скафандра. Взял только защитный гравитационный пояс с пристегнутым к нему бластером. Пояс был тяжелым, неудобным, но без него выходить на незнакомые планеты не разрешалось.

Разместившись в маленькой кабине зонда, я переключил его на ручной режим и направился к сброшенной лодке. Расконсервировав ее, снова перевел Кибера на автоматический режим, поручив ему исследовать горные районы, а сам направил лодку к берегу и бросил якорь в знакомой уже бухте.

Место это было, в общем-то, неплохое. По Земным, конечно, меркам. Небольшой песчаный пляж окружали живописные скалы. Несколько каменистых крохотных островков виднелось невдалеке от берега. Один, совсем маленький, находился метрах в пятидесяти от песчаного пляжа. Как раз на нем и лежала черноволосая красавица. Откуда вот только взялась эта красавица? Поразительно, но если бы я ее встретил на Земле, то не отличил от других земных девушек. Но еще поразительнее то, что на планете не обнаружено ни малейших следов жизнедеятельности разумных существ. На всей планете дикая, нетронутая природа, а разумные - вот они, отдыхают на песочке. Чертовщина какая-то! Неужели в воде живут?.. Мало ли, вдруг у них на дне города под воздушными куполами. Поломав еще немного голову над этой проблемой, я решил заняться на всякий случай исследованием океана. Так сказать, для очистки совести.

Лодка в автоматическом режиме не работала, поэтому мне пришлось сесть за пульт управления. Предполагая, что разумные существа не должны жить на большой глубине, я направил лодку параллельно береговой полосе. А чтобы потом быстро найти это славное местечко, я оставил возле камней радиобуй.

По техническим данным лодка имела гораздо меньше возможностей, чем Кибер-разведчик, но зато она была хорошо приспособлена для длительного пребывания экипажа из двух человек. Кратковременно в ней могли разместиться десять человек. Однажды при проведении спасательных работ в такую лодку втиснулось двадцать семь человек. Даже шутка такая ходила: лежачих мест – два, сидячих – десять, стоячих – двадцать семь.... Кроме блока управления с командным пультом, она имела блок приготовления пищи с программным управлением, блок отдыха на два человека,

энергетический блок и блок обработки и передачи информации на базовый корабль. Лодка могла двигаться на любой глубине со скоростью до двухсот километров в час, естественно, и плавать по поверхности воды, а также летать на высоте до пятидесяти метров со скоростью почти тысяча километров в час. Выше она летать не могла, потому что летала по принципу зкранолета. Сесть она могла только на воду. Не от хорошей жизни ее можно было посадить на песок или мягкий луг, но взлететь с такой поверхности она не могла. Даже выполнять обратное шлюзование на ней было трудно. Требовалось очень точно влетать на приличной скорости в шлюз, чтобы попасть на амортизаторы.

Время от времени я всплывал и внимательно осматривал берег, от которого далеко не удалялся.

Через несколько часов горы кончились, и началась холмистая равнина, покрытая буйной травянистой растительностью розового цвета. Это было очень красиво. Деревья тоже были розовые и очень странные. На них было всего два листа. От корня до макушки, симметрично стволу росли два здоровенных листа. На некоторых холмах виднелись стада животных, которых я не встречал на других планетах. По внешнему виду они походили на что-то среднее между слоном и коровой. Чутъ поменьше и полегче слона, а на голове два мощных рога.

Вдруг передо мной открылось устье большой реки. Как известно, разумные существа селились всегда возле рек. Я повернул лодку вверх по течению реки. Взлетев на максимальную высоту, внимательно осматривал окрестности, все еще надеясь увидеть какие-нибудь следы творений разумных существ. Но, кроме знакомых уже мне животных, никто и ничто не нарушало спокойствие огромной равнины. Разве что я сам нарушал покой этой планеты. В отличие от зонда, двигающегося бесшумно, лодка при движении издавала характерный свист.

Проходили час за часом, воздух стал заметно суше, травянистый покров скуднее, стали появляться отдельные деревья и даже рощи. Видимо, сказывалось изменение климата. Все-таки я накручивал уже третью тысячу километров. Вдали опять показалось большое стадо животных. Животные, напуганные мной, бросились в глубь степи. Издалека мне показалось, что это лошади. Приблизившись, я с удивлением обнаружил, что животные действительно, как две капли воды, похожи на лошадей. Это меня озадачило не менее, чем странное появление и исчезновение женщины на берегу океанской бухты. Такой поворот событий запутывал меня еще больше. Не было зарегистрировано ни одного случая, чтобы на планетах,

разделенных тысячами парсеков, обитали совершенно одинаковые животные. Похожие – да, но совершенно одинаковые... Как, впрочем, и одинаковые разумные существа. Вот представьте, что среди толпы европейцев вы видите азиата. У него такие же руки, ноги и голова, но все-таки он отличается. Так же и человекоподобные разумные существа с других планет. Сразу узнаешь, что это инопланетяне. Бывалые пилоты по внешнему виду могут сказать, с какой планеты тот или иной человекоподобный.

Я повернул лодку к реке, намереваясь произвести посадку для отдыха и связи с Кибером и базовым кораблем. Выбрав укромную заводь, я сел и, поставив лодку на якорь, заглушил двигатель. Пока готовился обед, я вышел на крыло подышать свежим воздухом. То ли я засиделся в рубке лодки, то ли воздух был такой здоровый, но мне захотелось сойти на берег и пробежаться по этой красноватой, но все-таки траве. Да и разве можно сравнить спорткаюту с настоящим лугом?

Надев защитный пояс, я задраил лодку и перебрался по крылу на берег. Сделав несколько упражнений для разминки, разулся и босиком побежал вдоль реки, посматривая по сторонам, чтобы в случае опасности успеть включить гравитационную защиту. Трава приятно щекотала босые ноги, от реки несло свежестью, и у меня было такое ощущение, что нахожусь на Земле и сейчас за поворотом реки покажется мое родное поселение. Чувствуя необычайный прилив сил, я пробежал, наверное, километров пять. Пора было возвращаться. Река, огибая встретившийся на пути холм, поворачивала в сторону. Я вбежал на холм и увидел такое, что резко бросился на землю и замер в неудобней позе.

Впереди на берегу реки, возле нескольких низкорослых деревьев, большая группа обнаженных темнокожих людей, именно людей, жарила на кострах туши каких-то животных. Насколько я мог рассмотреть, уровень развития этих «гомосапиенс» был самый что ни на есть низкий. Оружием им служили копья и дубинки, на головах красовались какие-то уборы из птичьих перьев. Тела украшали яркие, разноцветные узоры.

Лежа на вершине холма, я внимательно наблюдал за действиями аборигенов. Наготовив себе мяса, они разделили его и принялись за трапезу, усевшись на землю, тут же у костров. Двое аборигенов что-то не поделили, и между ними возникла потасовка. Но тут поднялся третий, то ли уже вождь, то ли еще вожак и, взмахнув несколько раз дубинкой, быстро успокоил спорящих.

Вдали показалась еще одна группа аборигенов. Когда они приблизились, я увидел, что двое из них шли под угрозой оружия. В

спину им упирались копья «братьев по глупости». Похоже, это были пленные. Подошедшие аборигены стали о чем-то спорить с вожаком. Вожак молчал, потом замолчали все остальные и подняли вверх руки со сжатыми кулаками. Вожак после небольшой паузы тоже поднял руку вверх. Двое аборигенов тут же схватили под руки одного из пленных и поставили его на колени перед вожаком. Вожак ударил его дубинкой по голове, аборигены подхватили обмякшее тело и повесили над костром. У меня волосы зашевелились на голове: «Вот это порядочки у них, вот это охотничьи страсти!»

Я потихоньку отполз назад, встал на ноги и побежал к лодке. Хотя аппетит мне был испорчен, я все-таки поужинал и запросил информацию с базового корабля по аборигенам. Но Кибер опять оказался прав. Ведь, действительно, существа такого уровня развития не могли посылать в космос радиосигналы. Из собранной Кибером информации явствовало, что аборигенов на планете много, живут они в пещерах, некоторые племена поедают себе подобных. Впрочем, в этом я успел убедиться сам. Однако о черноволосой красавице никаких новых сведений не поступало. Она как в воду канула. Причем, в самом прямом смысле.

Поразмыслив, я решил вернуться на берег океана и продолжить поиски в районе того самого пляжа. Закончив сеанс связи, я взлетел и направил лодку на максимальной скорости к берегу океана. Между тем подошло время отдыха, к тому же начало темнеть, но я решил немного нарушить график и продолжал движение, надеясь засветло добраться до намеченного места. Однако было уже совсем темно, когда я посадил лодку у знакомого пляжа. Включив гравитационную защиту, я лег отдыхать, намереваясь подольше поспать утром, поскольку график пришлось нарушить.

Но выспаться мне не удалось. Утром, строго по графику, меня разбудил Кибер. Ровным, бесстрастным голосом он сообщил, что найден фотонный космический корабль. Для определения его принадлежности сделан запрос на Землю. От такого сообщения у меня сразу пропал весь сон. Я быстро привел себя в порядок, прихватил кой-какую еду и, задраив лодку, взобрался в тесную кабину Кибера. «Леший бы взял этих конструкторов», - поворчал я вслух, с трудом уместившись на самодельном кресле и приткнув под ногами пакет с едой.

Через несколько минут Кибер завис над обнаруженным кораблем. Огромная махина фотонного звездолета незнакомой мне серии находилась в неудобном узком ущелье. Присмотревшись получше, я увидел, что это уже не космический корабль, а только его остов. Судя по всему, он стоял тут не одну сотню лет. Более того,

он уже повалился на бок, но падение его задержала отвесная стена горного ущелья. Носовая часть с открытыми люками возвышалась над краем пропасти, и в звездолет можно было войти с верхнего уступа ущелья.

Выбравшись из зонда, я увидел, что к старому звездолету ведет довольно заметная тропа, а край пропасти основательно утоптан. Из глубины ущелья тянуло смрадным запахом. Посмотрев внимательно вниз, я понял, в чем тут дело. Вся местность вокруг звездолета была завалена костями и останками трупов животных и аборигенов. На разложившихся останках росли странные деревья, состоящие из ствола и единственного, во весь ствол, красного листа с белыми прожилками.

В средней части звездолета также виднелись два открытых шлюза. Насколько я мог разобраться, эти шлюзы предназначались для выхода планетолетов. Но самих планетолетов в шлюзах не было. Все внешние устройства звездолета давно пришли в негодность, корпус поржавел - и корабль представлял собой жалкое зрелище.

Я оставил Кибера у звездолета, а сам пошел по тропе, протоптанной аборигенами. Через несколько сотен метров тропа вывела меня к небольшому горному озеру. Пройдя еще немного, я вышел на каменистое плато, дальше уже виднелись пологие склоны, поросшие травой.

Вернувшись к ущелью, я осторожно вошел внутрь звездолета. Кругом торчала какая-то арматура, разрушенная обшивка, бесчисленные провода. В сложных лабиринтах переходов и отсеков было темно, и я постоянно натыкался на какие-то острые предметы. В лодке у меня имелись хорошие магнитные осветители, поэтому я вновь взобрался в неудобную кабину Кибера и вернулся на берег океана.

Переключив Кибера на автоматический режим, я направил его на дальнейшее изучение этой странной планеты, а сам решил на лодке лететь к звездолету. Снявшись с якоря, я уже хотел войти в лодку, как вдруг мне показалось, что за мной кто-то наблюдает. Мгновенно ткнув на поясе кнопку гравитационной зашиты, я оглянулся. Нигде никого не было... Спустившись в лодку, я взял трассер и с его помощью прощупал каждую щель и каждый камень на ближайших скалах. Но, увы, индикатор не показал наличие живых организмов на ближайшем обозримом пространстве. Решив, что это мне показалось, я задраил люк, взлетел и взял курс на горное озерцо возле старого звездолета.

Лодку я оставил за большими валунами подальше от тропы аборигенов. Это на тот случай, если аборигены вновь посетят звездолет.

Взяв осветители, трассер и «Циклон», я, обвешанный аппаратурой, как истинный разведчик, направился к старому звездолету. За время моего отсутствия никаких изменений не произошло. Видимо, срок очередного жертвоприношения еще не наступил. Устанавливая в звездолете осветители, я стал внимательно осматривать отсек за отсеком. Летательный аппарат относился к какому-то старому виду фотонных межзвездных кораблей. В академии я изучал фотонные звездолеты, но этот вид кораблей мне был незнаком.

Видимо, на таких кораблях летали еще задолго до открытия подпространственного тоннеля, а может, корабль прилетел вообще не с Земли. В общем-то, конструкция его была ясна. В центре, примерно по оси звездолета, располагалась шахта для двух лифтов, вокруг нее вилась лестница, видимо, на всякий пожарный случай. В носовой части располагались пилотский и штурманский отсеки. Рядом - блок безопасности и живучести. Ниже - информационно-вычислительный. Еще ниже - жилые и вспомогательные. И в самом низу располагались топливно-энергетические отсеки. В общем-то, фотонный корабль являлся по существу небольшим летающим городом. Экипажи этих кораблей состояли из нескольких сотен человек. Ведь полеты к дальним звездам длились десятки лет. Но в центре управления полетами помнили о каждом корабле, в каком бы дальнем уголке нашей Галактики он ни находился.

Подпространственный тоннель был открыт, когда я учился на последнем курсе академии. В связи с открытием тоннеля рассказывали такой забавный случай. Фотонный корабль Стрела-М выполнял регулярный рейс к звезде 5104, где на одной из ее планет добывали ланидий. Экипажу Стрелы почему-то не сообщили, что открыт подпространственный тоннель и в межзвездных полетах произошла фактически революция. Выйдя на орбиту звезды, командир Стрелы послал легкий планетолет за ланидием. Нужно было взять приготовленные контейнеры с ланидием и лететь обратно. Когда планетолет совершил посадку на планету, пилот Крутов открыл шлюз и вышел на бетонные плиты посадочной площадки. Вышел и видит, что от диспетчерской к нему идет его товарищ Костин из Центра управления полетами. Год назад Крутов расстался со своим другом на Земле, отправляясь в рейс к звезде 5104. Стрелу никакой другой корабль догнать не мог. Крутов на глазах у изумленного Костина молча вошел обратно в планетолет и закрыл люк. Крутов решил, что у него не все в порядке с психикой, и стал думать, сообщить об этом командиру или нет. Он боялся, что его отстранят от полетов.

После мучительных раздумий Крутов все же сообщил командиру о происшествии. Потом, когда разобрались, все долго смеялись. Да и сейчас эту историю вспоминают как одно из самых забавных происшествий в косморазведке.

Устанавливая осветители, я заглядывал в каждый закуток звездолета, чтобы все-таки пролить свет на эту странную историю. «Пролить свет» - в прямом и переносном смысле. Конечно, осветители можно и не ставить на каждом повороте коридоров, а ходить с одним, держа в руках, но все инструкции написаны кровью. Именно сзади, из темных углов и нападает на пилотов всякая нечисть. Поднявшись в верхние отсеки, я с удивлением обнаружил, что звездолет не настолько уж заброшен, как кажется на первый взгляд. На пыльном полу ясно виднелись следы обычной человеческой обуви. Они вели в пилотскую кабину. Присмотревшись, я заметил, что размер следа маленький, скорее всего - женский. Пройдя по следам, я подошел к одной из немногих уцелевших дверей. Она оказалась запертой. Однако индикатор не показывал присутствие живых организмов. Кроме меня, разумеется, но мой код был заложен в трассер, значит, за дверью никого не было. Я почему-то был уверен, что если попаду в закрытую комнату, то раскрою тайну черноволосой купальщицы.

Вырезав с помощью «Циклона» аккуратное отверстие в стене рядом с дверью, я нагнулся и вошел в отсек. Увы, вопреки ожиданиям, никакого открытия я не сделал. Это была обычная каюта одного из членов экипажа. У стены разобранный пульт связи, на стене разбитый экран... Перед пультом кресло, а на кресле.... А на кресле шкура какого-то животного. Осмотрев кресло, я осторожно сел в него. Шкура, заменявшая изношенную обивку, приятно согревала спину.

Возле экрана на стене виднелась полустертая звездная карта. Под иллюминатором, на деревянном кривоногом столике, лежали какие-то непонятные круглые предметы. В противоположной стене виднелась еще одна дверь. Я подошел к ней и легонько нажал плечом. Дверь открылась. Взяв осветитель, я вошел в комнату. В маленьком помещении оказалась спальня. На грубо сделанной деревянной кровати лежали подушка и одеяло. Рядом с лежанкой стояли два деревянных стула.

Над кроватью на крючке висела вполне современная куртка. Прикинув размер куртки, я определил, что она должна принадлежать рослому человеку. Все говорило о том, что если здесь люди и не живут, то, по крайней мере, бывают часто. И не только та девушка, но и еще кто-то. Вот только где они?

Подойдя к иллюминатору и осмотрев сложенные на столике предметы, я засмеялся. Оказалось, что на столике лежала обыкновенная посуда. Круглые, металлические миски и чашки. Рядом стояла горелка, работающая на жидком топливе. Я разжег горелку и поставил на нее захваченный с собой пакет-суп. Пока он грелся, я отремонтировал поврежденную переборку при помощи того же «Циклона». Эта портативная установка вообще была незаменима как в дальней разведке, так и в быту.

Подкрепившись и прибрав за собой посуду, я провел внеплановый сеанс связи и передал всю собранную информацию на базовый корабль. Если изображенная на схеме звездная система из нашей Галактики, то принадлежность корабля можно будет легко определить. И тогда все встанет на свои места.

Уложив телексон в чехол и собрав остальные приборы, я вышел из каюты и закрыл дверь. В коридоре еще раз осмотрел следы на полу. Фантазируя, я представлял, что здесь бывает та самая девушка. И если проявить терпение, то можно ее как раз тут и встретить. Правда, может появиться и хозяин большой куртки. Но, как ни странно, следов обуви большего размера на полу не было...

Размышления мои были прерваны нестройным шумом гортанных криков. Выглянув осторожно в проем шлюза, я увидел, что к звездолету приближается большая группа аборигенов. Один из дикарей шел без головного украшения, в спину ему упирались копья нескольких воинов. Я сразу понял, что это опять пленный, но на этот раз его хотят не съесть, а принести в жертву своему богу, или как там он у них называется.

Подойдя к обрыву, воины образовали полукруг, и к пленному вышел самый разукрашенный дикарь, наверное, главный среди них. Этот раскрашенный стал что-то говорить, но пленный вдруг резко метнулся к ближнему воину, столкнул его в пропасть, пробежал по ее краю и заскочил через открытый шлюз в звездолет. Чуть не столкнувшись со мной, он отпрыгнул в сторону и остановился, весь дрожа и глядя на меня удивленным взглядом, как вполне разумный человек. Но хотя он и дрожал, вид у него был устрашающий, и моя рука невольно потянулась к оружию. Абориген осмысленным взглядом проследил за моим движением и вдруг встал на колени. Я поразился. Ясно, что он просил пощады и защиты. Но что для этого требовалось сделать, я не знал.

Аборигены, от которых сбежал пленный, подошли почти к самому звездолету, но внутрь войти не решились. Они долго спорили, размахивая руками и оружием, но наконец сговорились и ушли. Почему они не вошли в звездолет, я не понял, возможно, это ме-

сто у них считалось священным. Но как бы там ни было, пленный остался жив. Увидев, что аборигены ушли, я попытался жестами объяснить своему гостю, что можно идти. Но дикарь смотрел на меня преданным взглядом и продолжал стоять на коленях. Подумав, я собрал осветители и, покинув звездолет, направился к озеру. Уж не знаю, что думал дикарь, но за мной он не пошел, а остался в звездолете

Благополучно добравшись до лодки, я взлетел и взял курс к знакомому пляжу, где оставил радиобуй. Вечер я посвятил отдыху. Искупался в море, полежал на песочке и пораньше лег спать.

На другой день с новыми силами я опять взялся за исследование океана. Но, увы, как и раньше, поиски оказались безрезультатными. Совершенно упав духом, я загрустил, потому, что не знал, что делать дальше. К вечернему сеансу связи я решил, что все-таки лечу на вторую планету, а здесь оставлю Кибера. Это решение я принял потому, что в голову мне пришла неожиданная мысль: а не летают ли жители этих планет на каких-нибудь космических летательных устройствах? Может, у них это в порядке вещей. Может быть, эта дивчина специально прилетела сюда искупаться. Прилетела и улетела, а я ее тут ищу.

Однако мы предполагаем, а судьба располагает... Во время вечернего сеанса связи я получил такое известие, что мне пришлось изменить все свои планы. Информационно-вычислительный центр базового корабля передал, что на схеме, найденной мною в заброшенном звездолете, изображена Солнечная система. Наша родная Солнечная система. А с Земли пришел телекс, в котором сообщали, что этот звездолет не Земного происхождения. Принадлежность его пока не определена, но работа над этим продолжается.

Это известие буквально поразило меня. Получается, что звездолет неизвестно чей, а в пилотской кабине карта Солнечной системы. Здорово!.. А ведь если бы я был повнимательней, то и сам сумел разобраться со схемой в звездолете. Ничего себе разведчик. Не разведчик, а недотепа какой-то.

Расстроенный собственной ошибкой, я, несмотря, что время приближалось к отбою, опять в нарушение инструкции взлетел и направился к старому звездолету. Причалив лодку у тех же камней, что и прошлый раз, я взял приборы и направился знакомой тропинкой к старичку фотоннику, чтобы еще раз внимательно осмотреть его снаружи и внутри. Я был уже у самого входа в шлюзовую камеру, когда сзади послышался характерный конский топот. Обернувшись, я увидел, что верхом на лошади ко мне приближается та самая девушка, которую Кибер обнаружил на берегу оке-

ана. Увидев меня, девушка резко остановилась. Я хотел с нею объясниться жестами или еще как-нибудь, но только стал снимать со своих плеч многочисленные приборы, как она развернулась и поскакала прочь от меня. Оставив аппаратуру на тропинке, я бросился вдогонку. Но разве может человек догнать лошадь? Вернувшись к лодке, взлетел и снова ринулся в погоню. Догнал незнакомку я уже на равнине. Скакала она быстро, почти пятьдесят километров в час. Я стал заходить то с одной стороны, то с другой, пытаясь ее остановить. Но она, не сбиваясь с направления, скакала все дальше и дальше. Судя по ее упорству, она не просто так мчалась, а имела определенную цель.

Впереди показалась широкая река. Снизившись почти до земли и пугая лошадь огромной машиной, я стал прижимать ее к воде. Всадница сопротивлялась этому, но лошадь уже устала - и инициатива перешла в мои руки. Наконец, то ли девушка сама решила остановиться, то ли лошадь окончательно выбилась из сил, но они остановились у самого берега реки. Меня это устраивало во всех отношениях, так как я увидел, что мы приближаемся к лесу. В нем я бы их потерял. Сев на воду, я вышел на берег и медленно направился к незнакомке. Девушка, не слезая с лошади, что-то быстро заговорила и направила на меня свое оружие. Но я, остановившись на мгновение, снова двинулся, вперед. Девушка направила оружие на кусты, росшие по берегу реки, и верхушки кустов, словно срезанные, упали на землю. Тогда я направил свой бластер на небольшой островок посреди реки и нажал гашетку. Через минуту, когда утих треск горевшей земли и развеялся пар, островка не было. Девушка закричала что-то резкое на своем языке и снова направила на меня оружие.

Тогда, опять нарушая инструкцию, я отстегнул защитный пояс и бросил его вместе с бластером в сторону. Протягивая к ней руку, я снова осторожно двинулся вперед. Она посмотрела на меня както странно, закричала еще громче и беспорядочно замахала своим оружием.

Я сделал еще один шаг, и вдруг земля ушла у меня из-под ног. В первую секунду я подумал, что она в меня выстрелила, но оказалось, что я упал в какую-то яму. Сверху на меня посыпались ветки и трава. Встав и осмотревшись, я понял, что попал в охотничью яму. Мне еще повезло: посреди ямы торчал заостренный кол. Хорошо, что яма предназначалась для крупного животного.

Посмотрев вверх, я увидел, что девушка стоит на коленях на краю ямы и смотрит на меня. Я улыбнулся и развел беспомощно руками. Девушка тоже улыбнулась, покачала головой и стала го-

ворить что-то ласковое и ободряющее. Похоже, мы стали находить общий язык.

Как выбраться из этой ямы, я не знал: ведь у меня не было никакого инструмента. Единственно подходящим орудием был воткнутый посреди ямы кол. Я вытащил его и стал делать в стене уступы, чтобы по ним выбраться наверх. Девушка что-то сказала и исчезла с края ямы. Через секунду она появилась снова и, встав на колени, бросила мне нож. Я обрадовался, воскликнул: «О!» - и сделал выразительней жест рукой, подняв большой палец. Девушка заливисто засмеялась, сделала такой же жест и тоже сказала: «O!» И снова как-то странно посмотрела на меня, внимательно вглядываясь в лицо. Ну вот, можно было считать, что первый языковой контакт состоялся. Осталось только выбраться из этой проклятой ямы и вообще из этой нелепей истории. Я стал торопливо вырубать ступени в стене, углубления, по которым можно было бы выбраться наверх. Девушка по-прежнему стояла на коленях у края ямы и чтото говорила мне. Насколько я мог понять по интонации, подбадривающее.

Я уже сделал порядочно ступеней и мог бы дотянуться до незнакомки рукой, как вдруг случилось нечто непредвиденное и страшное. У края ямы мелькнули обнаженные тела аборигенов, девушка вскрикнула, но предпринять что-либо не успела. Ее плотным кольцом окружили воины с копьями в руках. Такие же вооруженные воины встали вокруг ямы. Копья почти упирались мне в голову. Один из аборигенов указал жестом, чтобы я вылезал из ямы. Жест был поняте, и я, подтянувшись на руках, выбрался, наконец, из этой проклятой ловушки. Острые копья угрожающе закачались у самого лица. На какое-то мгновение у меня потемнело в глазах, и я чуть не потерял сознание. Вот уж влип, так влип ... Один из дикарей протянул руку к моему ножу. Я с сожалением отдал ему свое последнее оружие.

Положение было ужасное. Я не мог даже вызвать помощь. Защитный пояс я бросил где-то в траву, а на последнем сеансе связи доложил, что согласно регламенту отдыхаю. Следующий сеанс связи через семь часов. Если я не выйду на связь, тогда только обнаружится мое исчезновение. Если я буду жив, то Кибер, конечно, найдет меня, но буду ли я жив через семь часов?

Между тем аборигены успели убить коня и теперь резали его тушу на части. При этом один из воинов пользовался ножом, остальные следили за его действиями и восторженно галдели.

Я посмотрел на девушку. Она сидела на траве в стороне от общей толпы аборигенов под охраной двух воинов. Голова ее была

опущена, и вся она выглядела растерянной и поникшей. Чувствуя ответственность и за нее, я сделал волевое усилие и, максимально сосредоточившись, стал анализировать обстановку. Судя по поведению дикарей, в данный момент они нас есть не будут. (Боже, до чего дожил!) Пока им хватит коня. Было бы идеально, если момент для побега подвернулся сейчас. До реки рукой подать, нырнул бы в воду и ушел от них. В лодке оружие есть, но убивать их я бы не стал, а только усыпил. Но меня охраняло слишком много воинов.

И хотя одежду мою копьем не пробить, голова была не защищена. Если начнется потасовка, то против такой толпы мне не выстоять. Следовательно, нужно ждать более благоприятного момента. Если мы и через семь часов будем на этом месте, то Кибер легко найдет меня здесь. Ах, если бы меня охраняло только два воина! Ах, если бы, кабы...

Я снова посмотрел на девушку. Она сидела в той же позе, поникшая и безучастная. Мой пояс и ее оружие аборигены подобрали и отдали своему то ли вождю, то ли вожаку. Он, рассматривая незнакомые предметы, крутил и вертел их в разные стороны. На моем поясе для включения защиты или применения оружия нужно было набрать определенный шифр на кодовом замке. Аборигену этого, конечно, не сделать. А вот принцип действия оружия незнакомки я представлял себе неясно. И поэтому боялся, как бы этот полудикарь не уложил нас всех наповал. Впрочем, нас могло не зацепить, а возникшая паника пришлась бы очень кстати.

Но ничего такого не случалось. Вождь, закончив разглядывать наше оружие, подал какую-то команду своим воинам. Они задвигались, засуетились. Те, что рубили тушу коня, прекратили свое занятие и взвалили куски мяса себе на плечи. Мои охранники стали подталкивать меня копьями в спину, и мы направились в сторону видневшегося вдали леса. Девушку вели сзади. Ее охраняли попрежнему двое воинов. Изредка я оглядывался и пытался встретиться с ней взглядом, но это мне не удавалось.

Двигались мы быстро, и не успело еще окончательно стемнеть, как пришли в становище аборигенов. Оно располагалось в удобном месте. На берегу лесного озера в скальных обнажениях природа создала множество разнообразных пещер и пещерок. В них и поселились эти дети природы. Лагерь охраняли вооруженные воины. Когда мы подошли, из пещер высыпало множество женщин и детей.

В отличие от мужчин, на головах у них не было никаких украшений, а на теле - лишь легкие набедренные повязки, сделанные, как мне показалось, из какой-то травы. Женщины старались потрогать нас руками, воины им этого почему-то не позволяли, жен-

щины сердились и громко кричали. Из пещеры вышел самый главный вождь. У него было разрисовано не только тело, но и лицо, а на голове красовался пышный убор из птичьих перьев. Толпа аборигенов расступилась. Он подошел сначала ко мне, потом к девушке. Около нее задержался и ощупал со всех сторон руками, как собственную вещь. На наше оружие, которое ему принес один из воинов, он даже не взглянул, а продолжал хищно всматриваться в красивую цивилизованную девушку. Аборигены опять зашумели, некоторые стали поднимать вверх руки со сжатыми кулаками. Жест этот был мне уже знаком, и я заволновался. Неужели не будет отсрочки хотя бы до утра?

Вождь тоже поднял руку - и все замолчали. Он сказал что-то негромко двум воинам, они подхватили девушку под руки и повели к пещере, из которой он только что вышел. Перед самой пещерой девушка оглянулась, и я встретился с ней взглядом. Лицо у нее было заплаканное, в глазах страдание и мольба о помощи. Сердце мое разрывалось на части от сострадания к ней, от собственной беспомощности и бессильной ярости на дикарей. Хотя, в общем-то, во всем случившемся я был виноват сам. Защитный пояс с бластером по инструкции снимать категорически запрещается, а я, желая доказать инопланетянке свои мирные намерения, снял его. То, что она поняла меня, доказывали ее дальнейшие действия, но от этого нам теперь не легче.

Девушку завели в пещеру, двое воинов остались у входа, надо полагать, для ее охраны. Аборигены вразнобой закричали и завыли и опять стали поднимать руки вверх.

Мне стало все ясно. Выше животных инстинктов уровень развития у них пока не поднялся. Вождь что-то сказал, толпа утихла, и один из воинов принес ему обожженную на костре дубинку. «Однако не так он и глуп, этот дикарь, - подумал я, - девушку решил взять себе, а меня отдать на съедение своим соплеменникам. Пусть, мол, попробуют нежненького мяска и успокоятся».

Вождь направился ко мне. Я, желая показать смирение, сам встал на колени и опустил голову. Двое воинов взяли меня под руки, а остальные стали расходиться. Одни сели на землю, другие занялись костром. Видимо, для меня.

- Ну, или сейчас, или никогда, - подбодрил я себя мысленно и приготовился к решающей, может быть, последней в своей жизни схватке.

Вождь зашел мне за спину. В тот же миг я, не оглядываясь, из неудобного положения, ударил ногой одного воина в солнечное сплетение и тут же освободившейся рукой захватил второго во-

ина и бросил его через себя прямо на валявшийся рядом большой валун. Старый вождь не растерялся и замахнулся на меня дубинкой, но я опередил его и, сбив ударом ноги на землю, бросился к пещере, в которую завели девушку. Один из воинов, охранявших пещеру, метнул мне в грудь копье. Удар был настолько сильным, что я упал. Воин подскочил ко мне, но я уже поднялся и опять ударом ноги сразил его. Хотел броситься на второго охранника, но за спиной у него возникла девушка и ударила камнем по голове. Девушка перепрыгнула через упавшего воина, схватка меня за руку, и мы хотели спастись бегством, но было уже поздно. Со всех сторон к нам бежали дикари, и путь к побегу оказался отрезан. Я почти силой втолкнул девушку обратно в пещеру, подхватил два оброненных копья и тоже заскочил в пещеру. Почти следом за мной в узком проходе возникла фигура дикаря. Я неловко ударил по нему своим примитивным оружием. Воин схватился за грудь и с воем отскочил в сторону. Та же участь постигла второго и третьего воинов. Это охладило пыл дикарей. Они поняли, что теперь нас не так просто взять.

Аборигены отошли от пещеры и на какое-то время оставили нас в покое. Я разобрал кострище посреди пещеры и подкатил к входу несколько камней, чтобы в наше убежище нельзя было ворваться неожиданно. Убедившись в достаточной прочности заграждения, я повернулся к девушке, чтобы, наконец, рассмотреть ее как следует. Она подошла ко мне вплотную и осторожно потрогала ладонью мою грудь, словно что-то искала. Я понял, что она видела, как тот дикарь ударил меня копьем. Мое сердце наполнилось нежностью к этой, в общем-то, незнакомой мне инопланетянке, стойко перенесшей вместе со мной все выпавшие на нашу долю испытания. Я привлек ее к себе и обнял. Девушка глубоко вздохнула, положила голову мне на грудь и затихла. Я был молод, и она молода, к тому же очень красива. Она мне очень нравилась, и я надеялся, что и я ей симпатичен. Выражаясь языком инструкций, можно было сказать, что установлен полный контакт с инопланетной цивилизацией. Но канцелярский язык в данном случае не подходил. В этот миг во всей вселенной не нашлось бы двух существ, более близких друг другу, чем мы.

Однако праздновать победу было еще рано. Хотя сейчас мы находились в относительной безопасности, неизвестно, что может произойти в течение ночи. Кибер появится только на рассвете.

- Моменто мори, - сказал я негромко, вспомнив одно старинное изречение. Девушка вскинула на меня взгляд и, вопросительно глядя прямо в лицо, что-то быстро заговорила. Я ничего не понял,

но слово «мори», обозначавшее смерть, повторенное девушкой несколько раз, я разобрал ясно. Или она действительно поняла сказанную мной фразу, или совершенно случайно в наших языках оказались похожие слова, обозначавшие разные вещи. Решив это проверить, я напряг свою память: ведь учил же в академии древние языки - и сказал: «Земля».

- Земля,- с акцентом, но понятно повторила девушка и радостно закивала головой.

Я указал на нее рукой и сказал: «Человек разумный». Она в ответ опять закивала головой и опять заговорила быстро и возбужденно. Я, конечно, ничего не понял и, с трудом подбирая слова, сказал на нескольких языках: «Не понимаю». Она отстранилась и стала с недоверием всматриваться в мое лицо. Потом вытянула руку в сторону выхода из пещеры и сказала на знакомом мне языке: «Вода». Теперь уже я понимающе закивал годовой. У нее радостно заблестели глаза, и она, стараясь говорить неторопливо и помогая себе руками, стала мне что-то объяснять. Я не понимал, она страдальчески морщилась и начинала объяснять все сначала. Наконец с трудом я понял, что она объясняет мне план побега. По ее плану мы должны незаметно выскользнуть из пещеры, подняться по скалам вверх, а потом спрыгнуть в озеро. План теоретически был осуществим, потому что в одном месте скалы прямо нависали над водой. Правда, нас могли поймать при выходе из пещеры, сбить копьями, пока мы поднимаемся на скалы, или мы могли сами разбиться на подводном камне, прыгнув неудачно в озеро. К тому же я боялся, что дикари тоже умеют плавать, хотя лодок я не видел.

О побеге я не помышлял, зная, что утром Кибер меня легко найдет. Но объяснить ей этого я не мог. Девушка же настойчиво, с помощью слов и жестов продолжала подталкивать меня к побегу. Я тоже объяснялся с нею больше жестами, чем словам. Со стороны, наверное, нельзя было без смеха смотреть на наши ужимки и кривлянья. Нам и самим иногда становилось смешно. И мы, помня, что пока еще в плену, начинали тихонько смеяться.

Занятые своими делами, мы почти не следили за поведением дикарей. А между тем уже стемнело и на становище стало тихо: то ли все легли спать, то ли ушли на охоту, то ли еще что. Не слышно было ни женских, ни мужских голосов. Только напротив выхода из пещеры горел большой костер, и возле него суетилось несколько вооруженных дикарей Сторожа наши расположились метрах в двадцати от пещеры,, пока их не сморит сон, пока их бдительность не притупится, о побеге нечего было и думать. Мы решили выжидать.

Ночью в пещере стало прохладно. Девушка начала мерзнуть и зябко поводить плечами. Я, тоже легко одетый, ничего не мог ей предложить. Подумав, я снова, правда, уже не так решительно привлек девушку к себе и,присев на камен, посадил ее на колени. Так, тесно прижавшись друг к другу, мы просидели несколько часов, продолжая наблюдать за поведением дикарей. Во второй половине ночи на страже осталось только два воина, остальные легли тут же у костра. Некоторое время эти воины старательно несли свою службу, оставаясь на ногах и прогоняя сон резкими движениями и прыжками. Но, наконец, и они сели на землю, повернувшись лицом в нашу сторону. Таким образом они надеялись облегчить себе службу и укараулить нас. Но изредка дрема брала свое и голова то у одного, то у другого падала на грудь. Правда, каждый из них тут же спохватывался и вновь зорко всматривался в нашу сторону. У нас тоже уже начали слипаться глаза. Девушка встала на ноги и вопросительно посмотрела на меня. Она ждала от меня действий.

Выждав, когда в очередной раз у сторожей опустились головы, мы тихо выбрались через валуны из пещеры. Выбрались и тут же убедились в правильности нашего плана. Выход из становища в степь был перекрыт множеством костров, и миновать их незамеченными мы бы не смогли. Не теряя ни секунды, мы стали карабкаться вверх по скалам. Но сторожа не зря ели свой хлеб, а вернее - мясо. Не успели мы подняться и на десяток метров, как они нас заметили. Сторожа подняли вой, всполошив весь лагерь. Ярко запылали костры, и стало светло, как днем. Но тут аборигены сделали ошибку. Они не стали кидать в нас копья, а решили взять живыми. Вождь послал группу воинов в обход скал по пологому склону, чтобы перехватить нас там наверху, как только мы поднимемся. Несколько аборигенов ринулось за нами следом. Мы, уже не стесненные скрытностью, стремились как можно скорее добраться до намеченного рубежа, отклоняясь от вертикального подъема все более и более в сторону.

Погоня, как говорится, наседала на пятки. Вдруг толпа дикарей опять громко взревела. Вверху тоже раздались крики. Аборигены, видимо, уже считали, что мы у них в руках. Однако мы упорно продвигались вперед. Я боялся только одного, как бы какой горячий и нетерпеливый воин не подал пример остальным бросать в нас копья или камни.

Но вот можно прыгать. Девушка поворачивается ко мне и машет рукой. Я киваю ей в ответ. Она удобнее ставит правую ногу и, оттолкнувшись, прыгает в воду. Я тут же следую ее примеру. Прыгнули мы удачно и, вынырнув, торопливо поплыли к противоположно-

му от становища берегу. Дикари, увидев, что мы от них уплываем, опять дико завизжали и бросились в обход озера, наперерез нам. Значит, к нашему счастью, плавать они не умеют и мы выиграли у них несколько минут.

Выбравшись на берег, мы наспех отряхнулись и побежали в сторону реки. Когда до нее оставалось уже недалеко, позади послышались крики дикарей. Они бежали по следу, который мы оставляли на траве. Я, пожалуй, еще мог прибавить ходу, но спутница моя была на пределе. Она бежала, тяжело дыша, прижав руку к правому боку. Но вот впереди показалось темное пятно. Это лодка. Это наше спасение. Но и дикари приближались. Подскочив к лодке, я жестом указал девушке, чтобы она поднялась на крыло, а сам, бросив якорь в капсулу, оттолкнул поплавок от берега. Тяжелая лодка, медленно разворачиваясь, стала отплывать на середину реки. Я бросился к другому якорю. Подняв его, я хотел взобраться на крыло, но не успел. Дикари были буквально за спиной. Толкнув последний раз лодку, я бросился в спасительную воду.

Вынырнул я у противоположного крыла. Взобравшись на лодку, я торопливо набрал код на шифре замка и откинул входной люк. Но бояться было уже некого. Аборигены прекратили преследование, никто из них не пытался взобраться на лодку, никто не бросал в нас копья. Они молчаливо стояли на берегу и удивленно глазели на лодку.

- Вот же недотепы, - сердито сказал я вслух, - сначала гонялись за нами всю ночь, как за дичью, а теперь начали извилинами шевелить.

Сейчас, когда оружие было у меня в руках, я мог бы уложить их навечно на этом берегу, но делать этого, конечно, не стал. Я устало погрозил им кулаком и повернулся к девушке, она терпеливо стояла у леера, по-прежнему держась за правый бок. Значит, действительно печень у нее была не в порядке. Я помог ей спуститься в каюту и усадил на мягкий диван. Пока готовился обед, я поставил перед гостьей в пластмассовом судке свежие фрукты. Потом принес ей сухую одежду и, взяв себе пару яблок, вышел в командирскую рубку. Переодевшись тоже в сухое, я запустил энергоустановку. В иллюминатор било видно, как дикари бросились врассыпную, испугавшись шума двигателей. Повернув лодку против течения, я взлетел и направился к лагерю аборигенов.

Приблизившись к лагерю, включил излучатель и усыпил дикарей примерно на один час. Я надеялся, что этого мне будет достаточно. Посадив лодку и причалив к берегу, я заглянул в столовую. Девушка спала, навалившись на стол. В захватах стояли нетронутые судки с едой, яблоки рассыпались по полу. Сухая одежда лежа-

ла на рундуке. Я попытался разбудить девушку, но она не просыпалась, а только вяло и бессвязно что-то бормотала. Тогда я взял ее на руки и отнес в спальный кубрик. Положив на постель, осторожно снял с нее мокрую одежду и, укрыв одеялом, пошел на поиски наших вещей.

Ее оружие и свой защитный пояс я нашел легко. Они были в одной из пещер. А вот нож найти не мог, хотя осмотрел всех воинов, лежащих неподвижно у костров. Возможно, что он был у тех дикарей, которые преследовали нас ночью.

Подходило время утреннего сеанса связи. Я прекратил поиски и вернулся на лодку. Глянув еще раз в сторону стоянки дикарей, я вдруг ясно увидел на темном небе характерный силуэт парашютиста. Я закрыл глаза и тряхнул головой. Парашютист исчез.

– Уже галюники начинаются - проворчал я и спустился внутрь лодки.

Доложив на базовый корабль, что у меня все в порядке и что контакт с разумными жителями установлен, я, наконец, почувствовал, как сильно устал. Хотелось есть и спать. Но в лагере аборигенов оставаться было неразумно. Я опять взлетел и направился к старому звездолету.

Сев на озеро, я на этот раз не стал прятать лодку, а причалил прямо к берегу, по которому проходила тропа аборигенов. Проверив все системы лодки, я задраил входной люк и принялся, наконец, за еду. Хотя перед сном много есть не рекомендуется, я съел больше обычного: уж очень проголодался после этой нервотрепки. Глаза сами начали закрываться. Зевая и спотыкаясь, я пошел в спальный кубрик. Но широкий двухспальный диван был занят гостьей. Делать себе что-то временное и неудобное не хотелось. Я посмотрел на сладко спящую девушку, подумал и осторожно лег рядом. Едва коснувшись подушки, погрузился в забытье.

Проснулся я так же внезапно, как уснул. Открыв глаза, увидел, что гостья уже не спит и внимательно рассматривает мое лицо. Она спокойно лежала и смотрела на меня, и это было очень странно, потому что лежали мы обнявшись и прижавшись друг к другу. Как это случалось, я объяснить не мог, но сам тоже лежал тихо и смотрел на нее. Обнять ее сильнее не решался, а отстраняться не хотелось. Так мы лежали довольно долго, наконец, она смущенно отвела взгляд и осторожно освободилась от моих рук. Погрозив пальцем, она натянула мне на лицо одеяло, спрыгнула на пол и, подхватив свою одежду, скрылась за переборкой.

Я посмотрел на часы. Оказывается, мы проспали весь день. Я чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Если бы не присутствие

девушки, то можно было подумать, что все случившееся просто приснилось мне. Но, увы, ничего не приснилось. Немного болевшая грудь от удара копьем тоже напоминала о бурных событиях ночи.

Теперь предстояло установить языковой контакт с представительницей ... э... фу ты, даже язык не поворачивается - с представительницей инопланетной цивилизации. Языковой контакт необходим, как воздух, без него я не решу все загадки, в которых окончательно запутался.

Я встал, быстро оделся и вошел в кают-компанию. Гостья стояла перед зеркалом и расчесывала волосы. Ну, точь-в-точь, как обычная земная девушка. Увидев меня, она вздохнула и развела беспомощно руками. Я нарочито серьезно и пристально всмотрелся в нее, потом опять жестом руки с поднятым пальцем показал, что она выглядит отлично. Девушка засмеялась и положила расческу на столик. Я тоже улыбнулся, взял ее за руку и повел показывать лодку.

Мы обошли все основные и вспомогательные помещения. Показал ей даже сауну и научил пользоваться автоматом приготовления пищи. Обойдя все отсеки, мы вышли на крыло лодки. Девушка села на край консольного поплавка и опустила ноги в воду. Глянув вопросительно на меня, она указала рукой на воду. Я понял, что она хочет искупаться в озере и зовет меня с собой. Все-таки она была удивительная девушка! Пережила такое, а сколько непосредственности и обаяния! Я сел с ней рядом на поплавок и, покачав головой, сказал, словно она могла понять: «Нет, боюсь, если опять чего натворю, то уж точно отстранят от полетов». Она, положив руку на мое плечо и страдальчески сморщившись, напряженно вслушивалась в звуки моей речи. Но, конечно, ничего не поняла и отрицательно покачала головой.

- Фобос,- сказал я, опять вспомнив одно древнее слово, обозначавшее страх. У моей собеседницы опять засветился взгляд, и она быстро заговорила, заглядывая мне в глаза. Я ничего не понял, стукнул от досады кулаком по поплавку и побежал в лодку за ларингофонам. Вызвав на связь базовый корабль, я с двумя поясами и ларингофонами вышел снова на крыло. Надев наушники на себя и на девушку, я настроился на волну базового корабля. Теперь наша речь будет передаваться в ИВЦ и расшифровываться. А через какое-то время мы сможем свободно разговаривать друг с другом. Вообще-то это надо было сделать давно. Ну, уж как получилось.

Настроившись, я указал на себя и сказал: «Александр». Девушка закивала головой, показала на себя и сказала: «Юнона.» Разговор на таком уровне можно вести и без переводчика, но начинать лучше с простого.

Назначение ларингофонов она, видимо, поняла, и мы начали игру в названия. Сначала указывали на окружающие предметы и говорили друг другу их названия. Потом перешли в лодку и встали перед экраном. Теперь показывали не только предметы, но и разнообразные движения и каждый называл показанное на своем языке. Даже завтракать, а вернее ужинать, мы сели перед экраном. Проголодались, кстати, крепко, тем белее, что гостья моя не ела целые сутки. Уплетая за обе щеки, мы время от времени поднимали то стакан, то яблоко и называли каждый по-своему. Все это ускоряло расшифровку языка.

Покончив с ужином, вышли прогуляться на берег озера. Я с нетерпением ждал, когда можно будет разговаривать со своей новой знакомой. Столько хотелось спросить. Спутница моя испытывала, по-видимому, такие же чувства, по крайней мере взгляд ее говорил об этом. Но дальше выразительных взглядов дело пока не шло. Правда, мы знали, как зовут друг друга.

Внезапно из-за скалы показалась группа аборигенов. Они шли по тропе, на которой стоят мы. Занятые своими делами, мы и не заметили, как они подошли. Аборигены, увидев нас, остановились. Один из них, сказав, что-то остальным, направился в нашу сторону. Юнона испуганно глянула ни меня. Я насторожился, хотя было ясно, что воин идет с мирными намерениями. Мне даже подумалось, что он хочет отдать нож.

Воин подошел ближе, положил на землю копье и, переступив через него, встал на колени. И тут я узнал его. Это был тот самый воин, с которым мы встречались в старом звездолете. Я подошел к нему и, взяв за локоть, поставил на ноги. Воин, почтительно наклонившись и положив руку на грудь, что-то стал говорить. Когда он закончил свою речь, я показал на себя и сказал: «Александр». Отчего, думаю, не побеседовать, опыт есть. Но воин, в отличие от Юноны, глядел на меня непонимающе и молчал. Я указал на девушку и сказал: «Юнона». Потом стукнул себя в грудь и сказал: «Александр». У аборигена мелькнула в глазах мысль, он положил руку себе на грудь и важно произнес: «Тор». Наверное, это был не просто воин, а какой-нибудь вождь. Мне захотелось сделать ему подарок на память. Я сходил в каюту и принес зажигалку. Потом насобирал немного сухой травы и на глазах у изумленного аборигена поджег ее. Загасив траву, я вложил зажигалку в руки аборигена и стал учить, как ею пользоваться. Абориген соображал туго, да к тому же пугался возникающего внезапно маленького язычка пламени. Но в конце концов я научил его пользоваться этой мудреной для него штуковиной.

Отдав зажигалку новому хозяину, я важно пожал ему руку и сделал знак, чтобы он шел к своим соплеменникам. Тор отступил назад, поднял копье и протянул его мне. Я принял подарок. Тор поклонился, что-то опять сказал и с достоинством удалился. Юнона неодобрительно смотрела на меня. Да, действительно, быстро я все забыл. Могли появиться аборигены с более воинственными намерениями. Я внял голосу здравого смысла, и мы перебазировались в безопасное место. На тот самый пляж, где я впервые увидел Юнону. Теперь я понял, почему она там находилась. Как раз потому, что была в безопасности. Оставалось узнать, где ее жилье и где остальные разумные жители планеты.

Едва я причалил к берегу, как Юнона, скинув одежду, бросилась в воду. Она весело плескалась и звала меня присоединиться к ней. Я уже решился составить ей компанию, как в наушниках послышался металлический голос: «Произведена полная расшифровка языка. Возможен синхронный перевод». Я удивился. На расшифровку языка требовалось, как правило, несколько часов, а тут не прошло и часа - и уже возможен синхронный перевод.

- Почему так быстро? спросил я.
- Язык был расшифрован ранее. Подобным языком пользовались цивилизации, заселявшие Землю до нашей эры, монотонно ответил все тот металлический голос.

«Неужели прав профессор Ярцев, что все мы - ветви одной цивилизации»? - подумал я. – Может, действительно есть какая-то сверхцивилизация, которой стало тесно на своей планете-колыбели и она расселилась по другим планетам. Причем расселение началось давно, и у некоторых групп связь с родной планетой оборвалась. Развитие пошло совершенно самостоятельно. Может, и у нас на Земле дело обстоит так же?»

Торопясь скорее распутать клубок противоречий, я решил тут же начать разговор с Юноной.

- Юнона! - закричал я возбужденно. – Юнона! - Закричал так громко, что она испугалась и, выскочив из воды, бегом бросалась ко мне.

Я торопливо надел на нее наушники и, глядя в глаза, медленно и внятно сказал:

- Юнона, ваш язык расшифрован, мы можем разговаривать. Слышишь меня Юнона? Говори!

Испуг на лице Юноны медленно сменился улыбкой. Она некоторое время смотрела на меня, наклонив голову, словно прислушиваясь, потом схватила за руку и стала быстро и радостно что-то говорить. Но в наушниках вместо перевода я услышал: «Говорите

медленно». Судя по растерянному виду Юноны, она ничего не поняла, и мне пришлось ей объяснить.

- Юнона, сказал я, нужно говорить медленно, четко выговаривая слова. Поняла?
 - Да, поняла, ответил голос в наушниках.
 - Ну, вот и хорошо! обрадовался я. Смотри, Юнона!...

- Я выровнял рукой песок и нарисовал на нем Солнечную систему.
 Смотри, Юнона, продолжил я, вот Солнце, вот Венера, вот Земля. Я прилетел с Земли. Объясни мне, если можешь, откуда на вашей планете появился фотонный звездолет с картой Солнечной системы?..
- Милый друг, раздался в наушниках голос робота, дословно передавший слова Юноны. При наличии некоторой фантазии можно было считать, что это она и говорит.
 - Милый друг, спросила Юнона, ты человек или робот?
 - Человек, пробормотал я удивленно.
 - Ты правду говоришь, друг мой? Ты не из спецслужбы? Ну, конечно, человек! воскликнул я. Разве не видно?

 - Ты, действительно, не понимаешь мой язык?
- Я не понимаю твой язык.... Я человек.... Я не из спецслужбы.... Я клянусь тебе!

Юнона приблизилась и осторожно потрогала мои руки, лицо. Она долго изучала каждую морщинку на моем лице, каждую ресничку. Взгляд ее наполнился теплотой и нежностью.

- Разве с этого нужно начинать разговор, друг мой? Или ты все уже забыл?

Ее губы приблизились к моим, я осторожно обнял ее и почувствовал, что она вся дрожит. Я взял ее на руки, осторожно опустил на песок и сел рядом. Юнона прижалась ко мне и тихо зашептала на ухо:

- Сначала мне показалось, что ты робот и послан спецслужбой. Потом я была уверена, что ты человек... Но когда тебя ударили копьем в грудь и ты остался невредим, у меня опять закралось подозрение, что ты робот... Хотя у тебя такие нежные руки. Ты такой сильный, что не боишься копья?
- Нет, что ты,- я тихо засмеялся,- это у меня одежда такая. Она может защитить и от более сильного оружия. Но камнем по голове бить нежелательно...
- А потом я подумала: может ты пират или еще какой-нибудь преступник... Но у злодея не может быть такого честного и открытого взгляда... Хорошо, что мы не перестреляли друг друга при первой же встрече. От моего оружия ты бы погиб?

- Да, у тебя сильное оружие. Но мой защитный пояс спасет меня от любого оружия. Я имею в виду оружие личной безопасности. Из лучевой пушки можно и планету на куски разнести.
- Такое сильное оружие создано? удивилась Юнона. Вот видишь, как я тут от жизни отстала. Но лучше отстать от жизни, чем расстаться с ней. Когда ты встал перед вождем на колени, я, честно признаться, попрощалась с жизнью. Если в управлении узнают, что вождь погиб по моей вине, мне запишут порицание. Скажут: невыполнение обязанностей, любовные увлечения, припишут еще чтонибудь. Слушай, а давай скажем, что у тебя вынужденная посадка. А?.. Аварийная посадка в неустановленном месте... Нападение... Самооборона... Все, так сказать, в пределах закона. Как-то надо перед начальством выкручиваться... У тебя есть разрешение на полеты? Ты, вообще, кто?

Юнона закончила свой сбивчивый монолог и вопросительно посмотрела на меня. Мне было ясно, что она меня не поняла. Впрочем, я ее не понял тоже. Мне стало смешно над нами обоими, я засмеялся и сказал, что разрешения на полеты у меня нет.

- Может, тебя правительство послало? спросила Юнона и испуганно вскинула на меня взгляд.
- Нет, ответил я, я не из спецслужбы, я вообще не тот, за кого ты меня принимаешь. Я прилетел с Земли.
- Я поняла, ответила Юнона,- я даже уверена, что ты из «Северных». Только среди них еще встречаются такие крепкие мужчины. Я как увидела твою пышную шевелюру, так сразу подумала, что ты из «Северных». Я угадала, друг мой? Северные мужчины надежные друзья. На них всегда можно положиться.

Я сокрушенно вздохнул. Мы явно не понимали друг друга. Во всей этой истории не хватало какого-то звена для того, что бы все соединилось в единую цепочку и стало понятным нам обоим. Необходимо было направить разговор в нужное русло. Но как это сделать, я не знал.

- -Послушай, Юнона, я прилетел с Земли, это очень далеко. Ты знаешь такие понятия, как вселенная, звезда, планета?
- Ну, конечно, друг мой! воскликнула Юнона. Ты думаешь, что я тут всегда жила и ничего не знаю? Нет, я ведь, как все девушки, закончила училище. А ты разве не слышал обо мне? Ведь моя история получила широкую огласку. После гибели моих родителей дедушка взял меня сюда. А когда дедушка умер, я осталась на его месте, сама назначила себя смотрителем заповедника, поссорилась с начальством и отказалась выйти замуж за Гектора. Мне уже объявлено за это порицание, стоит мне получить еще одно порицание

- и спецслужба вернет меня на Землю. «Общее Мнение» меня уже не защитит, и мне придется выйти замуж за Гектора... Как же ты не слышал обо мне? Ведь для того, чтобы составить «Общее Мнение», проводится опрос всех граждан. Две третьих высказались в мою защиту. Ну, да я знаю вас, Северных, вы всегда имеете свое мнение и вообще плохо участвуете в делах Общества. Но даже для Северных ты, мой друг, выглядишь странно. Ведь и у них изучают Общий язык, а ты почему-то не знаешь Общего языка. И ведешь себя слишком уверенно. А главное, техника твоя не соответствует положению рядового гражданина. Даже когда сюда прилетал сам Гектор, у него был только один планетолет. Правда, у него была вооруженная охрана, но ты и без охраны хорошо справляешься.... Но все твои странности мне симпатичны, и еще при первой встрече у реки ты вызвал у меня доверие.

Юнона замолчала, долго смотрела на мое грустнее лицо, потом тихо произнесла:

- Тогда я не знаю, что мне думать и как себя вести, но ты мне симпатичен, друг мой. Я тебе верю. Пойдем ко мне в гости, я покажу свой дом, а ты расскажешь о себе.

Она поднялась с песка, оделась и повела меня вдоль берега моря. Подойдя к скалам, Юнона сунула руку в щель между камнями, чтото там нажала, один валун медленно повернулся, и перед нами открылся вход в широкий освещенный грот. Большая часть его была занята водой. Лишь вдоль одной стены узкой полоской тянулась суша. Пройдя по каменистому берегу подземного озера, мы подошли к большим стеклянным дверям, встроенным прямо в отвесную скалу. Юнона опять повернула какой-то замаскированный рычаг, за дверью вспыхнул яркий свет, она открылась и мы вошли в уютный круглый зал. В нем были ровные, приятного тона, стены, мягкая мебель, встроенные шкафы.

Юнона подошла к стене, опять повернула рычаг, часть стены бесшумно откинулась вниз, и перед нами образовался балкон.

- Здорово! воскликнул я, восхищенный открывшимся видом на море. Наверное, отсюда ты и следила за мной?
- Да, отсюда,- ответила Юнона,- но не с балкона, а через перископ. Сначала я подумала, что ты из спецслужбы, и решила спрятаться. Хотя это и смешно. Юнона подкатила к балкону столик, два кресла и стала доставать разные кушанья из многочисленных шкафов и холодильников, встроенных в стену. Но потом вижу, что твое поведение довольно странное и не соответствует представителю закона. Но и на пирата ты не походил. Тогда я решала на всякий случай понаблюдать за тобой, сначала все выяс-

нить, а потом доложить начальству. Ну, а что из этого получилось - сам знаешь.

Юнона усадила меня в кресло и стала наперебой предлагать разные блюда. Сидеть за столом в защитном поясе было так же неудобно, как спать на потолке. Будучи твердо уверенным, что нахожусь в полной безопасности, я снял неудобный пояс и положил рядом с собой. Я пробовал все, что она давала, и даже хвалил, но думал о другом. Из головы не выходили слова девушки: «Смотритель заповедника». До меня стал доходить смысл некоторых явлений и событий. Однако далеко не все мне было понятно. Я хотел снова начать разговор с Юноной и объяснить ей все-таки, кто я и откуда. Но сделать этого не успел. Вся стена, которая располагалась напротив нас, вдруг засветилась, на ней появилось изображение лысого мужика, который стал громко и сердито что-то говорить Юноне. Что он говорил, я не понимал, но по испуганному и бледному лицу Юноны видел, что разговор серьезный.

Юнона оставалась в ларингофонах, и все, что она отвечала, переводилось мне. Правда, говорила она очень мало, так как мужчина не давал ей высказываться, постоянно кричал на нее и перебивал. Юнона пыталась доказать свою невиновность, но это ей плохо удавалось.

- Я думала, что он из спецслужбы, поэтому не сразу доложила... Юнона повернулась ко мне и сказала, кивнув на экран:
- Он прика... Он просит тебя назвать личный номер.

Я пожал плечами и сказал, что у меня нет никакого личного номера, и вообще я не знаю, что это такое. Юнона показала на мои часы с браслетом и спросила:

- А это что? Разве не личный жетон с номером? - иона подняла свою левую руку, на которой тоже был браслет.

Я у нее и раньше видел его, но думал, что это просто украшение. Юнона, оглядываясь на экран, торопливо объяснила мне, что каждому гражданину Общества присвоен определенный номер. Номера зарегистрированы в Управлении спецслужбы, где хранятся и личные дела всех жителей планеты...

- Юнона,- перебил я ее, - скажи своему начальнику, что я прилетел с другой планеты. К вам прилетел представитель другой цивилизации! Это величавшее событие! А мы говорим, черт знает о чем.

Юнона пыталась объяснить по-своему, почему-то игнорируя мои слова, но начальник не слушал, а еще больше сердился и кричал. Чтобы не смотреть на эту сцену, я вышел на балкон. Внизу покачивалась на волнах лодка, вдали, над скалами, виднелся планетолет. Да, техника солидная, не зря Юнона удивилась моей оснащенно-

сти. А ведь есть еще Кибер и звездолет. В голове появилась новая идея. Показать эту технику лысому оратору. Я срочно вызвал к себе Кибера. Вскоре он повис над балконом.

- Юнона! - позвал я девушку.

Она, печальная, с поникшей головой вышла на балкон, держа ларингофоны в руке. Я надел их на нее и, глядя в глаза, твердо сказал:

- Юнона, я пытался объяснить тебе, что прилетел из другого мира, но мы не поняли друг друга. И твой начальник не поверил и посчитал меня преступником. Ерунда какая-то...
- Это не мой начальник, это Гектор. Он сенатор. Он сказал, что уже давно засекли над заповедником неопознанные летательные аппараты. Меня обвиняют в укрытии пиратов. Сегодня к нам вылетел планетолет спецслужбы, завтра он будет здесь. Я уволена.
- Послушай, Юнона, я действительно прилетел издалека. Планета, с которой я прилетел, называется Земля, а звезда наша называется Солнце. От нашей системы до вашей очень далеко. Но какимто странным образом мы с тобой похожи друг на друга. Каким-то странным образом наши языки близки: у вас и у нас есть одинаковые слова. Есть и другие удивительные загадки, разгадать их мы сможем только вместе. Юнона, скажи, что сделать, чтобы ты мне поверила, чтобы поверили твои сограждане? Кстати, что это за граждане такие, которые имеют личные номера? Разве можно такое общество назвать «гражданским»? Это просто унизительно.
- Друг мой, ты должен знать, что в начале становления нашей цивилизации в обществе была очень высокая преступность. Получалось, что, проявляя гуманность к каждой личности, мы создавали невыносимые условия жизни всему социуму. Ибо малая часть непорядочных граждан могла терроризировать большую часть сообщества, состоящую из законопослушных граждан. А сейчас мы почти искоренили преступность. Да, спецслужба может проследить за перемещением любого жителя нашей планеты. Но разве честный гражданин будет скрывать свою жизнь от других сограждан? Мне кажется, что это правильно. Ты не согласен с этим?
- Да, мне это не нравится. У нас на Земле человеческое общество живет по другим законам

Юнона долго молчала и пристально всматривалась в меня.

- Я тебя не понимаю, друг мой, - медленно произнесла она, - я тоже с Земли. Скажи мне, кто ты? Какое положение ты занимаешь в обществе? Я могу обратиться к Сообществу и запросить Общее мнение. Но если повод покажется незначительным, мне откажут в защите, и я больше никогда не смогу обратиться к Сообществу. С меня снимут звание гражданина, и я буду существо без прав.

- Юнона, - взмолился я, - я не знаю, почему мы не можем понять друг друга. Запроси это свое Общее мнение. Я обязательно докажу свою правоту, а иначе зачем я сюда прилетел? Мы покажем твоим согражданам мою технику, я им все объясню, и они поверят, что я прилетел с добрыми намерениями.

-Хорошо, друг мой, - со страданием в голосе ответила Юнона. - Я не знаю, как мне поступить, поэтому во всем доверяюсь тебе. Но если мы сделаем неверный шаг, то можем погибнуть...

Вдруг дверь резко распахнулась, и в комнату внезапно вошли три человека в красивых, блестящих комбинезонах. В руках у них были лучевые пушки. Они направили оружие на нас. Я сделал чуть заметное движение в сторону брошенного пояса, но один из вошедших понял мой маневр, приставил к моей голове ствол пушки и оттолкнул пояс ногой.

- Антонио! воскликнула Юнона, вскакивая с кресла. Антонио, сам Великий Отец послал тебя к нам... Антонио, прошу тебя, выслушай его, она кивнула в мою сторону. Мужчина, к которому обратилась Юнона, предостерегающе поднял руку и, не опуская оружия, сказал:
 - Я должен выполнить свой долг. Прости.

Юнона сникла, села в кресло, но тут же вскочила и спросила:

- А как вы попали сюда, ведь планетолета не было, и Гектор сказал, что вы завтра прилетите?
 - -Я должен выполнить свой долг, снова проговорил Антонио.
 - Ты не ответил на мой вопрос, нахмурилась Юнона.
- Твой Гектор тебя обманул, вступил я в разговор, планетолет был вчера, но он не приземлялся, а этих, твоих агентов спецслужбы, которых ты так боишься, сбросили на парашютах. Наверное, специально, чтобы застать нас врасплох.

Юнона удивленно посмотрела на меня, потом повернулась к Антонио и стала быстро и гневно что-то говорить. Я не понимал, что она говорит, потому что в наушниках слышался монотонный голос: «Говорите медленнее».

Девушка наступала на Антонио, грозила пальцем и все говорила и говорила. Мужчины морщились, слушая Юнону, и отводили взгляды. Увидев, что у них ослабла бдительность, я резко метнулся к ним и, оказавшись в центре группы, завязал рукопашную схватку. Стрелять они не могли, боялись попасть друг в друга. Юнона была на моей стороне – она буквально повисла на руках Антонио, не давая ему участвовать в борьбе. Я же был в своей стихии. Через несколько минут все трое лежали на полу и корчились от боли.

- Вы уж извините меня, ребята, бормотал я вслух, связывая им руки ремнями от их же оружия, - уж извините, но мне иначе нельзя. Я тоже обязан выполнить свой долг.
- Что будет, что будет... причитала Юнона, отрешенно качая головой.
- Скажи им, что я прилетел из другой звездной системы, попросил я.

Юнона выполнила мою просьбу и стала переводить ответы Ан-

- Прилетел из другой системы на этих детских игрушках?.. усмехнулся Антонио.
- 0! Вот это разговор не мальчика, но мужа! Нет, не на этих. На орбите у меня межгалактический звездолет.
 - Это надо доказать.
 - Так я хочу доказать, но вы меня не слушаете!

Антонио скривил губы:

- А вот представь, что возле твоего жилища приземляется планетолет, из него выходит точно такой же человек, как ты, и говорит, что прилетел с другой планеты.... Ведь ты подумаешь, что тебя просто разыгрывают. И техника у тебя похожа на нашу. Да и случай подобные были. Пираты выдавали себя за инопланетян, а потом брали в заложники мирных граждан и требовали выкуп.

Я задумался. Доля истины в его словах была.

- Хорошо, сказал я, ответьте мне на один вопрос, и я улечу. Антонио вздохнул.
- Ты улетишь, а Юноне отвечать придется. Не завидую ее участи.
- Я ее не оставлю вам на растерзание. Я ее возьму с собой. Земляне своих в беде не бросают! И вообще я буду просить ее выйти за меня замуж.

Антонио саркастически усмехнулся.

- Ну вот ты и проговорился... Ты с Земли.
 Да, я два дня вам говорю, что прилетел с Земли, а вы не слышите меня!
- Слышим, но на Земле о тебе не знают. Нас послало правительство узнать, кто ты такой.
- Ха! Что, президент должен знать каждого астронавта? Для этого есть Центр Управления Полетами... Ладно, не будем спорить.... Скажите мне, откуда в старом фотонном звездолете карта Солнечной системы? И вообще, откуда он тут взялся?

Антонио глянул на меня презрительным взглядом и отвернулся. Я тоже замолчал, не зная, что говорить. Всегда думал, что встреча с инопланетной цивилизацией произойдет торжественно, это будет великий праздник. Мы кинемся в объятия друг друга... Правда, объятия были. Что было, то было. Но всенародного ликования по этому поводу нет. И шапки в воздух никто не кидает.

Юнона подошла ко мне, положила руки мне на плечи.

- Друг мой, сказала она, пристально глядя в глаза, про Командора Ноя знает каждый ребенок. Ты действительно не знаешь об этом ничего?
- Не знаю я никакого Ноя, но я не про него спрашиваю, я спрашиваю, откуда взялся фотонный корабль с картой Солнечной системы!? Я прилетел из Солнечной системы, которая находится на противоположной стороне Галактики. Кроме меня, сюда никого не посылали. Никого. А в ущелье старый фотонник с картой моей звездной системы.... К тому же такие корабли на Земле не строили...
- Друг мой, ты хочешь сказать, что прилетел с планеты Земля, которая находится в Солнечной системе?
 - Да, да, да! Именно это я и хочу сказать!
- Планета, о которой ты говоришь, является нашей исторической родиной. После планетарной катастрофы Командор Ной привел звездолет на новую планету, которую тоже назвали Земля, и человеческая цивилизация начала свое развитие заново.
- И где же эта цивилизация находится? Кроме четырех человек, никого не вижу.
 - Так я же говорю: на Земле...
- Господи, вразуми меня, я ничего не понимаю, пробормотал я, садясь в кресло.
- Ну, мы сейчас находимся на планете Венера. Здесь заповедник. А человеческая цивилизация находится на второй планете, которая называется Земля. На орбите Дианы же две планеты....

Я молча хлопал глазами, переваривая услышанное.

- И когда же это произошло? Когда вы сюда переселились?
- Несколько тысяч лет назад.
- А Ной, это кто?
- Это наш Командор, который привел свой корабль на Диану, после катастрофы на Земле.
 - То есть такой человек существовал на самом деле? Ну, конечно, это каждый ребенок знает.
- А ведь я, пожалуй, слышал о Ное. Я, думал, это сказка. Я помню одну фразу из этой легенды: «Взял он с собой каждой твари по паре»... А лошади на корабле были?
- Конечно, были, но не лошади как животные, а их ДНК. И ДНК других животных были.

- ДНК?? моему удивлению не было предела.
- Ну, конечно, друг мой, ты же понимаешь, что в маленький корабль невозможно поместить по-другому всех животных, имеющихся на Земле.
- Нет, пока не понимаю, и что уж совсем непонятно, так это то, что вы и мы звезду называем Диана.
- Да, это странно. А еще странно, что Великий Отец ничего не говорил о возрождении жизни на Старой Земле. Он не мог об этом не знать.
 - Кто это: Великий Отец?
- Можно еще сказать Высший разум. Он же нам помогал делать наклон оси Новой Земли.
 - Наклон оси?...
- Ну, конечно. Иначе не будет смены времен года. И на Старой Земле это делал Высший разум. И то, что у вас для равновесия на орбите Земли, с другой стороны Солнца вращается Утопия, и у нас вокруг Дианы вращается две планеты все сделал Великий Отец. Это же не само собой все сделалось. И расстояние от планеты до звезды, и крупные планеты с большой массой для перехвата метеоритов... Это все сделал Великий Отец. Командор Ной был избранным и мог общаться с Великим Отцом. Ты должен знать такие вещи. Это даже в женских училищах изучают.

Я молча смотрел на Юнону, с трудом переваривая эту информацию.

Антонио повернулся в мою сторону:

- Это ты с молодыми девушками так можешь разговаривать, но не со мной.

Я помог Антонио встать и подвел к окну.

- Смотри, Антонио, вот лодка, вот Кибер-разведчик, а вон там, подальше, планетолет.... Это ты видишь собственными глазами. Да на орбите звездолет... Лодку и Кибера я оставлю здесь, пусть ваши специалисты посмотрят мою технику и скажут свое слово. Я думаю, они разберутся.... Мы сделаем так: я вас отпущу, чтобы вы рассказали обо мне своему начальству, а мы с Юноной побудем некоторое время у меня на корабле, потом снова встретимся и поговорим. Да и мне тоже надо кое-что обдумать.

Я собрал валявшееся оружие и пошел к выходу.

Антонио раздраженно сказал что-то Юноне и отвернулся.

- Он просит оставить оружие. Без него им лучше не возвращаться. За утерю оружия их выгонят со службы.
- Хорошо, согласился я, оружие будет лежать на площадке возле планетолета. Мы улетим, а вы придете и возьмете свое оружие.

- Он просит развязать руки хотя бы одному человеку, опять перевела Юнона слова Антонио.
- Ну, это уж слишком, я тоже начал злиться, пусть выкручиваются, как хотят, пусть зубами грызут, времени у них много. Пошли, Юнона.

Юнона тяжело вздохнула и последовала за мной.

Мы прошли через грот с озером и выбрались на тропинку среди камней. Но не успели сделать и десяток шагов, как из-за большого валуна мне на спину прыгнул человек в такой же одежде, как Антонио. Я, обвешенный тяжелыми лучевыми пушками, сразу рухнул на землю. Откуда ни возьмись, появились еще двое агентов. Они навалились на меня и стали заламывать руки. И это им почти удалось, как вдруг из-за камней выскочило десятка два аборигенов. Началась такая свалка и неразбериха, что было вообще непонятно, кто на чьей стороне. В этой сумятице я сумел выхватить бластер, переключил его на травматический режим и стал нажимать гашетку, целясь во все, что двигалось вокруг меня. Через минуту на ногах стояли только Юнона и я. Из грота выскочил Антонио. Руки у него были уже развязаны. Он был настроен воинственно, но, увидев результат баталии, сник и остановился. В моих глазах именно Антонио был виновником всех моих бед. Я не сдержался и врезал ему по физиономии с левой руки, так как в правой держал бластер. Антонио повалился, но оперся на валун и удержался на ногах. Он смерил меня взглядом, криво усмехнулся, но в драку ввязываться не стал. Я убрал бластер в чехол и встал перед Антонио в боевую стойку. Он понял меня и стал махать руками и ногами с такой скоростью, что мне пришлось отступать. Он явно хотел взять реванш за свое первое поражение. Чувствовалось, что передо мной умелый боец. Но мой противник не знал, что перед ним чемпион Земли по борьбе. Выбрав момент, я захватил его руку и провел бросок через плечо. Антонио сгруппировался и, едва коснувшись земли, вскочил на ноги и снова пошел в атаку. Я еще немного отступил, выбрав между камнями площадку попросторнее. Между тем, за нами наблюдала уже не только Юнона. Постепенно приходили в себя и подчиненные Антонио, и аборигены. Люди вставали на ноги, отходили в сторону и молча следили за нашей схваткой. Никто не пытался ни помочь, ни помешать. Я уже решил закончить представление и пару раз врезал Антонио как следует. Однако он падал, мотал головой, упрямо поднимался и снова шел в атаку. Наконец между нами встала Юнона. Мы прекратили мутузить друг друга и, тяжело дыша, разошлись в разные стороны. Я осмотрелся и увидел среди аборигенов знакомое лицо. Оказывается, мне на помощь

опять пришел Тор. Я подошел к нему и обнял, как брата. Тор положил копье на землю, переступил через него и стал произносить короткие фразы, помогая себе жестикуляцией.

- Вот,- сказал я специально для Антонио, - цивилизации, стоящие на разных ступенях развития, и то понимают друг друга. А нам с тобой должно быть стыдно за то, что мы тут устроили. А ведь мы, оказывается, братья! У тебя и твоего начальства с чувством здравого смысла дело обстоит плоховато. Может быть, я скажу с излишним пафосом, но я надеюсь, что разум восторжествует. Очень надеюсь и жду сообщения, что вы готовы к разговору.

Я взял Юнону за руку, и мы пошли к планетолету.

- А вдруг у нас ничего не получится, и я больше никогда не увижу свой дом, сказала Юнона, с грустью оглядываясь назад.
- Получится, твердо ответил я, мы же с тобой поняли и полюбили друг друга. И другие люди поймут и полюбят друг друга!

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

Петр Цыбулькин. Пишется обязательно через «ы» в соответствии с грамматическим правилом: Цыц, цыган! Цыбулькин на цыпочках. Ему далеко за двадцать, но еще нет шестидесяти. Более молодые коллеги называют его мэтром. Он добавляет: мэтр с небольшим, намекая на свой 52 размер. Сравнивает себя с М.Задорновым (в свое время не поступил в Уфимский авиационный институт) и А.Аркановым (тоже имеет отношение к медицине, являясь пациентом).

Родился в посёлке Зилаирский, что под городом Баймак в Башкирии, проживал в г. Магнитогорске, окончил

радиофак Уральского политехнического института, поэтому своими успехами прославляет конкретно указанную местность и конкретно указанное учебное заведение. Магадан в этом ряду вне конкуренции.

Обучаясь в институте, имел отношение к КВН и даже был капитаном. Однако в то время, когда КВН был в опале. Поэтому попал не в «телевизор», а на заседание партбюро факультета.

Повадки нордические. Материально неустойчив. Морально падкий.

Происходит из рода запорожских казаков, сосланных Екатериной за бунтарство из Сечи на Яик (Урал). Сохранил в себе черты предков, будучи иногда чересчур дерзким не только в творчестве. Понимая это, на Колыму сослал себя добровольно.

Писать, как он сам говорит, начал ещё в младенчестве, только с ударением на другом слоге.

Относит себя к авторам гонимым, поскольку коллеги по творчеству критикуют его, в основном, за употребление канцеляризмов, в то время как по основному месту работы он осуждается за употребление в деловых документах творчески отточенных выражений.

ИЗ «З А П И СОК «Ц И Ц Е Р О Н А».

OT ABTOPA

Он попросил называть его Цицерон. На самом деле у него есть другие, настоящие, имя и фамилия. Наверное, в спецслужбах так принято – иметь кличку или псевдоним. В целях конспирации. А может быть он опасается, что суть его обращения ко мне неправильно поймут коллеги по службе, пока он ещё не вышел в отставку.

Кличка Цицерон ему прилепилась в учебке в погранвойсках, за свойство корректировать и дополнять речь сослуживцев, включая старших по званию, своими меткими замечаниями. В дальнейшей жизни, куда бы он ни попадал, окружающие, услышав его рассказы, соглашались с этой кличкой.

- Я знаком с твоим творчеством и мне нравится твой стиль. Хочу, чтобы именно ты обработал и опубликовал вот это. – Он протянул объёмистую синюю папку с надписью на обложке «КГБ СССР. Личное дело» и кипой записей внутри, исполненных на различной бумаге – от обычных стандартных белых листов до тетрадных обложек и уже забытых промокашек. – О нас, простых операх госбезопасности, мало пишут. А если пишут, то настолько всё искажают, что получаются какие-то роботы. Некоторая часть людей, которые с нами не сталкиваются, именно так и думают. Правда, немалую роль в таком понимании сыграл и критический накат на органы безопасности в конце 80-х – 90-х годах, когда нас обвиняли в зажиме демократии. Мне кажется, здесь надо было начинать не с нас, а с тех, кто готовил для нас законы. Многие из них ещё до сих пор на плаву. У меня даже четверостишие о них есть.

Он покопался в своих бумагах и продекламировал:

В парторганах не зря старался,

Без мыла в демократию вписался,

Лишь изменилась маска у лица,

А сказки те же, но с конца.

- А мы – хорошие! – казарменно пошутил он.

Прочитав в течение нескольких дней записки Цицерона, я нашёл, что за каждым его наблюдением стоит какая-то человеческая черта. А между строк всего цикла записок, будь то от первого либо третьего лица, читается характеристика человека – простого оперативного работника системы государственной безопасности, обыкновенного живого человека, живущего той же жизнью и чувствующего то же, что и мы, и которого надо воспринимать таким, какой он есть. Эту цель, наверное, и ставит Цицерон. А его записки, наверное, находка для психолога.

С моей литературной обработкой Цицерон сразу согласился и не потребовал никаких изменений и дополнений, хотя до окончательного варианта записок мы ещё много времени провели в беседах на различные темы, в ходе которых у меня всегда возникали сомнения – то ли я получаю от него информацию, то ли он от меня. И это вызвало к нему дополнительное уважение – профессионал должен быть всегда профессионалом. В качестве гонорара он предложил распить вместе бутылку хорошего коньяка, если всё получится. Хотя я, в общем-то, не пью совсем.

Цицерон – обыкновенный русский мужик, с крепкими корнями, уралец. В его произношении проскальзывал соответствующий диалект, как у «реальных пацанов», а в устной речи, да в и самом изложении записок, угадывалось влияние русских народных сказок. Поэтому я, там, где это возможно, постарался изложение текста построить в форме народного фольклора. Конечно, сделал это также и из тех соображений, что кое-где приходилось домысливать самому и придумывать. Естественно, не искажая смысла.

ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ОСОБИСТОМ

ı

Случилось это тогда, когда мы все ещё были товарищами и отмечали день рождения Великой Октябрьской Социалистической Революции. Служил я в районе, окружённом несколькими исправительными колониями, а также населёнными пунктами, обстановка в которых характеризовалась наличием достаточного количества постоянных жителей из числа ранее судимых. С местными мы в основном жили дружно, но временами возникали небезосновательные конфликты на почве ревности, с которыми то и дело мне приходилось разбираться.

Наша часть, учитывая расположение на её территории взрывоопасных объектов, находилась на расстоянии километров четырёх от жилого городка. Дорога к городку вела через небольшой лиственный лес.

После торжественного собрания, посвящённого революционному празднику, несколько офицеров и прапорщиков возвращались через указанный лес к местам жительства. Перед ними двигалась небольшая группа местных подвыпивших парней, позади – такая же группа. Первые постепенно замедляли движение, вторые – ускорялись. В результате, посреди леса военные оказались в опасном агрессивном окружении.

От группы местных отделился авторитетный верзила и хрипло, растягивая и как бы смакуя каждое слово, спросил:

- Закурить есть?

Один из офицеров был после дежурства и по случаю праздничной суматохи не успел вовремя сдать табельное оружие, которое в данный момент оказалось при нём.

После непродолжительной, я бы сказал МХАТовской, паузы офицер вынул пистолет из кобуры, достал из кармана сигарету, вложил её в ствол и протянул верзиле:

- На, прикуривай!

Верзила в той же медленной манере ответил:

- Так бы и сказал, что спичек нет.

Толпа расступилась и пропустила военных.

Ш

Приближались бархатный сезон и мой очередной отпуск. Однако тому, чтобы он состоялся вовремя, мешало одно незавершённое дело. И, со слов начальника, если я его не закрою, отпуска мне не видать. Хотя и сам он понимал, что дело бесперспективное, «висяк».

А ситуация заключалась вот в чём.

В местный отдел милиции обратилась бабуся с заявлением о возможной краже у неё гусей. Милиционеры, проверив материал, сделали вывод о его бесперспективности, но оснований для его прекращения не нашли. Вместе с тем, каким-то, очень сомнительным, образом установили, что следы от сарая бабуси ведут к забору пограничной части, где опером особого отдела служил я - видимо кто-то из них тоже торопился в отпуск. Так дело попало ко мне.

Я провёл максимум разыскных мероприятий, которые были возможны, оперативную работу в части, но никакой заслуживающей внимания информации не добыл. Да и на пограничников это не похоже. Выхода никакого не просматривалось. Не возникало даже каких-либо мыслей по поводу выдвижения дополнительных версий и проведения мероприятий по их проверке. Помог случай.

Накануне очередных выходных я попал на торжество по поводу дня рождения коллеги. В компании каким-то образом оказался орнитолог из местного научно-исследовательского института. Поскольку история с гусями была, что говорится, у меня на устах, она привлекла его внимание и он дал соответствующие научно обоснованные пояснения.

Оказывается, над местностью, где располагались наша часть и прилегающий жилой массив, проходили пути миграции диких гу-

сей. Гуси позднее и менее других домашних птиц изменены человеком. В период весенних и осенних массовых перелётов у домашних гусей может пробуждаться инстинкт, и они способны покидать насиженные места, соединяться с другими стадами. В таких случаях найти их порой бывает трудно.

К вечеру следующего дня у меня на рабочем столе лежало оформленное на бланке научно-исследовательского института соответствующее заключение экспертов, подписанное людьми с высокими научными степенями.

Против таких солидных выводов ни мой начальник, ни бабуся возражать не стали. А я вовремя уехал в отпуск.

По возвращению мне стало известно, что гуси всё-таки нашлись. Не только сами пришли, но и привели с собой несколько чужаков. Так что бабуся во всей этой ситуации только выиграла.

Всё-таки оперативная работа, это процесс творческий.

Ш

Эту историю мне рассказали коллеги-территориалы, когда в далёкие восьмидесятые я служил на Урале.

В самом конце 1982 года было создано Качканарское городское отделение УКГБ СССР по Свердловской области. Сокращённо – ГО УКГБ.

Руководство партийного органа соседнего города поспешило поздравить сотрудников нового подразделения с новым годом соответствующей открыткой. В адресе были указано: г.Качканарр, ГО КГБ, начальнику.

Поскольку работники почты не были осведомлены в создании на их территории новой организации, открытка до адресата шла долго, сначала попав не туда, куда нужно. В конце концов, её передали чекистам в начале марта следующего года из гинекологического отделения Качканарской городской больницы (ГО КГБ). Сработал и стереотип – гинекологов благодарят чаще, чем со-

трудников органов безопасности.

IV

Накануне празднования очередного нового 198... года всем офицерам части выдали дополнительные талоны на продукты, по которым в местном магазине Военторга можно было купить палку сырокопчёной колбасы, банку чёрной икры и апельсины. Талоны получили и четыре молодых офицера, проживавшие в одной комнате в общежитии.

До нового года оставалось ещё две недели, поэтому решили деликатесы частично опробовать перед выходным днём. Но только

по чуть-чуть – «ведь завтра же на рыбалку!». Тем более и снасти приготовили, и наживку - мотыля - достали.

Посидели втроём, а четвёртому, задержавшемуся на службе, «оставили». Возвратившись за полночь, свет он включать не стал, поужинал в полумраке. Деликатесы под умеренную выпивку пошли прекрасно.

Собираясь утром на рыбалку, парни долго искали мотыля, обвиняя друг друга в том, что кто-то спрятал баночку не туда. И только спустя некоторое время обнаружили пустую баночку в мусорном ведре. При этом оставленная припозднившемуся соседу чёрная икра в похожей таре оказалась нетронутой.

Виновник тут же попробовал икру и сказал, что по вкусу она не отличается от того, что он съел ночью.

А рыбалка всё равно состоялась. Ведь для русского человека снасти и наживка для рыбалки не главное.

V

Был я тогда ещё курсантом. В очередной отпуск поехал к своей будущей (и настоящей) жене и попал как раз на свадьбу одной из её подруг. Но до места проведения свадьбы от места проведения отпуска ещё надо было добираться двадцать километров до села Воздвиженка – есть такое на Урале, бывшая казачья станица.

Знакомые местные парни начали отговаривать меня от поездки – у них были постоянные стычки с воздвиженскими, а в тот момент происходила эскалация конфликта. Естественно я, да ещё с претензией на брак с местной жительницей, мог оказаться жертвой. Жертвой мог оказаться, но не мог отказаться, так как это отрицательно влияло на авторитет военнослужащего нашей армии. И я поехал.

События, происходившие на свадьбе, помню частично, поэтому воспроизвожу их по рассказу своей супруги.

Самым знаменательным и очень удивившим меня событием было утром следующего дня. Проснувшись в незнакомой мне деревне, я столкнулся с тем, что почти все её жители со мной здоровались.

А произошло, со слов жены, вот что.

Для работящих и трудолюбивых воздвиженских мужиков свадьба являлась легальным способом расслабиться. И к тому моменту, когда по народным обычаям к сценарному действу должен был подключиться один из гостей мужского пола, способным адекватно исполнять необходимую роль оставался я один. На середину избы выбежала женщина средних лет и объявила: «А сейчас мне

нужен дружка!». Я, не без совета со стороны жены, знающей о моих успехах в художественной самодеятельности (ну, не сворачивать же свадьбу!), выдвинул свою кандидатуру и спросил:

- А как тебя зовут?
- Екатерина!
- А какая Екатерина?
- Вторая!
- Ну а я Александр Первый!

Говоря современным языком, наш с Екатериной обмен репликами разогрел публику, и дальнейшие импровизации воспринимались с необходимой поддержкой.

Мы с подносом обходили гостей, получали от них подарки молодожёнам, наливали и заставляли выпить чарку за здоровье жениха и невесты. Конечно, всё это с шутками и прибаутками. Когда очередь вручать подарок дошла до нас, войдя в раж, я, выросший на фильме «Неуловимые мстители», отодвинул в сторону рюмку и выкрикнул:

- В кринку мне!

Был такой запоминающийся момент в картине, и мы, подражая мстителям, неоднократно его повторяли и соответствующим образом тренировались.

Моё пожелание было выполнено, и я опорожнил кринку, держа её одними зубами.

После этого мой и без того уже большой авторитет взлетел на небывалую высоту. Каждый хотел поговорить со мной, а ещё больше – выпить. Понимая, что неосторожное слово или отказ с моей стороны могут вызвать прогнозируемую противниками воздвиженских негативную реакцию, я старался быть максимально деликатным и аккуратным в высказываниях. Но, как выяснилось, этого особо не требовалось.

Завоёванный авторитет был непререкаем и даже позволял гасить возникающие конфликты в самом зародыше – стоило мне только сказать слово или даже погрозить пальцем. Вопреки обычаям, свадьба прошла без драк, что приписали к моей заслуге.

Думаю, в той ситуации аналогичным мне образом повели и проявили бы себя многие курсанты наших военных учебных заведений.

А тот первый опыт общения с негативной средой, то есть с людьми, вынашивающими противоправные намерения, а точнее опыт переговорщика, во многом мне пригодился в моей дальнейшей службе, придавая уверенность в более сложных ситуациях.

VI

Служил я в Забайкалье. В то время там дислоцировалось довольно много различных воинских частей. Столько много, что однажды на стеле у въезда в город «Слава защитникам Родины!» даже появилась надпись «Защитите от защитников Родины!»

Побеги из частей солдат срочной службы были нередки. Кому письмо нехорошее от девушки пришло, у кого конфликты со старослужащими. Были и другие причины. Бежали и с оружием. Задерживали их по-разному, в том числе случайно и при довольно-таки интересных обстоятельствах, в том числе люди, от которых подобных мужественных поступков не ожидали.

Служил у нас механиком в гараже старший прапорщик Криворучко. Проблемный – часто приходилось разбираться по фактам злоупотребления им спиртными напитками и конфликтов на данной почве за пределами части.

Водителей, как всегда, не хватало и он в очередной раз сел за баранку ГАЗ-66, чтобы доставить смену пограничного наряда в заданную точку.

Возвращается по таёжной дороге, один в машине, видит, голосует молодой парень. Подсаживает его. Присмотрелся – похож на солдата, сбежавшего с оружием из танковой части, о котором всего лишь часа три назад инструктировали очередной суточный наряд.

Криворучко готовился пойти в предстоящее выходные на день рождения внука и приобрёл ему в подарок детский пистолет, который находился в кабине. На расстоянии приблизительно около километра от поста ГАИ (а их дислокацию Криворучко знал хорошо, поскольку, бывало, садился за руль нетрезвым) машину «чтото начало кидать». Он остановился, вышел из кабины, прихватив коробку с подарком для внука.

Обойдя машину, подошёл к ней со стороны пассажирского сиденья, открыл дверь, наставил детский пистолет на беглеца:

- Выходи! - И сопроводил задержанного до поста.

Гаишники обрадовались Криворучко, поскольку, естественно, его знали.

В другой раз бежавшего с ручным пулемётом и угнавшего автомашину задержал инспектор территориального органа, которые в большинстве своём умеют красиво отчитаться, но в оперативном плане, как правило, проявляют слабость.

В субботу этот инспектор со свояком пошли в баню в частной усадьбе на самой окраине города. Отдыхая и попивая пивко после очередного захода в парилку, они вдруг увидели фигуру, крадущуюся между грядок.

Слова свояка, выражающие недовольство в связи с имевшими место кражами урожая с его участка в переводе звучали приблизительно так:

- Достали эти воришки!

И они с инспектором решили задержать и доставить воришку в ближайшее отделение милиции. Там выяснилось, кто этот задержанный. Неподалёку в лесу были найдены угнанный автомобиль и пулемёт.

VII

Служил у нас в одной части под Читой прапорщик Слава. Как и многие сверхсрочники того, советского, периода он учился заочно в институте. Времени у заочников всегда не хватало. И вот, когда Слава был в наряде по КПП, и ему срочно надо было отнести учебники одному из его однокашников, я стал случайным свидетелем следующего интересного диалога между Славой и рядовым срочной службы, который должен был пойти в ближайший посёлок с соответствующим поручением.

- Вот здесь пойдёшь до конца забора, слева будет магазин. Понял?
- Понял.
- Дальше, за магазином по улице поворот направо. Понял?
- Понял.
- После поворота метров через сто котельная и рядом куча угля. Понял?
 - Понял.
- Так вот. Ты туда не ходи. А как дойдёшь до конца забора, иди вот сюда... И далее указывалось место, куда солдатик должен был отнести книги.

* * *

Одним из самых ответственных нарядов несения воинской службы в курируемой мною части был пост непрерывного контроля радиоэфира. Работали здесь одни офицеры-специалисты. Непрерывное нахождение в наушниках создавало определённое напряжение и снижало бдительность, поэтому через три часа работы офицеров на тридцать минут меняли их коллеги из другой смены, а действующая смена гуляла вокруг бункера, делала пробежки, иные физические упражнения. Некоторые заходили к Славе на КПП – поболтать.

А Слава очень любил чай, предпочитал и где-то доставал дефицитные сорта. Если он нёс службу в ночное время, то время его при-

ёма приходилось как раз на перерыв в смене на посту контроля. Забегавшие «поболтать» зачастую и выпивали у Славы весь чай, причём без разрешения, ломая ему удовольствие. Отказать им он не мог, да попросту и не успевал – чайник оказывался пустым неожиданно для него.

Кто-то надоумил Славу проучить «халявщиков». И вот в один из очередных ночных нарядов, в ожидании перерыва на посту контроля, Слава несколько часов в своём заварном чайнике кипятил винные пробки. Самые настоящие пробки – из пробкового дерева. Полученный напиток внешне никак не отличался от крепко заваренного чая, а по свойствам – способствовал активному образованию в кишечнике газов.

Прибежавшие на перерыв офицеры разминавшейся смены, как обычно, быстро поглотили весь славин чай, а, вернувшись на пост, до конца времени несения службы пытались бороться с эффектом его напитка. Надо сказать, на боеспособность это никак не повлияло, поскольку военнослужащий должен стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы.

* * *

Надо сказать, что славины так называемые розыгрыши никаких обид не вызывали, поскольку их объекты ощущали в себе уверенность ответить ему тем же.

Службу на точке несли также старшие офицеры, которые, в отличие от остальных, совсем не могли покидать свой пост – там находился телефон прямой срочной связи с Москвой.

Когда дежурным старшим офицерам ночью была нужна какаянибудь помощь, они звонили прапорщику на КПП, тот закрывал дверь «на клюшку» и исполнял поручение.

Как потребители пробочного чая «мстили» Славе, показывает следующий диалог.

Звонок с квартирного телефона на КПП, но о том, что это звонок из города, Слава не представляет:

- У тебя сковородка есть?
- Так точно!
- Занеси.

И Слава со сковородкой тащится на пост дежурного старшего офицера, где они оба долго не могут понять друг друга. Только на третий раз до Славы дошло, что его разыгрывают.

Может кому-то покажется, что подобные розыгрыши жестоки, но они во многом помогали снимать стрессы, сопутствующие очень ответственной воинской службе.

VIII

Из всех заявлений и обращений граждан в различные инстанции довольно большой процент составляют те, авторами которых являются душевнобольные. Работа с такими обращениями отнимает много времени. Даже если в них содержится откровенная несусветица, документы должны оформляться точно в соответствии с законом, иначе надзорные органы поставят на вид за нарушение в работе с заявлениями и обращениями граждан. Поэтому следующая история одновременно и смешная, и трагическая.

На предприятии, выпускающем продукцию военного назначения, у главного конструктора обнаружили психическое заболевание. Он был неоднократно отмечен правительственными наградами, имел допуск к секретам высшей степени, но чего только не случается в жизни. И вот случилось.

Чтобы уволить конструктора безболезненно и для него, и для государства – важный секретоноситель всё-таки – проводилась целая комбинация с привлечением администрации, врачей, ну и нас, особистов. Специалиста проводили на пенсию, вроде бы решили проблему. Но не для нас.

Человек обладал очень серьёзной информацией, за которой охотились многие разведки, и нам было поручено обеспечивать его безопасность и безопасность секретов, которыми он владел. С этим мы справились. Но обнаружилась проблема совершенно другого свойства.

Конструктор, благо времени у него появилось предостаточно, продолжил свои научные изыскания в области военной техники. С их результатами знакомил своих бывших коллег. Но, к сожалению, болезнь не пощадила талант, и заключения экспертов были отрицательными.

Изобретатель, не согласный с выводами экспертов, стал обращаться в различные вышестоящие инстанции и даже в ЦК КПСС. Его письма для непосвящённых и не разбирающихся глубоко в военной технике выглядели достаточно убедительно, имя конструктора было хорошо известно, поэтому указания «разобраться и доложить» спускались незамедлительно. Их исполнение ставилось на контроль на самом верху. Чтобы возможная проверка, а их было много по письмам этого заявителя, ни к чему не придралась, приходилось вкладывать много сил и времени. Наконец, нашёлся один начальник отдела территориального Управления (фамилию придумывать не буду, а настоящую не назову), который вызвался «скорректировать» поведение конструктора. Кстати, этот начальник работал по линии известного и несправедливо критикуемого

сейчас Пятого Управления КГБ, а сотрудники этого подразделения отличались очень высоким уровнем интеллекта.

Он пригласил заявителя на беседу и в разговоре дал понять, что упомянутые изобретения, вполне возможно, являются предметом устремлений разведки противника, в связи с чем нежелательно писать о них в различные гражданские инстанции, расширяя круг осведомлённых. Тем более, отправлять документы открытой почтой.

Конструктор отреагировал правильно и перестал рассылать письма со своими изобретениями. Однако возникла другая проблема – у него появилась мания преследования. Он стал повсюду находить следы охоты за ним зарубежных спецслужб и постоянно обращался по этому поводу в органы безопасности, которые (конструктору было известно) обязаны его охранять.

Но и тут начальник отдела нашёлся. Он снова пригласил конструктора на беседу. В разговоре уведомил, что подобные ситуации органам хорошо известны и изучены. Однако не следует по каждому поводу обращаться в «контору», тем более лично, излишне настораживая агентов иностранных разведок. При обнаружении чего-либо подозрительного, достаточно просто дунуть в трубку ближайшего телефона. Это будет сигналом к действию тем, кто обеспечивает безопасность конструктора.

О письмах и визитах помешавшегося конструктора быстро забыли. Как видно, сотрудник органов безопасности должен быть не только хорошим психологом, но иногда и психиатром.

P.S. Когда этот рассказ уже был написан, я ознакомил с его содержанием человека, считающего себя демократом. Он несколько удивился: «А что, конструктора нельзя было усыпить?» Получается коммунисты гуманнее. Вот он, «звериный оскал капитализма».

IX

Однажды мне пришлось вызволять из «плена» сотрудника дружественного территориального органа, правда – вольнонаёмного.

Никитич, несмотря на свой возраст – за шестьдесят, был довольно-таки щуплым и небольшого роста. Поэтому, когда коллектив организованно собрался в поездку за грибами, он воспользовался экипировкой своего внука – входившими тогда в моду кроссовками, яркой ветровкой, рюкзачком и бейсболкой с американской символикой. Кто-то из коллег даже пошутил: «Как американский агент», - не представляя, насколько оказался прав.

В назначенное место по завершению мероприятия Никитич не вышел. Стали искать. Решили наведаться в дислоцировавшийся

неподалёку ракетный дивизион ПВО, спросить – может видели? Но, оказалось, не только видели.

Экипировка Никитича и его поведение вблизи дивизиона показались подозрительными часовым, и его задержали. От неожиданности Никитич потерял дар речи, начал заикаться, ничего вразумительного сказать не смог, что задержавшие его приняли за иностранный акцент и плохое знание русского языка.

Но помощь подоспела вовремя. Естественно, без моего вмешательства не обошлось. Сам Никитич так прокомментировал ситуацию: «Хорошо, что до пыток не успело дойти».

X

В период моей службы в Кронштадте наиболее частыми происшествиями, по которым приходилось проводить разбирательства, были факты обнаружения оружия и боеприпасов времён Великой Отечественной войны. Этот случай запомнился особо благодаря тому, что развивался по не похожему на другие сценарию.

Молодая женщина возвращается с работы и в подъезде своего дома обнаруживает следы от пуль на стенах и на двери своей квартиры.

В ожидании самого худшего она обращается к нам, и мы с оперативной группой выезжаем на место происшествия.

Действительно, в подъезде всё выглядит так, будто здесь была перестрелка. Соблюдая меры предосторожности, стучим в дверь. Совершенно спокойно дверь нам открывает очень вежливый подросток, который в ожидании прихода матери с работы, как и положено, убрался дома и делал уроки.

После радостной и одновременно негодующей реакции от встречи матери с сыном выясняется, что, играя с мальчишками, в одном из заброшенных подвалов он нашёл немецкий автомат. Принёс его домой и стал чистить. Неожиданно автомат выстрелил очередью, которая пришлась как раз на входную дверь.

Чтобы «не влетело» от матери, мальчишка коричневым пластилином, под цвет краски, залепил дырочки в двери, но сделал это только изнутри квартиры. А выглянуть в подъезд и посмотреть, какие там могут остаться следы, не догадался.

КОЛЛЕГА

Первых руководителей и главных кадровиков в периферийное управление в основном старались направлять из других местностей. Чтобы они набирались опыта для последующего выдвижения. Они, действительно, набирались «сына ошибок трудных», в большинстве своём строя работу по аналогии с прежним местом службы, без учёта преемственности, местной специфики и обстановки. Увозили опыт с собой, а «ошибки трудные» оставляли.

К возобновлённому после perestroiki и распада Союза профессиональному празднику поступило указание провести мероприятия, направленные на повышение авторитета органов: привлечь представителей местной власти, ведущих предприятий, средств массовой информации, ветеранов.

Если с первыми тремя категориями проблем не возникло – контакты с общественностью в управлении всегда были хорошие, то над вопросом привлечения ветеранов предстояло подумать.

Удалённый регион с неблагоприятным климатом, но с большими запасами сырья, ещё с советского периода по традиции заселялся так называемыми временщиками, тянувшимися сюда за длинным рублём. В последнее время рубль стал значительно короче, многие посёлки признаны неперспективными и население постепенно сокращалось. Данных о том, чтобы кто-то из бывших работников остался в регионе на постоянное жительство, в отделе кадров не имелось, но тем не менее оперсоставу было дано указание «выяснить и доложить».

К назначенному сроку юркий, с активной жизненной позицией и карьеристскими устремлениями старший опер Гадлин, принятый на службу из местных, доложил, что есть подходящая кандидатура – Овсов Эдуард Игоревич, 19... года рождения, ветеран НКВД. Якобы, успел послужить в органах и до войны, и в войну, и после войны. Крепкий старикашка. Живёт в своём доме на окраине посёлка, сам содержит небольшое приусадебное хозяйство, даже выращивает свинью на мясо. До последнего времени, пока завод не развалился, работал на рыборазводном сторожем. С семьёй в разъезде – дети и жена на «материке», отношений с ним не поддерживают. Характеризуется как несколько замкнутый, грубоватый, особо не контактный в общении.

Доклад Гадлина обрадовал. Ветеран вызывал интерес, прежде всего, как живой свидетель ещё не до конца понятого и осознанного исторического этапа в развитии страны.

В назначенный день и час в актовом зале (бывшем красном уголке, о чём всё ещё напоминал стоявший в углу лицом к стене бронзовый бюст вождя пролетариата) собрался личный состав с жёнами и детьми, приглашённые от руководства администрации и взаимодействующих органов и предприятий. Зачитаны заранее заготовленная речь, поздравления из Центра, приказы о поощрении. После этого на трибуну, также ещё оставшуюся с партийно-советских времён, поднялись гости, которые зачитали свои поздравления и вручили подарки.

Овсов сидел в первом ряду, уверенно поглядывал на президиум и окружающих. На левой и правой стороне его пиджака сверкали несколько медалей. От имени руководства Управления ветерану вручён ценный подарок – традиционная импортная электротехника. После небольшого перерыва объявили праздничный банкет.

Всё было как в старые доперестроечные времена. И неудивительно – все присутствующие были родом оттуда. По рангу первыми свои тосты, практически не изменившиеся по содержанию, произнесли гости, после чего быстро заторопились по своим делам вместе со шлейфом телеоператоров сопровождения. Официальная часть утверждённого сценария была закончена.

После традиционного в таком случае расслабляющего тоста, в более свободной обстановке взоры присутствующих обратились к ветерану. Поступили просьбы рассказать интересные случаи, связанные со службой.

Уже заметно захмелевший Овсов начал:

- Помню в очередной раз мы повезли на расстрел приговорённых, да чуть припозднились. А по инструкции всё надо было делать затемно. Ну, мы вроде бы успели. Зарыли, заровняли, возвращаемся в отдел. Только выпили по стакану коньяку, разошлись по домам – начальник опять срочно собирает.

Оказывается, как раз через тот лесок, где мы работали, утром

Оказывается, как раз через тот лесок, где мы работали, утром пастух стадо прогонял. А тут, откуда ни возьмись, из под земли рука высовывается. Пастух, конечно, струхнул, но доложил куда надо. Слава Богу, секретарь райкома понятливый оказался. Не стал никуда выше сообщать, только нам. Иначе бы всем несдобровать. Наших-то туда тоже ой как много попадало!

Одного начальника приговорили за халатность – по его указанию расстреляли не ту камеру, которую расстреливать надо было через день.

Ну а в следующий раз мы и того пастуха... Чтобы не было распространения порочащих сведений.

Ну, давайте ещё выпьем!

Но никто в этот раз с ветераном почему-то чокаться не стал. Некоторые, не дожидаясь приглашения, «махнули» по полстакана без закуски ещё во время его рассказа. Все молчали.

Приняв это молчание за ожидание рассказа о следующем интересном случае, Овсов продолжил:

- В другой раз расстреливали корейцев. Привозим на место - 29 человек, а по акту должно быть 30. Один сбежал, значит, а за это отвечать надо. Быстро посылаем машину в город, хватаем первого попавшегося корейца – почти 5 утра было, они все со своими тележками уже на рынок тянулись. Тележку в сторону, корейца в кузов. Так и вышли из положения. А кто их разберёт – все на одно лицо.

Сотрудники безо всякой команды по одному начали вставать из-за стола и потянулись к выходу из актового зала.

А Овсов всё никак не мог остановиться и что-то ещё пытался рассказать вдогонку уходящим, которые тактично делали вид, будто торопятся по срочным оперативным делам.

После праздника было назначено четыре служебных разбирательства по фактам злоупотребления сотрудниками спиртными напитками, со скандалами и задержанием органами милиции. Как ни пытайся сдерживаться в такой ситуации, люди-то живые, хотя и сотрудники органов.

О ТОМ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВЛИЯЮТ НА ЧЕЛОВЕКА

I

После известного указа о восстановлении прав жертв политических репрессий значительно вырос поток обращений в различные органы.

В самом начале девяностых прошлого века приходит к нам женщина лет пятидесяти, очень скромно и просто одетая, уборщица администрации (сельсовета) одного из населённых пунктов, расположенного в глухой тайге. Робкая. Указанную профессию переняла от своей приёмной матери, которая работала уборщицей в сельсовете с тридцатых годов. Как-то в семейной шкатулке женщина нашла интересную вещицу, что-то вроде медальона. И приёмная мать, по её просьбе, поведала следующее.

Осенью 1941-го через их село на восток шёл этап заключённых. Среди них находилась молодая пара иностранцев с грудным ребёнком - девочкой. Видимо понимая, что в ожидаемых условиях у ребёнка нет возможности выжить, отец передал его уборщице сельсовета, одев на шею девочке медальон. Девочка – это и есть наша заявительница.

Осмотрев медальон, мы обнаружили на нём знаки наподобие герба и инициалы. Сделав запрос в соответствующие инстанции, получили очень быстрый ответ и узнали, что эта женщина – гражданка Соединённых Штатов Америки.

Оказывается её через Инюрколлегию уже давно разыскивал родной дядя. В США у неё большое наследство, включая фамильный особняк. Родители женщины – иностранные специалисты, работавшие в Ленинграде на строительстве мостов – после начала Великой Отечественной войны были обвинены в шпионаже, арестованы и погибли в лагерях. Видимо, прежде чем погибнуть, они каким-то образом смогли сообщить о дочери своим родственникам. В материалах по её розыску фигурировал тот самый медальон.

После того, как мы довели до заявительницы указанную информацию и объяснили её права, она обратилась к нам ещё раз. С просьбой помочь оформить заграничный паспорт.

Но это была уже совершенно другая женщина. От былой робости не осталось и следа. Двери она открывала почти ногой, не обращая внимания ни на какие окрики дежурного на входе, с ярко выраженным и подчёркнутым достоинством проследовала внутрь помещения отдела. Одежда на ней была тоже другая, значительно дороже. Но, безвкусная, как и большие куски разнообразной косметики на лице.

Ш

В девяностых прошлого века, когда люди теряли работу, лишались средств к существованию, опускались, группа мужчин, бросила насиженные места в сокращающихся посёлках, сплавилась вниз по реке Колыме, и, обосновав в глухом месте своего рода скит, начала промышлять охотой. В населённые пункты они практически не выезжали, только переправляли мясо, шкуры, пушнину для продажи, да получали взамен необходимые продукты, боеприпасы, другие средства для охоты. За несколько лет жители «скита» одичали, отвыкли от цивилизации, и их, в общем-то к ней и не тянуло. В посёлке сформировался свой менталитет.

Как-то до «скита» добралась группа охотинспекторов. В ходе проверки у установлено, что мужчины в течение семи лет не регистрировали охотничье оружие. Естественно, оно было изъято.

Для поиска выхода из сложившейся ситуации в областной центр снарядили ходока. Одной из инстанций, куда он обратился, была наша контора. Общение с ним было довольно интересным, с

учётом его длительного проживания в закрытом от человечества коллективе.

Так, особо впечатлившими ходока новостями, которыми он торопился поделиться с окружающими, в том числе со мной, было появление мобильных телефонов и устройств для завода автомобиля на расстоянии с помощью кнопочки. А рассказывая о том, где живут его родственники, у которых он остановился, ходок сообщил:

- Тут недалеко. Отсюда вон туда, - он показал рукой, - с полкилометра сопочка. Её переваливаешь и направо километра полтора по распадку.

Я так понял, что нужно было пройти по улице Ленина и повернуть на Набережную.

ОЧЕРКИ

Галина Краснопевцева? член Союза журналистов России, почетный гражданин Качканара

У ИСТОКОВ ЖИЗНИ

Был парад 9 Мая. Главная улица цвела, звучала, пела. Длинная праздничная колонна двигалась к центральной площади. Духовой оркестр, школьники, спортсмены, предприятия и организации города, а рядом с живыми - бессмертный полк. И вот на площади, нарядной и освещенной солнцем, стало еще светлей: шли медицинские работники в белых халатах. К этому славному отряду здоровья принадлежит и она, моя сегодняшняя героиня с чистым и светлым именем.

Светлана Федоровна Самочернова хорошо помнит победный май 1945 года: ведь тогда ей, школьнице Светлане Черноскутовой, шел десятый год. Помнит, как много было цветов и как цвели радостью лица людей, как ликовал украинский город Бердичев, в котором ей довелось родиться.

Военное детство

Ее папа, Федор Герасимович Черноскутов, был военным, и его жена врач Надежда Кирилловна вместе с мужем терпеливо, достойно и преданно переносила его кочевую гарнизонную жизнь. А к середине 30-х годов семья осела в Бердичеве. Светлана Федоровна вспоминает просторный и светлый дом, большой сад, за которым ухаживал дедушка; вспоминает добрую бабушку и ее нежную заботу о внуках. У Светланы были еще младшая сестренка Эмилия и совсем маленький братик Витя, родившийся незадолго до войны.

Война. Как воспринимала ее шестилетняя девчушка? Папа на фронте, мама где-то в партизанах. Дома с малышами только дедушка и бабушка. А еще в доме четыре немецких офицера. Лощеные, подтянутые, приятно пахнущие каким-то одеколоном, зачем они пришли сюда? Почему заняли большой зал и чувствуют себя хозяевами в доме? Почему одну из комнат превратили в склад оружия? Оккупация. Светлана еще не знала такого слова, как не знала и того, что во всем Бердичеве теперь хозяйничают немцы. Но жила в каком-то постоянном напряжении и не доверяла улыбчивым «хозяевам», угощающим детей шоколадками. С немцами в основном общалась бабушка. Видимо, у нее была какая-то своя «дипломатия». И однажды немцы предупредили бабушку, что через два-три дня Бердичев будут бомбить, и посоветовали спасаться.

- Немцы ушли куда-то. А мы ночью уползли за восемнадцать километров от города, - рассказывает Светлана Федоровна.

Была уже осень. Прохладно. Как преодолела такое расстояние бабушка с тремя малышами, младшему из которых только год, это и представить-то трудно. Было тревожно и страшно. Но на обратном пути через трое суток было еще страшней: изуродованная бомбами земля, разрушенные и горящие здания, трупы, кровь... Одна отрада - дедушка был жив. Он оставался тут, чтобы спасти свой дом, свой сад, свои цветы. Но на месте его любимого сада те-

В Бердичеве после войны. Светлана, Эмилия и Виктор с мамой Надеждой Кирилловной

перь зияли три огромных воронки, в каждой из которых можно бы похоронить дом. А дом, к счастью, уцелел. И жизнь продолжалась, в напряжении, в тревоге, в нужде – но продолжалась.

Что еще сохранила детская память Светланы? Это наши русские солдаты. Шинель, сапоги, котелок. Простые парни. От них не пахло ароматным одеколоном. Это был запах свободы!

Война уходила на запад. Искалеченный Бердичев залечивал раны и продолжал жить. Школа стала госпиталем, а ученики – работниками, которые трудились вместе с взрослыми.

- Один учебный год пропал, вспоминает Светлана Федоровна. Потом рассказывает о том, как она училась в украинской школе, где урок русского языка был только раз в неделю; о том, как все ждали окончания войны и как ликовал Бердичев в победном мае 1945-го. А еще она говорит о своем отце. Он, старший из шестерых братьев Черноскутовых (все они воевали), дошел до Берлина и в 1947 году демобилизовался.

Активная юность

- И мы переехали на Урал: ведь папа родом из Каменска-Уральского, - говорит моя собеседница.

Они поселились на станции Монетная, что в Березовском районе Свердловской области. Здесь Светлана пошла в пятый класс, здесь окончила среднюю школу. Училась с желанием, жила радостно, чувствуя, как с возрастом куда-то уходят страхи, напряженность и скованность ее военного детства. Она активно занималась спортом и достигла высоких результатов. Первенство города Березовского по легкой атлетике, городская спартакиада школьников, летняя спартакиада, эстафета на приз газеты «Березовский рабочий», областные соревнования – об этом и сейчас напоминают многочисленные грамоты, которыми школьницу Светлану Черноскутову награждали Березовский комитет по делам физкультуры и спорта и областной совет добровольного спортивного общества «Энергия».

А после школы – в Свердловск, в техникум физкультуры и спорта. Потом Светлана была преподавателем физкультуры на кафедре медицинского института. А проработав год, поступила на лечебный факультет этого института. Училась увлеченно, познавая премудрости и тонкости великой науки врачевания.

Первая производственная практика была в Артемовске. Светлану направили в роддом, где работала удивительная женщина Эмма Вильгельмовна. И студентке просто повезло, что первые самостоятельные шаги в медицинской практике она делала рядом с таким врачом. Эмма Вильгельмовна брала Светлану на обходы, научила делать аборты, принимать роды и была для нее примером мудрости, терпения, трепетного отношения к женщине-матери и ребенку.

- Однажды были очень тяжелые роды. Ждали двойняшек, - вспоминает Светлана Федоровна. – У женщины осложнения. Долго боролись за ее жизнь, делали переливание крови. Очень переживали за нее и за младенцев. Я почувствовала знакомое с детства напряжение, какое-то тревожное ожидание. Все очень волновались. А Эмма Вильгельмовна была спокойна, сосредоточенна, ни на кого не повысила голос – работала с большой ответственностью перед

новым человеком. А когда всё благополучно завершилось, она так красиво взяла двойняшек на руки и сказала: «Вот из этих малышек вырастут большие люди!» Она устала. Но была счастлива, - закончила Светлана Федоровна со вздохом облегчения, словно только что она приняла эти роды.

Может быть, именно тогда студентка-практикантка Черноскутова впервые почувствовала, какое это великое чудо – рождение человека и как это ответственно – быть у истоков новой жизни. И это чувство в ней – навсегда.

Её судьба - Качканар

С этим чувством она, выпускница Свердловского медицинского института, приехала в рабочий поселок Качканар, куда после окончания Свердловского политехнического института был направлен ее муж металлург Самочернов Виталий Матвеевич.

Знаменательная дата - 2 сентября 1964 года. В этот день в районном городе Нижней Туре Светлану оформили в медсанчасть Качканарского ГОКа врачом акушером-гинекологом.

- Медсанчасть тогда располагалась в Клубном переулке. В небольшом одноэтажном здании размещались и детская поликлиника, и стоматология, и женская консультация. Здесь же принимали и экстренные роды (остальных возили в Туру). А на работу меня принимала главный врач Татьяна Федоровна Молдованова – молодая, энергичная женщина с большими организаторскими способностями, - рассказывает Светлана Федоровна.

Она вообще предпочитает умалчивать о себе и с удовольствием говорит о качканарских медиках, с которыми начинался ее профессиональный путь. Вспоминает начмеда Ефремовцеву Марию Михайловну, интеллигентную, деликатную женщину; заведующую поликлиникой Ромашкову Марину Ивановну, старшую акушерку Нину Васильевну Драницину и других опытных врачей и средний медицинский персонал.

- Нас, молодых, они лепили так красиво, так мудро, готовили к профессии и вообще к жизни, - говорит Светлана Федоровна.

С благодарностью вспоминает хирурга Нину Николаевну Чулкову, стоматологов Маргариту Николаевну Косых и Тамару Исаевну Хмелеву, в контакте с которыми доводилось работать. Вспоминает, как рос рабочий поселок, как качканарская медицина меняла свое место жительства: улица Чехова, четвертый микрорайон, другие адреса. И вот 1966 год – построен и открылся больничный городок. Позднее, в 1978-м, откроется городская поликлиника. А пока Светлана Федоровна с восторгом говорит о больнице:

- В Качканаре, еще не ставшем городом, появился городок больничный. Это крупный цех здравоохранения, где в каждом отделении созданы все условия для больных и врачей. 520 больничных коек – это очень хорошо.

Она рассказывает о своем отделении и тепло вспоминает Эмму Олеговну Попову – главного акушера-гинеколога того времени. С радостью отмечает, что в те годы в качканарском здравоохранении появилось немало молодых специалистов.

- Приехал Васильев и вскоре стал заведующим хирургическим отделением. Валерий Всеволодович - хирург от Бога. Он владел всеми оперативными вмешательствами и мог помочь хоть маленькому ребенку, хоть глубокому старику. Васильев – это ходячая медицинская энциклопедия. К нему можно было обратиться с любым вопросом, и он никогда не отказывал в помощи. Он любил думающих, знающих и умеющих врачей, - говорит Светлана Федоровна. – Прекрасным специалистом был и акушер-гинеколог Петр Васильевич Чичиланов, который успешно работал в Качканаре в течение девяти лет.

Главный врач

Шли годы. Рос Качканар. Молодые специалисты становились опытными врачами. Росла и крепла медицина города юности. Выросла и моя героиня. Мое первое знакомство с ней состоялось в то время, когда Светлана Самочернова уже возглавляла акушерскогинекологическую службу города. Мне не раз приходилось быть пациенткой гинекологического отделения и видеть этот коллектив в работе.

Это был действительно настоящий коллектив, сплоченный великой целью: оздоровить источник жизни – женщину. Эту важную задачу общества дружно и самоотверженно решали и врачи, и медицинские сестры. Вспоминая то время, Светлана Федоровна говорит не о себе, а в первую очередь о медсестрах.

Вот старшая медицинская сестра – энергичная и отзывчивая Нина Баженова. Процедурная сестра Алевтина Хисматуллина с ловкими и умными руками. Вот постовые сестры: требовательная и добрая Валентина Шихова, простая и душевная Тамара Егоренко, ласковая и нежная Нина Путятина, внимательная и строгая Галина Ложкина. Вот акушерки Нина Харитонова, Тамара Малышева, Вера Клименко, Елена Блинова и совершенно удивительная старшая акушерка Моисеенко Надежда Михайловна. Всех не перечислить. Все они делали общее дело, которое считали самым главным в жизни.

И все боготворили Например, врачей. Галина Ложкина была убеждена, что Светлана Федоровна обладает каким-то особым секретом. Обаятельная женщина, добрая и мягхарактеру, всякого лишенная начальственного назидательного тона, она вместе с тем является пре-

красным руководителем, к каждому слову которого прислушиваются, каждое распоряжение которого выполняют с готовностью. С ней очень легко работать. Как и с Нелли Петровной Милюц. Легко потому, что обе они знающие врачи, которые самозабвенно любят свою профессию: в экстренных случаях могут и систему зарядить для больного, и «вколоться» в его вену, выполнить много других дел, не думая о том, входит это в их обязанности или нет. Зато они всегда помнят, что их святая обязанность - спасти жизнь человека. Ради этого они не жалеют ни себя, ни своего времени.

Медсестры удивлялись, как Милюц и Самочерновой хватает 24 часов в сутки: ведь при огромной занятости на работе, при большой профессиональной ответственности они еще и жены, и матери, и просто женщины. В общем, люди они необыкновенные. Как и все, кто стоит на страже здоровья матери и ребенка.

Я смотрела тогда на медсестер и врачей, и мне казалось, что все они, такие разные по натуре, очень схожи меж собой. В каждой просматривались доброта и строгость Самочерновой. Это была единая семья, дружный, стабильный коллектив, в котором каждый понимает, что он стоит у истоков жизни. Они знают, какое это счастье и какая ответственность – быть матерью.

И эту главную мысль они внушают своим пациенткам, особенно молодым. Путем простых, искренних и доверительных разговоров, индивидуальных бесед, с помощью стенгазет и санитарных бюллетеней. Мне хорошо запомнился санитарный бюллетень того времени. Назывался он «Не лишайтесь счастья материнства!» И приведены там были стихи Ирины Быченковой, которые, мне кажется, убедительней всякой прозы.

Остановись! Пусть он увидит солнце, Услышит шум весеннего дождя И будет в час счастливейшей бессонницы Смотреть на звезды, глаз не отводя. Тебе легко не дать ему родиться, Тебя не станут за руки держать. Ведь он не сможет даже защититься, Не сможет крикнуть, встать и убежать. А разве не смогла б ты поделиться С ним миром, домом, лаской и теплом И, если нужно, даже потесниться И дать ему местечко за столом? И, может быть, никто другой, а этот, Чья жизнь уже на ниточке висит, Окажется ученым иль поэтом, И целый мир о нем заговорит.

Появление на свет каждого младенца вся акушерско-гинекологическая служба воспринимала как личное счастье и большую радость. А счастья и радости было немало: ведь порою «население» палаты новорожденных доходило до 25 и 30 младенцев, а самая высокая рождаемость достигала 900 и более человек в год.

Светлана Федоровна регулярно проводила в больнице беседы и лекции о материнстве и младенчестве, о здоровом образе жизни, об ответственности отцов и матерей за крепкую семью. С лекциями и беседами ее часто можно было видеть и в учебных заведениях, в организациях и на предприятиях города. Кстати, С.Ф.Самочернова была председателем первичной организации общества «Знание» центральной городской больницы. И совсем не зря в ее домашнем архиве хранятся благодарственные грамоты Всесоюзного общества «Знание». Она просвещала и учила других и много училась сама.

- В Советском Союзе нас очень хорошо обучали, - говорит Светлана Федоровна. – И я получила большую базу на всех кафедрах акушерства и гинекологии. У нас проходили Всероссийские съезды и симпозиумы главных акушеров--гинекологов, курсы усовершенствования в Москве и Ленинграде, в Казани, Волгограде, Новокузнецке. Да и в Свердловске очень сильная база, и прежде всего научно-исследовательский институт охраны материнства и детства. Кстати, о здравоохранении Свердловской области я везде слышала только хорошие отзывы. А в области приятно было слышать добрые слова о медицине Качканара.

Вспоминая советское время, Светлана Федоровна говорит о том, как хорошо работала профсоюзная организация ЦГБ во главе с Эльвирой Васильевной Семушиной; как активно медики занимались физкультурой и как достойно сдавали нормы ГТО. Об этом напоминают и золотой значок ГТО, и Почетные грамоты, которыми ДСО «Спартак» награждал активиста физкультурного движения Светлану Самочернову за высокие показатели в лыжном кроссе. А еще есть Почетная грамота областного комитета общества Красного Креста, которую она получила за многолетнюю работу в обществе Красного Креста, за организацию и проведение соревнований санитарных дружин и санитарных постов.

Что касается наград, то надо назвать и юбилейную Ленинскую медаль и, конечно, орден «Знак Почета». А еще Знак «Совет да любовь», врученный супругам Самочерновым, которые прожили вместе уже пятьдесят лет, воспитали сына и дочь. Уже сорок лет они держат сад, в котором, по словам Светланы Федоровны, растет «всё, от лютиков до пионов».

Вот такая она многогранная, наша Светлана Федоровна – человек активной жизненной позиции, верный своему долгу врач высшей категории, отличник здравоохранения, который много лет возглавлял акушерско-гинекологическую службу города. Сколько молодых интернов рядом с ней стали хорошими профессионалами! Среди них и Ирина Михайловна Молокова – нынешний главный врач акушер-гинеколог Качканара.

Почётный гражданин

А Светлана Федоровна осталась ординатором по акушерству и гинекологии. Она по-прежнему бодра и энергична, с изящной спортивной фигурой и легкой походкой, с хорошим чувством юмора, с прежней преданностью профессии. В работе ей по-прежнему помогают и зоркий глаз, и умные руки хирурга, и любящее сердце врача. С прежним трепетом входит она в палату.

Тишина больничной палаты. Как она многозвучна! В ней тревоги и радости. В ней человеческие судьбы. Вот в этой тишине блеснул светлый лучик – это улыбается женщина, перенесшая сложную операцию. Вот тишину роддома прорезал звонкий крик младенца. Это новый человек заявляет о себе миру. Все муки и тревоги позади – торжествует жизнь!

У истоков жизни в Качканаре Столько лет Вы неустанно на посту. Узнаёт Вас в городе любая мама, Вы знакомы каждому отцу.

Так когда-то начал одно из юбилейных поздравлений доктор Лутфуллин. Дальше он зарифмовал славный подвижнический путь Светланы Федоровны, а закончил так:

Как же не завидовать той доле – Знать и чувствовать чужую боль!

Да, чтобы это чувствовать, надо иметь большое, чуткое сердце, большую и верную любовь – к каждому новорожденному, к каждой матери, ко всем пациентам. И каждая спасенная жизнь оставляет радостный след в ее сердце и серебристый – в ее волосах.

Полвека самоотверженно служит Светлана Федоровна медицине и уже десять лет является почетным гражданином Качканара. В подписи к ее портрету, что в здании городской администрации, есть и стихотворные строки Надежды Трушковой:

Как выразить признанье человеку? Как выразить признание костру, Который не отдаст вас злому ветру, За вашу жизнь готов вступить в борьбу?!

Так давайте поклонимся этой светлой женщине. Пускай попрежнему в ее душе горит костер и греет человеческие жизни.

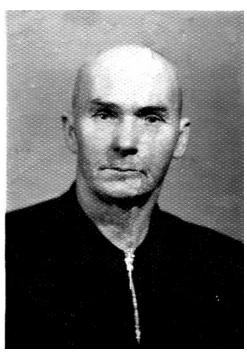
Клавдия Рублева (Серегина)

У этой женщины непростая судьба. Она закалила ее характер. Стойко переносила Клавдия Петровна и сибирские морозы, и астраханскую жару, и житейские невзгоды. Потом вернулась на родной Урал и уже почти полвека живет в Качканаре. Много лет отдала обогатительной фабрике Качканарского ГОКа. Металлург с тонкой лирической душой, она успешно занимается поэтическим творчеством в городском литературном объединении «Лукоморье». В 2008 году вышел ее поэтический сборник «Бабье лето». Стихи Клавдии Рублевой публиковались также в коллективных сборниках «Расцветай, Качканар!»,

«Благовещение», «Качканарская осень, «И пишет сердце...», а также в альманахе «Качканарские грани».

Он был легионером во Франции

Пусский корпус. Затерянные во времени». Так назывался документальный фильм, показанный по телевидению 1 августа 2014 года. Документы, фотографии и комментарии предоставила дочь маршала Советского Союза Родиона Малиновского, который был участником тех событий. И я осмелилась написать о бывшем легионере Франции, ныне покойном Гавриле Акимовиче Киселеве - со слов его дочери Тамары Гавриловны Истоминой.

Семья Гаврилы Акимовича попала на Урал во времена столыпинских реформ из Витебской

области и обосновалась в поселке №64, или Бояршино, Новолялинского района. Киселевых было много, но Тамара запомнила двух братьев отца (Игната и Андрея) и двух сестер (Марию и Аграпену).

Родился Гаврил Акимович 25 февраля 1895 года, а в 1916 году его призвали в армию. Образование – четыре класса церковно-приходской школы, ростом – богатырь, красив лицом. Распределения ждали в Егоршино.

Шла гражданская война. Францию осаждали немцы. Но живой силы у страны не хватало, и правительство обратилось к России за помощью, а вернее, за невыплаченные долги запросило 400 тысяч солдат. И в Егоршино приехали отбирать молодцев: грамотных, здоровых, сильных, ростом не ниже 1 м 73 см. Товарищ советовал Гаврилу прикинуться больным, а тот – грудь вперед. Так Гаврил Киселев оказался во Франции.

20 апреля 1916 года русская бригада в количестве 20 тысяч солдат входила в Марсель. Прибыли русские богатыри без оружия, и прежде чем показать будущих защитников французскому народу, их вооружили старинными берданками и прочей рухлядью. Разместили русский корпус во французской бухте Брест (к нашему Бресту отношения не имеет). Легионеры рыли окопы, вступали в бои с немцами.

Первую победу одержали 11 сентября 1916 года. Дрались отважно и штыками, и колотым кирпичом. Объяснял солдат, что берданка может не выстрелить, а кирпич-то точно попадет промеж глаз. И побеждали, несмотря ни на что, шли в атаку по-русски, с криком «ура!» В бою под местечком Шампань погибли многие. Каждый четвертый русский солдат лежит под французским небом -- кресты, кресты и имена на крестах.

В 1917 году в России свершилась революция, и легион огородили колючкой. Теперь защитники стали пленными. Что с ними делать - не знали. И самых строптивых угнали в Алжир, колонию Франции. Попал туда и Гаврил Акимович. В 1920 году начали обмен пленными. Какими-то путями везли до Новороссийска, а там оказались войска Врангеля, бегущие за кордон. И Гаврил с тремя товарищами решили бежать на Родину. Шли ночами, днями прятались. Двое были убиты.

В Белоруссии Гаврил с напарником попали в плен к красноармейцам. Проверяли, допрашивали, но в конце концов выдали обмундирование, сухие пайки и проездные билеты. В поезде Гаврил заболел тифом. Высадили в Вологде, месяц лечили в больнице, выписали. Товарища рядом уже не было.

Вскоре Гаврил Акимович добрался домой, в Старую Лялю. Родные не ждали: думали, что погиб; жена вышла замуж. Но жизнь продолжалась. Устроился Гаврил в Старолялинский леспромхоз. Женился, воспитал двух дочерей. Старшая, Екатерина, стала медиком. Началась Великая Отечественная война, и Катя ушла на фронт. А Гаврила Акимовича не взяли по возрасту: ему было уже 42 года. Его призвали на трудовой фронт, в Свердловск.

Когда закончилась война, вернулся Гаврил Акимович в Старую Лялю, работал мастером в леспромхозе. Дочери выросли и разъехались. А в леспромхозе работала поваром Тоня Питеримова, рыжая девушка с шикарными волнистыми волосами. И потерял покой мужчина. Прижил Антонине дочь Тамару. И метался между двух огней: от жены да к маленькой дочурке. А пока метался да раздумывал, его рыжая молодушка родила двух сыновей, не родных ему. Ситуация сложилась непростая. Где из нее выход? А выход подсказала любовь, большая любовь Гаврила Акимовича к Антонине. И он взял под свое благородное крыло всю свою новую семью: и доченьку Тамару, и сыновей Антонины. И всех любил, обо всех заботился, не делил на своих и не своих.

Жили мы в Старой Ляле почти рядом, на одной улице. С Тамарой вместе ходили в школу. Тетя Тоня и моя мама, Евдокия Алексеевна Рублева, были очень дружны. Дядя Гаврил работал лесничим. С тетей Тоней и тремя детьми они жили крепко и дружно. Никогда не видела я дядю Гаврила шумным, пьяным, грубым. Но за лень к учебе он был строг: на стене для устрашения висела нагайка, только для устрашения.

А главным в этом человеке были щедрость и любовь. Помню, как пришли они с тетей Тоней к нам в гости на Октябрьские праздники. Помаленьку выпили и запели «Темно-вишневую шаль». Как пели наши родители! На плечах у Рыжей (так всю жизнь называл он Тоню) был белый пуховый платок. С какой нежностью и любовью смотрел дядя Гаврил на свою суженую! А у нее по щекам катились слезы... Этот эпизод живет в моей душе и поныне. Помню, с каким уважением относились все люди к Гаврилу Акимовичу Киселеву. А к 50-летию Советской власти военкомат подарил ему плед.

Вот и эти дети выросли и выпорхнули из насиженного гнезда. А дядя Гаврил жил. Жил уже девятый десяток. Сколько за плечами! Гражданская война и русский корпус во Франции; Великая Отечественная и его трудовая армия; мирный труд после войны и две его семьи, в которых выросли хорошие дети. Казалось, уж прожита не одна жизнь... Умер Гаврил Акимович на руках у дочери Тамары

26 мая 1981 года. Было ему 86 лет. Похоронен в Старой Ляле. Дети заботятся о могилке.

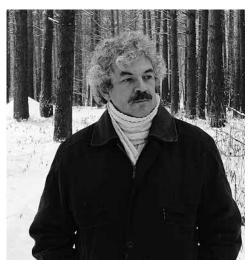
Дети и внуки старших дочерей живут в Новой Ляле, Екатеринбурге, Москве. Немало потомков Киселевых – в Старой Ляле. Иван Андреевич Киселев (племянник Гаврила Акимовича) жил и работал в Качканаре инспектором госгортехнадзора. В Качканаре же живет и младшая из дочерей Тамара Истомина.

Светлая память этому добряку с юморной искринкой в карих глазах, трудолюбивому и уважаемому человеку с необычной судьбой. Молодость его пришлась на очень сложное время, в котором можно было затеряться. Но всё пережил наш земляк, не затерялся в прошлом – вернулся домой и до конца дней своих шел вместе с родным Отечеством.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Михаил БЕССОНОВ

Историк-архивист. Членучредитель Уральского историко-родословного обшества (УИРО). Автор биографического справочника «История Северного Урала в лицах» и более 150 публикаций по истории Верхотурского уезда, генеалогии, биографике. Награжден медалью Российской Генеалогической Федерации «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» ІІ-й степени. Живет в Екатеринбурге.

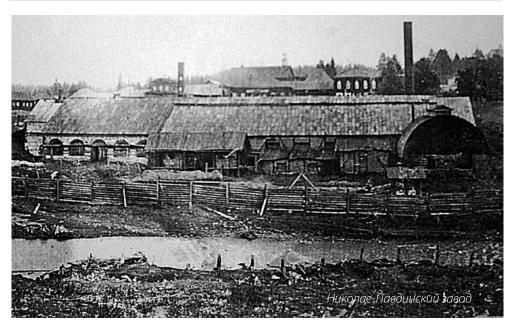
ГОРА КАЧКАНАР И НИКОЛАЕ-ПАВДИНСКИЙ ЗАВОД

Первоначальная история приисков железной руды горы Качканар довольно-таки малоизвестна. В 1770 г. гору посетил известный ученый П.С.Паллас, который в своей работе и рассказал немного об этой истории¹. Так получилось, что у автора данной статьи скопились несколько документов по истории Николае-Павдинского завода (ныне это п. Павда в Новолялинском городском округе) в 60-е годы XVIII в., которые связаны с историей железных приисков горы Качканар. Думаю, читателям будет интересно узнать, что происходило в это время, более подробно.

11 апреля 1768 г. в Канцелярию Главного Правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов (далее Канцелярия – прим.М.Б.) в Екатеринбурге поступило доношение от приказчика Николае-Павдинского завода Силы Хотенова². Завод в это время принадлежал тульскому купцу Василию Артемьевичу Ливинцову меньшему и верхотурскому купцу Максиму Михайловичу Походяшину. Место под строительство завода на речке Павде было найдено людьми

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт – петербургской Императорской Академии Наук. Ч.2. Кн.1. 1770. СПб., 1786. С.341-342.

² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1981. Л.128.

Походящина еще в 1758 г. Указом Берг-коллегии от 18 января 1760 г. было разрешено строительство завода, которое и началось в феврале 1761 $\rm r^3$.

В своем доношении приказчик Хотенов жаловался Канцелярии, что для выплавки чугуна завод употребляет руду только с одного Нясьминского рудника, которая одна «без смесу, за неимением других руд, в плавке не способна» и «по-видимому, от такой малой сыпи горновой камень скоро разгорает», а от этого выплавляется мало чугуна. Отчего казне и заводосодержателям «воспоследует каждой год убыток». Да и железо в ковке «весьма ломко и сетковато». Других же руд, годных к плавке, не имеется. Были два отведенных рудника на Сухом камне – Андреяновский и Васильевский, но руда в них прекратилась. И просил приказчик Канцелярию определить во владение к Николае-Павдинскому заводу отведенные еще в 1762 г. «в горе Кескенаре два железные рудники в урочищах по течению реки Иса с правую сторону: первой в полугоре магнитной близ речки Сухой, второй от перваго в четырех с половиной верстах по горе Кескенаре с правую сторону реки Иса, которые во владении состоят к казенным Гороблагодатским Кушвинским заводам». Приказчик сетует на то, что завод очень надеялся на разработку этих рудников и «ежели б ведая, что оные рудники не впусте, то б в строение завода конечно означенные содержатели Ливинцов и Походяшин не вступили б»⁴.

- ³ Там же. Д.1719. Л.80.
- ⁴ Там же. Д.1981. Л.128-128 об.

И действительно, еще 12 октября 1760 г. в Канцелярию было подано доношение от сына Максима Походяшина - Василия, при котором он представил рудные каменья с шести медных и железных приисков, найденных вблизи будущего завода на речке Павде. Василий просил опробовать каменья и, если они окажутся благонадежны, то записать их к будущему заводу. А после разработки данных приисков прислать человека для отвода и «поставления указных граней». К доношению прилагалась роспись приисков с указанием: когда, кем и в каких местах они были найдены. Среди них были и интересующие нас железные качканарские: «2) Мая 22 числа Верхотурской волости новокрещенными вогулцы Герасимом Палкиным с товарыщи вниз по течению речки Ису с правой стороны, близ падуна речки называемой Сухой, течением с левой стороны. Разстоянием от помянутого Иса с устья речки Сухой например в 3-х верстах. 3) Того ж мая 31 числа Верхотурской волости новокрещенными вогулы Игнатьем Ивановым Калтамасовым, Яковом Киселевым с товарыщи по течению вниз речки Иса, разстоянием в 4-х верстах называемой горе Канченара, от Магнитной в 2-х верстах». Руды были опробованы в Екатеринбургской лаборатории и показали высокое содержание чугуна в центнере руды: первый 59, а второй 57 фунтов⁵». Как видим, доношение было подано еще до начала строительства завода и Походяшины обоснованно надеялись на разработку качканарских железных приисков.

Давайте вернемся в 1768 год. На доношение приказчика Хотенова Канцелярия подняла документы и была составлена, можно, наверное, сказать, историческая справка. Оказалось, что еще 27 февраля 1755 г. коллежским асессором Бахаревым была составлена ведомость об отдаче Кушвинских Гороблагодатских казенных заводов в партикулярное содержание графу П.И.Шувалову. Так как об этом периоде истории качканарского железорудного месторождения найдено пока мало документов, то посчитал уместным привести отрывок из ведомости полностью: «на Касканаре и Сухой речках разстоянием от новостроющагося Нижнотуринского заводу по прямой линии в 27-ти, а от Кушвинского заводу в 70-ти верстах в полу горе на восток. Также наверху той горы на запад разработано старых ширфов восемь, да вновь штейгером Марковым в 1753-м году выкопано четыре ширфа и в тех ширфах значит признак железной руды. А в 1754-м году июня 11 дня, в бывшую кушвинскую заводскую кантору от обор штейгера (что ныне бергмейстер) Данил Келлер сообщением объявлено, что он на Касканарской горе признак железной руды осматривал, а по осмотру ево

⁵ ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3125. Л.19-20 об.

явилось каменья по всей горе шоломистые и одного виду, сверху с малыми видимыми гнездами железной руды, а в середине серой камень. И разведывание на горе учреждено с четырех сторон прорезанием рвов и ширфами, в коих в глубь явился серой без рудного знаку между глиною, которая не имеет о надежности примечания твердой камень. Да над речкою Исом по течению на правой стороне, в горе называемой Магнитной обыскан служителями заводчика Гаврила Осокина, разстоянием от Нижнотуринского заводу в 22, а от Исовского, назначенного под завод места, помянутого ж заводчика Осокина в 21 версте. Оной разработан ширфами крестообразно в 7 верстах, а в середине магнитной руды обойдено ширфами ж, во оных значит железная руда. Обысканной же в 1753-м году в называемой вогулцами Болшей Касканарской горе, вниз по течению речки Иса на правой стороне, от горы Магнитной на запад разстоянием например в 6-ти, а от Нижнотуринского заводу в 30 верстах. И по верху той горы имеются голые четыре сопки. Около оных сопок на оной горе разработано 15 ширфов и значит железной руды довольно и к произведению горной работы надежной»⁶.

27 сентября 1762 г. в Канцелярию поступило доношение от Николае-Павдинской заводской конторы с просьбой отысканные два железных прииска «1)...Верх Туринской волости деревни Палкиной новокрещенным вогуляком Яковом Киселевым железной магнитной руды прииск, в показанной волости в урочищах называемой горе Кеченаре, с приезду от вышеписанной деревни оная гора склонение имеет на зимней восток, в полугоре того прииска пробит ширф, ис которого выбрасывана земля круглою кучею. И в той куче в вершине положены нетленные вещи: уголь и бересто. 2) по течению реки Иссу с правую сторону, разстоянием в пяти верстах. От речки называемой Сухой например в 1 версте, а от реченного Николае-Павдинского завода по новопрочищеной дороге в 35-ти верстах» отвести к заводу⁷.

Для отводу названных приисков от Канцелярии был послан унтер-шихтмейстер Василий Раздеришин. 13 декабря 1762 г. он подал в Канцелярию рапорт, в котором сообщал, что ездил на качканарские прииски. Вблизи этих приисков в деревне Палкиной Верх-Туринской волости (ясачных вогул – прим.М.Б.) проживали новокрещенные вогулы Игнатий Калтамасов и Яков Киселев, которые сказкою показали, что прииски найдены ими и никому другому не отданы, в отвод не отведены и ни за кем не записаны, а уступлены ими заводчикам Ливинцову и Походяшину. «И по тем

⁶ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2329. Л.696-696 об.

⁷ Там же. Л.696.

обстоятелствам он Раздеришин отвод тем рудникам, означенным заводчиком Ливинцову и Походяшину ограничил, с поставлением граней и положением при том нетленных вещей», а также составил чертежи. Только вот при возвращении в Екатеринбург он узнал, что по отдаточной ведомости 1755 г. данные прииски отданы Гороблагодатским заводам. И просил Канцелярию эти прииски «по не знанию оным заводчикам хотя и отведены, но за вышепрописанными обстоятелствы за ними за настоящей отвод их не числить». 25 января 1763 г. Канцелярия определила, так как прииски «в прошлом 1754-м году отданы обще з Гороблагодатскими заводами во владение покойному генерал фелдмаршалу графу Петру Ивановичю Шувалову, и в ведомость внесены, в таком случае оных здешная Канцелярия во владение им заводчикам Ливинцову и Походяшину отдать не может»⁸.

В ведомости от 2 июля 1763 г., составленной Николае-Павдинской заводской конторой, среди рудников, обысканных и разработанных до 1763 г., мы встречаем «Отведенные, токмо не имеется владенного указа: Растоянием от заводу например в 35 верстах, по течению реки Иса с левой стороны в полугоре называемой Кескенаре. При оном работано отвалом длиною 3, шириною по поверхности 1 сажен, глубиною 1 ½ аршин. Руда магнитная, между сероватыми камнями, болшими крепкими рудными каменьями. При оном добыто руды 1000 пудов. Оная в завод не вожена» В ведомости от 3 июля 1765 г. упомянут и второй прииск «разстоянием от 4-го вдоль по горе в 4 ½ верстах. По поверхности горы между сопками ширф длиною, шириною и глубиною по 1 сажени. А от ширфа идено отвалом шириною 1 ½, глубиною 1 аршин. Руда разборным камнем, при котором в нынешней половине работы не происходило» 10.

С 1763 г. Гороблагодатские заводы вновь стали казенными и 16 мая 1764 г. в Канцелярию был подан рапорт от гиттен-фервальтера Гороблагодатского горного начальства Алексея Княгинкина. Этот рапорт любопытен тем, что в нем упоминалось о том, что, оказывается, на качканарские прииски претендовал и Кыновский завод тайного советника барона Николая Строганова. Но указом государственной Берг-коллегии от 28 января 1764 г. качканарские рудные места закреплялись за Гороблагодатскими заводами. При передаче Гороблагодатских заводов из партикулярного содержания в казенное была составлена ведомость, в которой дано описание качканарского прииска: «на Касканарской и Магнитной горах, где прежде в

⁸ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1981. Л.129 об.-131 об.

⁹ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1719. Л.80.

¹⁰ Там же. Д.1788. Л.301 об.

казенном содержании было разведывано и ширфы биты, ныне из оных добыто железной руды со стороны заводчика Ливинского (Ливинцова – прим.М.Б.) например на обоих горах до дву тысяч пуд. И та руда и поныне лежит на тех горах. Ко оной же Магнитской горе прорублена дорога шириною на сажень или более, которую дорогу прорубали от той Магнитской горы до Усольской дороги ж, за наем заводчика Ливинскова, деревни Палькиной вогуличи»¹¹.

25 мая 1768 г. в Канцелярии состоялось заседание, на котором было заслушано доношение приказчика Николае-Павдинского завода Хотенова и справка о качканарских приисках. Оказалось, что, по имеющимся в Канцелярии чертежам, гора Качканар находилась за отводною к Гороблагодатским заводам лесов межою. Почему-то этого столько лет не замечали. И главный командир над Гороблагодатскими и Камскими заводами генерал-майор А. Ирман объявил, если в будущем производство Гороблагодатских заводов расширяться не будет, то добываемой ныне в горах Благодати, Голой и других рудниках железной руды вполне будет достаточно, а «следственно за неотдачею промышленникам железныя руды и оставатся будут без всякаго плодоприношения». Только вот ведь незадача – заводчикам Ливинцову и Походяшину во владении этими приисками было отказано. Поэтому Канцелярия была вынуждена обратиться в Берг-коллегию с просьбой, чтоб та своим указом разрешила Николае-Павдинскому заводу добывать железную руду на горе Качканар¹².

Разрешительный указ из Берг-коллегии был получен только 16 октября 1768 г. А уже 21 октября Канцелярия постановила послать из канцелярской чертежной унтер-шихтмейстера Егора Южакова, которому было поручено освидетельствовать, действительно ли два железных качканарских прииска находятся не в отводных к Гороблагодатским заводам лесах. 28 октября Южаков отправился в путь, взяв для общего свидетельства от Гороблагодатского горного начальства маркшейдерского ученика Дмитрия Южакова. 27 ноября ими был составлен рапорт, который был подан в Канцелярию 8 января 1769 г.

По приезде на место они при поверенном со стороны заводчиков Ливинцова и Походяшина приказчике Николае-Павдинского завода Федоре Бравине осмотрели железные прииски, и оказалось: «при номере первом, называемом Магнитном, руднике явилось, что на самой горе в сопке разработанной развал крестообразно длиною восем сажен, шириною в одном в верхнем конце двух, в другом

там же. Д.1981. Л.133 об.; Д.2329. Л.694-694 об.

¹² ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1981. Л.138 об.

нижнем одной саженях, глубиною в верхнем широком конце два аршина, в нижнем один аршин, в котором значит магнитной не богатова содержания камень. Толко в одном широком верхнем конце между рудным сероватым твердым камнем и простирается оной в глуб между полдня и севера по болшой часть на восток в длину на две, в ширину на одну саженях, в другом конце лежит железная руда между твердым серым болшим камнем с видом малой части магниту, от того ж развал в восми саженях на север разработанной ширф квадратно по два аршина глубиною один с половиною аршин, в котором значит между серым крепким камнем неболшей признак железной руды, а магниту во оном ширфу (кроме того что в вышеписанном развале значит) в других местах по поверхности горы в отводе и за отводом нигде не видно, да и разработан болше того что в дву местах не имеется, а руды по всей горе значит между серым крепким болшим камнем и простирается более на восток. Добытой руды на оном руднике имеется в разных кучах пуда до тысячи. 2 номер, называемой Кесканарской, которой состоит вдоль по горе от перваго рудника в четырех с половиной верстах по поверхности горы Кескенару между сопками, при котором разработано в трех местах неболшие развалы, в которых руда значит между разборным твердым камнем, положение имеет между полдни и востока. При котором руднике имеется добытой руды пуд до дватцати тысяч».

Был сделан отвод по 250 сажень в длину и ширину, поставлены грани с нетленными вещами, составлены чертежи (есть план местности с указанием приисков - прим.М.Б.). С приказчика Николае-Павдинского завода Бравина была взята подписка, чтобы не добывать из шурфа, разработанного обер-штейгером Келлером, магнитного камня, так как он в будущем может понадобиться для казенных нужд, а также и «пожегов огня вблизости ево не клали, от которого бы отгореть и не годным быть не мог». С новокрещенного вогула деревни Палкиной Верхнее-Туринской волости Якова Карпова сына Качайкова была взята подписка, что означенные два прииска состоят в порозжих и не отведенных никому лесах по течению реки Иса с правой стороны, в расстоянии от деревни Палкиной примерно в сорока верстах, а от реки Иса в пяти верстах. Первой называется Магнитный, второй в горе Кесканаре и состоят от отводной грани Гороблагодатских заводов в трех верстах, т.е. действительно не в отводных к Гороблагодатским заводам лесах¹³.

4 марта 1769 г. Канцелярия определила, что два качканарских железных прииска считать действительно отведенными Николае-

¹³ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1981. Л.144, 145, 157 об., 159, 160

Павдинскому заводу заводчиков Ливинцова и Походяшина и дать заводской конторе о владении ими указ, с приложением чертежа. И уведомить об этом Гороблагодатское горное начальство¹⁴.

Есть еще два документа, в которых упоминаются качканарские прииски. Когда профессор Паллас в августе 1770 г. находился в Челябинске, то требовал присылки к нему из архива Канцелярии интересующих его документов, в том числе и «объявления о горе Касканаре, которой еще в 1768 году осмотрена была»¹⁵.

В ведомости от 4 марта 1772 г., составленной Николае-Павдинской заводской конторой, мы еще раз встречаем упоминание о качканарских приисках: «Разработанные железные рудники:...5) Званием Магнитной, разработан развалом крестообразно глубиной в 2 аршина, в которой значит магнитной небогатого содержания камень, между рудным серым твердым камнем, при том же и железная руда между таким же камнем. 6) Званием Кескенарской, по поверхности горы Кескенару, между сопками в разработанных трех развалах и по всей горе значит между серым разборным камнем руда. Оные рудники Магнитной и Кескенарской хотя к плавке предвидятца и способны, точию за неимением людей работы на них не производитца»¹⁶.

Так как больше документов по истории качканарских приисков за этот период пока, не найдено, то, наверное, на этом можно поставить точку. Или многоточие?..

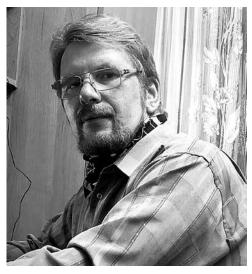
¹⁴ Там же. Л.165 об.

¹⁵ Там же. Д.1990. Л.129 об.

¹⁶ Там же. Л.326.

Александр ШЛЕМОВ

Родился в Нижней Туре в 1966 году. Окончил Уральский политехнический институт в Свердловске. Инженер-механик.

Работал в ПО «Ижсталь» (Ижевск), комбинат «»ЭХП» (Свердловс-45), НТ ЭАЗ (Н.Тура), старшим механиком в частной фирме по ремонту магистральных газопроводов. В настоящее время работаю ведущим инженером в службе Главного механика в АО «ТЭК Мосэнерго» на строительстве НТГРЭС

Интересы: генеалогия (Гороблагодатские заводы), краеведение (Гороблагодатские заводы — мастеровые, инженерный корпус, купечество, священство, медицина, образование), бонистика (Россия), автомобиль.

Публикации: «Время», «Удмуртская правда», «Уральский следопыт», «Качканарские грани». Автор книги «На порожней ясацкой земле».

Неизвестные страницы истории рода Протопоповых

ı

Фамилия Протопоповых была «чужой» для населения Нижнетуринского завода. Первые представители этой фамилии появились здесь лишь в 1854 году 19 века. Правда, метрическая книга Трехсвятительской церкви за 1823 год упоминает «ясашного» Протопопова, вероятно, из новокрещенных вогул, следы которого теряются уже в следующие пять лет, и к тому же он не имеет никакого отношения к интересующим нас персонам.

Документы называют Капитона Александровича Протопопова уроженцем Пермской губернии, «из духовного звания». Воспитание он получил в Далматовском духовном училище, а затем в Пермской семинарии, где окончил курс со степенью студента. Службу Капитон Протопопов начал в Пермском духовном училище, учителем латинского языка, а затем был переведен в Екатеринбург, где, являясь инспектором духовного училища, преподавал древние языки. Затем он получил должность секретаря строительного комитета по пере-

стройке училищного дома и, наконец, в 1849 году поступил в штат Уральского горного правления, выйдя из духовного сословия¹.

Одним словом, степень образования К.А. Протопопова была, без сомнения, высокой. Именно этот уровень образованности вкупе с врожденными чертами характера и привел к тому, что Капитон Александрович смог стать той замечательной личностью, чья деятельность привела к созданию знаменитой, так называемой Нижнетуринской механической артели, которая стала самым первым образцом государственно-кооперативного производственного предприятия не только на Урале, но и в России. Но перед этим Капитон Александрович оказался одним из главных «отрицательных персонажей» в деле, наделавшем много шума в Гороблагодатских заводах, которое привело многих главных его участников прямо к трагическим последствиям.

Будучи ещё в Екатеринбурге, Протопопов тесно сошелся с капитаном Николаем Созонтовичем Ильиным, служившим с 1846 года приемщиком артиллерийских снарядов в Баранчинском заводе. Этот последний «был человек даровитый, немало успевший сделать и в молодости, а ещё более обещавший сделать в будущем», замечательно образованный, исключительно честный, прямого характера и искренне верующий².

Диспуты и беседы на богословские темы в доме Ильина, его поиски Истины и Справедливости привлекли внимание не только К.А. Протопопова, но и других искателей ответов на вечные вопросы. Здесь же обсуждались вопросы всеобщего равенства людей: «Весь Закон Божий состоит токмо в единой братской любви по духу, телу, имению и стяжанию так, чтобы не было ни в чем разделения...; все члены одинаково заботятся друг о друге – страдает ли один, страдают с ним и все члены, славится ли один, да торжествуют с ним все...»³

У Ильина состоялось знакомство Протопопова с Александром Степановичем Лалетиным, поручиком лесного корпуса, служившим лесничим в Нижнетуринском заводе. И хотя о Лалетине сведений немного, но, как говорят очевидцы, «не подлежит сомнению, что обладал он весьма энергичным и твердым характером». Считается,

¹ Св. Вишняков А. «Сионская весть», «Православное обозрение», т.23, М.,1867, стр.183;

² Св. Вишняков А.,Указ. соч., стр. 169;

³ Молоствова Е.В. «Иеговисты. Жизнь и сочинения капитана Н.С.Ильина.», Записки императорского русского этнографического общества, т.38, СПБ, 1914, стр.101;

что охлаждение Ильина к православию началось именно со времени знакомства его с А.С. Лалетиным⁴.

Эти собрания в доме Н.С. Ильина и привели в конечном итоге к возникновению мистическо-религиозного сообщества «Десное братство», во главе которого встали Ильин, Лалетин и Протопопов.

В 1854 году, как известно, «по Высочайшему утверждению проектов и смет, немедленно приступлено было к постройке ружейного завода в Гороблагодатском округе, близ Нижнетуринского железоплавильного завода, под непосредственным наблюдением бывшего Главного Начальника Уральских заводов генерала от артиллерии Глинки-1». А еще двумя годами ранее была создана Комиссия по постройке оружейного завода⁵.

Назначение К.А. Протопопова делопроизводителем Комиссии по постройке оружейного завода обусловило переезд семьи Протопопова в Нижнетуринский завод. Вероятно, он сам добивался нового назначения, чтобы быть ближе к своим духовным «братьям»: Ильину и Лалетину. По приезде в Нижнюю Туру, спустя некоторое время Капитон Александрович был назначен полицмейстером, приобрел дом и окончательно поселился в селении «Новый Завод», которое образовалось вблизи строящегося оружейного завода, в 3-х верстах от Нижнетуринского.

Новые постулаты учения Ильина, изложенные им в рукописной «Сионской вести», нашли первых «прозелитов»: жен Протопопова и Лалетина, а затем и представителей различных слоев горнозаводского населения Баранчинского, Нижнетуринского, Нижнетагильского заводов, Екатеринбурга и даже Шадринского уезда. Большая часть таких «новообращенных» ранее принадлежала расколу.

Интересно заметить, что о взглядах Ильина и собраниях его приверженцев знали священники местных церквей и заводское начальство, но не нашли нужным со всей решимостью пресечь возникновение новой секты. Слишком уж начитанными и образованными были люди, стоявшие во главе. Не случайно потом Ильин заявлял на следствии: «Да что вы все спорите..., ведь я спорил с архиереями, и те молчали предо мной». Протопопова же прямо называли «замечательным диалектиком», превосходившим Ильина «находчивостью, хладнокровием и изворотливостью»⁶.

⁴ Пругавин А.С. «Религиозные отщепенцы», СПБ, 1904, стр.245;

⁵ РГИА, ф.40,оп.2,д.40, л.61-72об.

⁶ Св. Максимов, «Капитан Ильин и его последователи», «Пермские епархиальные ведомости», №24, 1867; Молоствова Е.В. «Иеговисты. Жизнь и сочинения капитана Н.С.Ильина.», Записки императорского русского этнографического общества, т.38, СПБ, 1914, стр.77;

Неизвестно, сколько бы еще собирались «десные братья» на уральских заводах, если бы не «дерзкое» поведение Капитона Протопопова в отношении заводских властей. В чем заключалась дерзость его, из документов не ясно. Однако Главный начальник заводов Хребта Уральского Ф. Фелькнер писал генералу от артиллерии Одинцу - непосредственному начальнику Н.С. Ильина, что Протопопов, «после многих непростительных дерзостей против исполняющего должность управляющего Нижнетуринского завода и Горного начальника Гороблагодатских заводов, дошел, наконец, до явного неповиновения приказаниям начальства и упорного им сопротивления. В то время, как он поступал таким образом, в этом принимал живейшее участие, находящийся в Баранчинском заводе артиллерийский приемщик, капитан Ильин, который состоя в самых коротких отношениях с Протопоповым, высказывал постоянное к нему сочувствие и этим как бы поддерживал в Протопопове дух дерзости и ослушания». Фелькнер просил Одинца перевести Ильина с Урала, но артиллерийский генерал ответил, что перевод Ильина «ныне неудобен». К тому же Одинец был уверен, что в отношении своих служебных обязанностей Ильин «не позволит себе никакого пристрастия, вредного для казны и службы»⁷.

27 октября 1858 года адъютант Фелькнера, штабс-капитан Максимов, по распоряжению Горного начальника арестовал Протопопова в Новом Заводе и препроводил его на Екатеринбургскую гауптвахту, где последний находился до августа 1860 года. Почти все время, проведенное Протопоповым на гауптвахте, при нем находилась жена Любовь Федоровна, как замечено, «существо абсолютно страдательное», полностью подчиненная мужу.

За двухдневный путь от Нижнетуринского завода до Екатеринбурга Максимов отметил, что арестованный им человек необычный: читал библию на французском языке, не крестился, неоднократно пытался вступить в дискуссию о вере. «Все превратные толкования я сам от него лично слышал, но изобличить его в этом, как и его единомышленников в вере, если не невозможно, то, по крайней мере, весьма трудно...». Способности полемиста у Протопопова были очень сильны⁸.

Тем временем поручик Лалетин, получив назначение в Пермский округ, отказался от назначения, остался в Нижней Туре и направил письмо самому Министру Финансов, «дерзко выступив защитником преданного суду Протопопова».

⁷ Молоствова Е.В., Указ. соч., стр.82-86

⁸ Молоствова Е.В., Указ. соч., стр.80-82;

В декабре 1858 года, помимо гражданских властей, к расследованию дела «десных братьев» подключилось духовное ведомство. Наконец, в январе 1859 года Лалетин, приказом по корпусу лесничих был переведен на службу в Архангельскую губернию, а следом Ильин, приказом Великого Князя Михаила Николаевича уволен от службы и прикомандирован к Динаминдскому артиллерийскому гарнизону с учреждением над ним строгого надзора.

И вновь «братья» не подчинились приказанию, за что Лалетин даже на некоторое время был арестован и находился на гауптвахте нижнетуринской заводской конторы. Вместо подчинения приказам и отъезда к местам нового назначения, в апреле 1859 года прибыв в Екатеринбург, Ильин и Лалетин «вторглись» на гауптвахту, требуя свидания с Протопоповым и «удалились только тогда, когда увидели, что против них будет применена вооруженная сила». Ввиду того, что на этот раз «был нарушен публично, установленный воинский порядок», генерал Фелькнер отдал приказ найти и арестовать Ильина и Лалетина, послав команду вооруженных конных и пеших солдат, адьютанта Максимова, полицмейстера и квартального надзирателя. Артиллерийский приемщик и лесничий были найдены, но ввиду своего «благородного состояния» не были проведены под конвоем на гауптвахту через весь Екатеринбург, а подвергнуты домашнему аресту.

В конце концов письма Фелькнера высшему начальству - с одной стороны, а с другой - письма Ильина с просьбой защиты самому Императору поставили точку в деле решения вопроса по «Десному братству». Ильин был отправлен под конвоем казака до Перми и далее в Петербург, к месту нового назначения, в Динаминд, под Ригу. Но и оттуда Ильин слал письма на Урал «братьям» и однажды, доверившись майору ордонанс-гауза, дал почитать ему «Сионскую весть». Последующий за этим доклад майора своему начальству доказывал все обвинения против Ильина в расколе.

Дело «О расколе на Урале» и «О буйственных поступках капитана Ильина на Екатеринбургской главной гауптвахте» было передано в Высочайше назначенную комиссию. После обстоятельного рассмотрения комиссией всех обстоятельств дела в Петербурге и Екатеринбурге последовал императорский указ, чтобы Ильина, «за основание им религиозной секты... сослать в Соловецкий монастырь без обозначения срока заключения». Лалетин же был заключен в Свияжский монастырь, где до самой смерти в 1869 году «ни с кем из монастырских, ни из посторонних знакомств не

имел..., находится в своей комнате, кроме прогулки, читает Новый Завет, делает для себя выписки..., но остается непреклонным в своих заблуждениях»⁹.

В Екатеринбурге же по делу секты, кроме титулярного советника Капитона Протопопова, перед комиссией предстали еще более двух десятков «десных», среди которых были и нижнетагильский священник Иоанн Снегирев, и друг Протопопова, священник Ново-Тихвинского женского монастыря Аркадий Казанский.

Однако духовная комиссия отмечала, что, исключая самого Ильина, «один Протопопов представляется не безопасным и заслуживает самого серьезного внимания», как человек, имеющий все задатки лидера.

Мнение о Протопопове у духовных отцов сложилось нелицеприятное: хитрый и уклончивый диалектик, расчетливый и изворотливый, болезненно честолюбивый и тщеславный. «Что касается участия Протопопова в секте Десных Христиан (в котором он вполне сознается), то движимый самолюбием, он не хочет и здесь играть второстепенной роли, говоря, что до истин, выраженных в «Сионской вести» он дошел пытливостью своего ума, и присовокупляет, что написал бы её лучше и определеннее, чем Ильин». У некоторых членов комиссии сложилось впечатление, что, вероятно, Протопопов примкнул к секте из-за корыстных побуждений, чтобы «посредством совокупления денежных средств и имущества братий – достигнуть при оборотливости своего ума больших материальных выгод».

Поскольку было доказано, что только жена Протопопова была «совращена» им в раскол, (а, как известно, «Да убоится жена мужа»), то в отношении Капитона Александровича комиссия не смогла вынести обвинительного заключения. Тем более, что Протопоповым, как служащим чиновником горного ведомства, за «дерзость» и нарушение приказов непосредственного начальства, занимался военный суд.

26 августа 1860 года, под подписку о местонахожднении до суда, Протопопов был выпущен с гауптвахты и выехал в Нижнетуринский завод. А через полгода решением Сената он был признан виновным в оскорбительных выражениях в бумагах о должностных лицах и по приказу министра финансов уволен от службы. Известно, что в июле 1861 года он выехал в Петербург и на протяжении следующих шести лет данных о нем не выявлено¹⁰.

⁹ Молоствова Е.В. Указ. соч., стр.102-106;

¹⁰ Молоствова Е.В. Указ. соч., стр.102-106;

Уже спустя полвека, исследователи ильинского раскола замечали, что выводы комиссии о личности и характере Капитона Протопопова были отчасти несправедливы. «Трудно составить представление о его отношении к «Десному братству» до того, как оно подверглось преследованиям... Не обладая непреклонным характером Ильина и Лалетина и всячески стараясь избегнуть наказания, он, может быть, пользовался для своего оправдания даже таким средством, как признание целью своего вступления в братство – корыстолюбие...» Как показали дальнейшие события, это суждение не далеко от истины. Нам же теперь представляется, что К.А. Протопопов представлял собой тип «социалиста-утописта», достаточно модный тогда в центральной России. И если бы Протопопов жил не в уральской глубинке, а в Москве или Петербурге, то, вероятно, он был бы одним из активных «кружковцев», бредивших идеями Оуэна и Фурье.

Однако и здесь, в Нижней Туре, ему удалось создать новое «братство», отчасти на принципах старого – артель. Она-то и заняла яркое место в отечественной истории социально-экономических отношений, отодвинув в тень неординарный эпизод биографии своего руководителя в связи с сектой капитана Ильина.

П

Как известно, осенью 1860 года Николаевский оружейный завод решением Александра II прекратил свое действие. Как докладывал императору Министр финансов, «Николаевский завод основан был, чтобы дать горным офицерам возможность определить свойства железа, наиболее соответственные для выделки ружей и заваривать из него стволы отличного качества. Опыт, однако, не привел к удовлетворительным результатам, несмотря на близость лучшего железоковательного Нижнетуринского завода и на искусство бельгийских заварщиков»¹¹.

Селение Новый Завод покинули бельгийские мастера, большая часть мастеровых-екатеринбуржцев и приписных-чердынцев. Производственная жизнь в стенах опустевшего оружейного завода замерла. Мастеровые закрывшегося завода выполняли мизерные заказы по нарядам артиллерийского ведомства, возложенные на Нижнетуринский завод - собирались снарядные ударные трубки.

Нижнетуринский завод в год выпускал не более 30 000 трубок, а себестоимость одной трубки доходила до 1 руб. 20 коп. С отменой крепостного права кризис на заводах Урала заставил население искать разные источники хоть каких-то средств существования.

¹¹ РГИА, ф.40, оп.2,д.44, лл112-112об

В 1866 году для выполнения годового наряда по ударным трубкам начальник Гороблагодатских заводов В.А. Грамматчиков предложил перевести мастеровых на сдельную оплату. Эффект от этого превзошел все ожидания. Группа мастеровых занялась усовершенствованием станков, применением разных приспособлений, и если ранее в сутки 2 мастера нарезали 10 трубок, то теперь суточный выпуск на одного мастера составил 100 штук, т.е. повысился в 20 раз! При этом стоимость трубки для казны составила не более 70 копеек. Это натолкнуло мастеровых на мысль взять производство трубок «на артель». Мысль эта была заявлена Грамматчикову, а последний, правильно оценив выгоды артельного труда и для мастеровых, и для казны, решился в виде опыта дать наряд на 1867 год в 33000 трубок, предоставляя артели лишь материал. Однако он потребовал, чтобы артельщики выбрали или наняли особого толкового распорядителя. И невероятно, но артель рабочих избрала в руководители... своего бывшего полицмейстера - «местного жителя Капитона Александровича Протопопова, который с любовью и знанием дела принялся за организацию артели»¹².

Владимир Александрович Грамматчиков сам с момента пуска в 1858 году оружейного завода начинал службу в должности помощника управителя Нижнетуринского и Николаевского заводов И.А.Штейнмана, знал все местные заводские проблемы не понаслышке¹³. Несомненно, он был лично знаком со многими мастеровыми, тем более с Протопоповым и скандалом, связанным «братством». Тем не менее, ни о каких противодействиях назначению руководителя артели со стороны начальника нам неизвестно. Все это позволяет судить об определенной и непредвзятой оценке способностей и личных качеств руководителя артели Капитона Протопопва со стороны горных и гражданских властей.

Протопопов энергично взялся за дело. Он добился у начальства разрешения поместить производство трубок в одном из зданий пустующего оружейного завода. А далее (знай об этом Адам Смит - он был бы поражен) «при пособии самих мастеров распределил между ними работы по переделам, назначил сообразно со знанием мастеров и качеством переделов платы, выработал основания распределения прибылей артели, сделал расценку стоимости разных переделов, сам спроектировал расстановку машин в мастерской и... заключил условия с Главной конторой Гороблагодатских заводов».

Белов Н., «Нижнетуринская механическая артель», Сборник материалов об артелях в России, вып.1, СПБ, 1873, стр.172-173;

¹³ РГИА, ф. 40 оп. 2 д. 40, л.65-72об.

В результате артель из 60 человек за два месяца выполнила весь годовой наряд, найдя «возможным на первый же раз взять за одну трубку 44 3/8 копейки» платы. Такой успех заверил Грамматчикова в будущих успехах артели, и артели был дан заказ на 180000 трубок с обязательством того, что артель демонтирует и перенесет на свой счет оборудование (станки) мастерской из Николаевского завода в Нижнетуринский и еще более понизит плату за трубку не менее чем на 4 копейки. Несмотря на это, артель Протопопова взяла наряд. Для выполнения заказа ручные работы стали заменяться машинными - собственными силами сделано 38 токарных, 8 сверлильных станков «и еще несколько станков по разным переделам. Некоторые из них, весьма остроумно спроектированы самими рабочими... Так, например, один станок заменил 4, прежде бывших, операции (нарезку болванки, сверление, нарезку винта, подшарошку)». На другом станке с одного приема заготовки выходило вместо двух – 20 совершенно готовых (кроме прорези) боевых винтов ударной трубки!

При выполнении нарядов 1869-1870гг. (363 000 ударных трубок), нововведения продолжались и коснулись главным образом литейной части. Теперь, например, одна болванка отливалась на 6 трубок, введена промывка формового песка с целью извлечения из него меди и уменьшения потерь металла. Силами 150-160 человек артель Протопопова выделывала в день до 2000 трубок, что с прежней выделкой казалось невероятным явлением - при старой казенной работе 60 человек едва выделывали в день 100 трубок. К тому же цена за трубку артель еще более понизила - до 38 копеек¹⁴.

Воодушевленные успехом механической артели, в 1870 году мастеровые других цехов Нижнетуринского завода также изъявили желание организовать свои товарищества. Одна за другой появились две артели: в кричном и в листокатальном цехах. Как писал очевидец, «таким образом, помимо всяких правительственных регламентаций, силою самих вещей, весь завод оказался в руках артелей и стал давать произведения значительно дешевле прежних цен». Потихоньку пошло артельное движение в других местах Урала. И всё это при одобрении, а то и с подачи горного инженера Владимира Алексеевича Грамматчикова, занявшего пост Главного начальника уральских заводов. Недаром благодарные артельщики учредили даже две гимназических стипендии его имени, по 1200 рублей каждая (равная, кстати, пяти артельным или 10-ти обычным годовым окладам уральского мастерового)¹⁵.

¹⁴ Белов Н., Указ. соч., стр. 173-174

¹⁵ Белов Н., Указ. соч., стр.176

Артельные эксперименты в Нижней Туре стали необычным образом менять всю жизнь рабочих. Заработок в артели был значительный. В среднем артельщик зарабатывал до 240 рублей в год, и это не могло не сказаться на быте населения. «В последние годы они хорошо обстроились, обзавелись хозяйством, домашними приборами и инструментом, необходимым для мастерства. Возбужденная успехом самодеятельность и некоторого рода обеспеченность были причиной открытия здесь Общества трезвости - явление чуть ли не исключительное во всех Уральских заводах...» Замечена тяга к чтению и образованию детей. «Нижнетуринское общество пожертвовало на постройку школы по 20 копеек с годного работника, что составило около 500 рублей».

Аналогичная артель возникла и в Екатеринбурге, где тот же начальник Грамматчиков сам предложил рабочим организовать артель по производству лафетов. Название она получила знаменательное — «Братство». Когда казна выставила на конкурс заказ очередной партии орудийных лафетов на 1871 год, англичанин Тэт предложил взять работу за 80 тысяч рублей. Но тут его перебили. Пришёл поверенный молодой артели под названием Товарищество мастеровых механической фабрики "Братство" - и попросил за заказ... лишь 25.000 целковых, с залогом домов артельщиков. Тэту оставалось набраться терпения и ожидать краха конкурентов. Но когда через год у Тэта из-под носа братство опять увело заказ, а залог внесло в размере семи тысяч рублей уже живыми денежками, ассигнациями - вот это был удар!

В 1871 году артиллерийское ведомство дало Нижнетуринской артели наряд всего в 160000 трубок, но потребовало его экстренного выполнения. Артель исполнила заказ за 6 месяцев и на полгода осталась без работы. Некоторые артельщики отъехали в другие горнозаводские округа, где были размещены наряды по производству ударных трубок. Благо, что как раз в это время был принят новый закон о золотопромышленности, благодаря которому в округе Нижнетуринского завода началась настоящая золотая, а точнее, платиновая лихорадка. Многие работники артели вынуждены были заняться этой новой, непривычной приисковой земляной работой¹⁶.

К.А. Протопопов и артельщики прекрасно понимали, что их благосостоянию может положить конец полное закрытие казенного наряда. Именно это и случилось спустя четыре года, когда единым росчерком пера чиновника артиллерийского ведомства производство ударных трубок в Нижней Туре было закрыто раз и навсегда.

¹⁶ Белов Н., Указ. соч., стр.175

г.Алушта, «Профессорский уголок», 1912г.

Слева направо: стоят Н. Флоров, Татьяна Яковлевна Карпинская (Бурдакова), Руфина Яковлевна Протопопова (Бурдакова), Ольга Яковлевна Флорова (Бурдакова) Сидит в шляпе: Викторин Бурдаков, в центре, перед сестрами Бурдаковыми, предположительно Валерьян Михайлович Протопопов.

Ш

Закон о золотопромышленности 1870 года позволил всем сословиям, без ограничения, производить поиск, добычу и очистку драгоценных металлов. За пятнадцать следующих лет округа Нижнетуринского завода, реки Выя и Ис с притоками превратилась в крупнейший район добычи платины. Первыми искателями старательского счастья стали многие местные жители – бывшие мастеровые-артельщики, сумевшие сколотить какой-никакой капитал. Вероятно, и К.А. Протопопов был в числе тех, кому не давал покоя успех и взлет своих, местных купцов-золотопромышленников. Таких, как Я.Н. Бурдаков, Н.С. Волков, И.Г. Шаравьев.

К сожалению, данных о Протопоповых за период 1875-1890 гг. в нашем распоряжении нет. Версию о Протопопове-золотопромышленнике подтверждает лишь единственный обнаруженный материал из газеты «Пермские губернские ведомости» №63 за 1879 год: «Главным начальником Уральского хребта на основании 55-й статьи Высочайше утвержденного 24 мая 1870 года устава о частной золотопромышленности: доверенный от золотопромышленника

Александра Протопопова, титулярный советник Капитон Протопопов, 10 июля сего года заявил Верхотурскому уездному полицейскому управлению, на имя своего доверителя, золотосодержащую местность, в Нижне-Туринской даче Гороблагодатского округа, по Вилохинскому логу, впадающему с левой стороны в речку Железенку, которая впадает в Нижне-Туринский заводской пруд, в расстоянии находящейся на этой речке деревни Железенки, считая к верху по речке, от тракта по деревне проходящего, около 2-х верст»¹⁷.

Кто этот, упомянутый Александр Протопопов: отец или брат? Сведений о семье К.А. Протопопова почти нет. Материалы следствия 1860 года упоминают лишь, что «дети его еще совсем малы». Несомненно, что именно золотопромышленность и стала основанием для сближения семейства Протопоповых с семьей верхотурского купца Якова Николаевича Бурдакова – одного из пионеров в платинопромышленном деле.

Бывший крепостной-вольноотпущенник Я.Н. Бурдаков с самого начала 1860-х годов (по крайней мере, с 1864 года) проживал и вел торговлю мануфактурным товаром в Нижнетуринском заводе, записавшись в 1857 году в верхотурское купечество по 3-й гильдии¹⁸. Когда же в 1868 году отставной капитан 9-го Оренбургского линейного батальона (бывшего Горнозаводского, расквартированного в Турьинских рудниках), превосходный штейгер Иван Михайлович Гендриков заинтересовался обилием шлихов металла «свинцового блеска» по притокам реки Ис, жизнь купца Бурдакова, недавнего крепостного княгини Е. Долгоруковой, крестьянина-вольноотпущенника, дала резкий поворот - от ткани-мануфактуры к платине-металлу. Технические знания горно-приискового дела «образованного» капитана И. Гендрикова, вкупе с купеческой хваткой и расторопностью «мужика» Я. Бурдакова, обусловили успех общего дела. Основание на реке Журавлик первого Николае-Святительского прииска, заявленного на имя Гендрикова «его доверенным купцом Яковом Бурдаковым», положило начало их общей деятельности. Первая исовская платина была доставлена для анализа в университет, к самому Д.И. Менделееву. А затем после «свидетельствования» найден и постоянный покупатель «заморской диковинки» – английская фирма «Дж. Маттей»¹⁹.

¹⁷ «Пермские губернские ведомости» №63, 1879, стр.308;

¹⁸ ГАВО, ф.301, оп.5,д.446,л.1132об.-1134; ГАПК, ф.111, оп.1,д.2679, л.5об-6;

¹⁹ Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., «Описание платинопромышленного дела...», Записки УОЛЕ, т.14, ЕКБ, 1890, стр.79-80;

Вплоть до начала 1880-х годов Я. Бурдаков выступал доверенным И. Гендрикова, заявляя на имя своего доверителя прииск за прииском в округе Нижнетуринской дачи. Одновременно с 1874 года все прииски Гендрикова, разрабатываемые Бурдаковым, постепенно переходят в его владение²⁰. А к 1890 году их число, разрабатываемых и заявленных к разработке, достигло более двух десятков.

Так возникло 5-ти паевое товарищество «Я. Бурдаков и сыновья», во главе которого распорядителем встал купец Викторин Яковлевич Бурдаков²¹. Документы 1867 года указывают у Якова

Бурдакова (Всесвятская) Валентина Викториновна, ок.1916г.

Николаевича трех сыновей: Александра (старшего), Викторина, Капитона. Кроме них, в семье было еще 2 дочери – Ольга, Руфина²². Позднее родились Татьяна и Александр (младший). Добыча платины на приисках этого семейного клана с начала 1890-х достигла громадных объемов и стала сравнима с добычей этого металла в соседних частновладельческих округах – на Крестовоздвиженских приисках Шувалова и в Нижнетагильском округе Демидовых.

Состоявшуюся женитьбу сына Капитона Протопопова, Михаила на дочери Якова Бурдакова Руфине, вероятно, можно считать по меркам того времени, как было принято говорить, «равной партией», причем для обеих фамилий.

Сын титулярного советника из духовного сословия, Михаил Капитонович имел все права для вхождения в почетное гражданство. Брак с Р.Я. Бурдаковой не мог не рассматриваться родственниками последней как еще одна из ступеней вхождения в высшее общество. Для Протопоповых же родство с семейством Бурдаковых недавних крестьян, сулило вхождение в уральскую золотопромышленную элиту, широкие перспективы и с разумным ведением

²⁰ Шишонко В., «Пермская летопись», ч.3, Пермь, 1889, стр.167-168;

²¹ Бисарнов М., «Список крупнейших русских золотопромышленных компаний и фирм», СПБ, 1897, стр.30-31;

²² ГАПК, ф.111, оп.1, д.2908, л49об.;

«коммерческих дел» обеспечивало безбедное существование нескольких поколений.

В 1891 году, в Нижне-Туринском заводе в семье Протопоповых родился первенец, сын Валерьян²³. Как рассказывали старожилы Нижней Туры, в честь его и был назван один из приисков компании Бурдаковых – Валерьяновский.

К 1896 году личный почетный гражданин М.К. Протопопов вошел в состав Товарищества «Я.Н. Бурдаков и сыновья». А в 1898 году уже потомственный почетный гражданин Михаил Капитонович Протопопов являлся доверенным «члена-распорядителя» Товарищества, Викторина Яковлевича Бурдакова²⁴. Примерно в это же время М.К. Протопопов получает в собственность Иоанно-Предтеченский прииск, выкупленный Яковом Николаевичем Бурдаковым еще в 1888-89 году у нижнетуринского золотопромышленника-крестьянина Калинина. Среди Исовских приисков вплоть до 1905 года это был один из богатейших приисков. Ежегодная добыча платины составляла от 7 до 12 пудов, а золота - до 30 фунтов. Численность рабочих доходила в отдельные годы до 300 человек. Уже в 1890 году Бурдаковы вели там добычу «американкой». Позднее, когда Михаил Протопопов сдал прииск под разработку Платино-промышленной компании анонимного общества, там была установлена паровая золото-извлекательноя фабрика работали 8 вашгертов и чаша, промывая ежегодно до 12 млн. пудов золотоносной породы. Лишь в 1904 году прииск был продан Анонимной компании²⁵.

Учреждение столичными и иностранными финансовыми магнатами в 1898 году «Платино-Промышленной компании Анонимного общества», а затем и акционерного общества «Платина» привело к ликвидации Товарищества «Я.Н. Бурдаков и сыновья». Выстоять в конкуренции с новыми компаниями Бурдаковы не могли, как и другие крупные платинопромышленники: Конюхов, Шаравьевы, Шайдуровы. Все прииски Товарищества были проданы анонимной компании.

В 1899 году Викторин Бурдаков приобретает бывшую усадьбу министра финанасов Гурьева «Богородское» под Москвой, в Верей-

²³ ГАСО, ф.6, оп.20, д.323, л.42об.

 $^{^{24}}$ АК и Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год, 1899, Пермь, стр.115;

²⁵ Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890(стр.8-9, 124-125), 1903(стр.10-11,198-199),1904(стр. 10-11, 226-227), 1905гг.(стр.12-13, 210-211), СПБ;

ском уезде²⁶. Он окончательно переезжает в Москву. Затем, немногим спустя, в Москву переезжают и Протопоповы. Лишь Капитон Яковлевич Бурдаков окончательно обосновывается в Екатеринбурге, где продолжает заниматься золотопромышленностью и, еще более широко, общественной деятельностью.

Вплоть до революции Протопоповы проживали в Москве. Вначале на Страстном бульваре в доходном доме шталмейстера, князя К. Горчакова, а затем на Плющихе, в доходном доме Лепенина²⁷. В 1908 году Михаил Капитонович умер. В 1917 году Руфина Яковлевна проживала одна с дочерью Ольгой на улице Большой Козихинской, поддерживая самую тесную связь с семьями братьев – Капитона и, особенно, Викторина. Интересно заметить, что одна из дочерей Викторина Яковлевича, Валентина, в конце 1916 года, накануне революции, как показывают документы, собиралась выйти замуж за некого Протопопова²⁸. Состоялась свадьба или нет, неизвестно. Также неизвестны судьбы Руфины Яковлевны и Ольги Михайловны

Валерьян Михайлович Протопопов после окончания Московского университета служил военным врачом. Революционные события застали его в Области Войска Донского, где он находился в составе Донской армии, а затем в войсках А. Деникина (Вооруженные Силы Юга России). В 1920 году состоял младшим лекарем в 4-м Донском казачьем полку атамана Назарова. С частями армии П. Врангеля эвакуировался из Крыма в Галлиполи. Осенью 1925 года с госпиталем 1-го армейского корпуса, отбывающим в Болгарию, покинул Галлиполи. В Болгарии служил врачом в с. Крамолин Севлиевской области. Последние известные сведения о нем относятся к 1929 году, когда Валерьян Михайлович занимался частной врачебной практикой в г. Горна Оряховица²⁹.

Фотографии предоставлены О. Всесвятской – правнучкой Викторина Яковлевича Бурдакова, из личного архива.

²⁶ РГИА, ф. 537, оп.1, д. 1042, л.95-95об.

²⁷ Адресный справочник «Вся Москва» на 1907,1908,1911,1913,1914,1917гг.

²⁸ ЦИАМ, ф.363, оп.4, д.4320 – 800 (Материалы личного дела Бурдаковой В.В.)

²⁹ «Белоэмигранты в Болгарии», Воспоминания, под ред. В.В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова, М., 2013, стр.99 (электронная версия); д.и.н.С.В.Волков, База данных №2 «Участники Белого движения в России» на январь 2014, 1995-2014 (электронная версия)

МЕМУАРЫ

БАРОН ФИРКС И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Среди тех, кто в начале 20 века жил и работал в окрестностях горы Качканар, было немало иностранных специалистов. Среди них выделялся немец, выходец из прибалтийских земель, специалист по горному делу барон фон Фиркс, который оставил чрезвычайно любопытные воспоминания о том времени.

Барон Вильгельм фон Фиркс-Варвен родился в 1870 году в семье балтийского писателя Карла фон Фиркса на территории современной Латвии (тогда она входила в состав Российской империи). С детства, наряду с родным немецким языком, владел также русским. Учился в Митаве, в гимназии, овладел также французским языком, затем в Дрезденском училище горных инженеров в Саксонии. Горное дело стало не только его профессией, но и подлинной страстью. Он прошел основательный практикум по геологии и минералогии в Германии, затем работал на французской фирме по

добыче серебра в Сербии, где проявил незаурядные качества специалиста и руководителя. В 1901 году стал директором компании в Испании, в это время начал интересоваться добычей ценных металлов в России

В 1903 году он стал генеральным директором Промышленной платиновой компании на Урале — одной из крупнейших мировых фирм такого рода. По делам службы ему приходилось часто бывать в Петербурге и в Париже, а Урал он изъездил вдоль и поперек. Наряду с умелой организацией дела и использованием новейшей техники и технологии, он уделял большое внимание обеспечению нормальных условий жизни рабочих, чем заслужил их уважение. Его увлекала своеобразная романтика бурного развития капиталистических отношений в России, он много сделал не только для развития своей фирмы, но и для установления четкой правовой системы в горнодобывающей индустрии страны в целом.

Революция 1917 года оборвала эту деятельность. Фиркс уехал с Урала в Петербург, где лишь по случайности избежал гибели в водовороте революционных событий и сумел выехать в Финляндию, а оттуда на родину. В 1919 году он, ранее далекий от политики, принял участие в формировании Национального собрания Балтики и был избран в его состав. В 1920-м он стал основателем Немецко-балтийской народной партии, уже как председатель партии был избран в Конституци-

онное собрание, а затем в латвийский Парламент, где был сначала заместителем руководителя немецкой фракции, а затем и ее главой. Политической деятельности он отдал последние годы своей жизни, вплоть до кончины в 1933 году.

Фиркс в течение многих лет вел записи, связанные с различными поездками и событиями. Так сложилась книга, которую он назвал Reisedecke — Дорожный плед. Вероятно, перед кончиной он задумал ее опубликовать, о чем свидетельствует тщательная подготовка текста. Но не успел. Рукопись была обнаружена в его архиве, друзья и наследники сочли необходимой ее публикацию, что и было сделано: книга вышла в Риге в 1934 году с предисловием и под редакцией одного из соратников Фиркса — Курта Стафенхагена:

Meine Reisedecke. Erinnerungen von W.v. Fircks-Warwen. Hrsg von Kurt Stavenhagen. Riga. 1934

В 1973 году в Германии вышло ее факсимильное переиздание (Verlag Harro v.Hirschheydt, Hannover-Döhren).

Книга невелика по объему, в ней всего полтораста страниц, но содержание её интересно, насыщенно, а местами просто увлекательно.

В её главах повествуется о его пребывании в Сербии (1899, 1901), Испании (1901-1902), Франции (1901-1908), Тунисе (1910), Германии. Но главное место в книге уделено России, его заметки охватывают период с 1903 года, когда он получил назначение в уральскую платиновую компанию, до революции 1917 года. Он повествует о своей деятельности на Урале, интересная глава посвящена личным воспоминаниями о Февральской революции в России.

Сын писателя, Фиркс и сам обладал явным литературным талантом: он пишет блестящим образным языком, его зарисовки красочны, сочны и ярки, полны тонких наблюдений и впечатлений. Это в полной мере касается и глав, посвященных Уралу. Одна из самых больших глав – о празднике, который возглавляемая им генеральная дирекция платиновой компании устроила на приисках возле горы Качканар в 1908 году. Этот рассказ насыщен картинами жизни и быта того времени, интересен он и яркими портретами целого ряда действующих лиц – от простых жителей Урала до двух генералов: пермского генерал-губернатора и горного начальника, - этот гражданский чин также соответствовал генеральскому. Глава так и называется «Два генерала». В изображении российского чиновничества – снизу доверху – Фиркс достигает подлинных высот едкой сатиры. Но ирония и насмешка автора не мешают понять его уважительного отношения к России и россиянам, культуре и обычаям страны и уральских мест. Он писал впоследствии, что был чрезвычайно огорчен необходимостью покинуть страну, в которой он нашел много друзей и единомышленников, в огромный потенциал и грядущее развитие которой твердо верил. Свои записи он редактировал в 30-е годы, когда отношение к советской России в Латвии было резко отрицательным, но это никак не отразилось в его строках.

Meine Reisedecke

Erinnerungen a. v. firchs-Warmen

Im Huftrag der Dautichbolttichen Volkogemeinfchaft aus dein Nachlaß herausgegeben von Kurt Stavenhagen

Riga, 1934

Die beiden Generale. Ruffland 180\$

Sonntaglicer Sonnengtons finahlt norn moftepleier Inliblinniel auf den Paalftiminternden, großen Plat ber Sentral-brechtion ber Parlingraben am 3& Ein fcellentliterenbes Dreigespann nach bem anderen führt auf und eimmt Stellung. Den freinen, auf langen Chereigenhangen fich wiegenben Borb-wegen entsteigen gemichtige Geftalter, die Dieeltove ber auf 130 Werft Muglange fich ausdehnenden Genbengruppen der Compognia indistriells du Platins. — Petichtig fefen die Gefrantie aus, init liten fibiebeschagenw Weschieren, dem burten hembrus ber febergeichmudten Kutfder und ben nach far-Sen gulammangsposten Gallen. Weben der Ausperströffe von Ulerandrowit halter. De towarzgezpielen Yahden von der Krankfyrnko. Die wilden Eukakunzen von Valenimaan? beißen fich mit den Zehfardmen won der "Dreifalitofeit" und mit den Braunen von der Zuferstehungsgunde hermn und Bonnen fann im Jaum gehalten mieden; die dunkten Apfelfchenmel von

an Soum gezater erecen; die durten zipell genimel von der Eura schaten eriebeil deten, dern se haben non der Anchl her schee do Werß sinder jah.

Wagumoff, der Breston von der Arkligrade, ordnet zum erster Allas eines am Seschie leiner Echsteraum, und der wohre anselte Kussel kulfder Jerde bekommt nech schnell eine Lippener machtung, well der psolvenschertengende Laufgleichzt mich nach Porfdrift fibt. Muf der rechten Stante ordnen fich die Egutpagen ber Beneraldirellion; allen reran Chaibulla mil meiner bellen Schimmeltreite. Unter bem giodentragenben Krummbolg Bebl fich der coffige Kopf Babain; die feinen, nach Michigestie martlenen Ohnen langen nerods bis und ber. In es, weil der Blumenichnud am lepfprug ihn figelt oder weig ber alle Pericerener, bağ es heute elle Ehre einzulegen? Dor ber Alleche brangt - von Mafurin und friner berittenen

Dellytimatel in gebührender Gitfremnig gefallen - fcon fett

101

Титульный лист издания 1934 года Первая страница главы «Два генерала»

Интересно отметить, что в своем тексте он упоминает много русских терминов того времени, не переводя их на немецкий язык, а лишь записывая в немецкой транскрипции, а в некоторых случаях давая краткие пояснения. Так фигурируют у него исправники и урядники, начальство и чиновники, взятки и хищники, мужики и молодцы, телега и тарантас. Эти слова в переводе я выделяю курсивом.

Особый интерес представляет включенный в повествование рассказ одного из героев об истории Хищнического лога – название которого автор приводит, транслитилируя немецкими буквами, что приводит к сложнейшей конструкции: Chischtschnischeski-Log. Этот рассказ автор шутливо называет Wahrheit und Dichtung – так называется автобиографическая книга И.В. Гете (в русском переводе – Поэзия и правда).

Вероятно, в каких-то местах Фиркс-хронист уступает место Фирксу-литератору или даже Фирксу-художнику, кстати, цветам автор уделяет особое внимание – в одежде, окрасе лошадей (он называет не только породы, но и особенности расцветки), окружающей природе: очевидно, для него важно передать красочность описываемых им картин. Все это не снижает исторической ценности его повествования, а лишь делает его ярче, насыщенней, местами обобщеннее.

Нужно также добавить, что в своих заметках Фиркс употребляет в качестве меры веса русский фунт, равный примерно 400 г, хотя и называет его по-немецки

Pfund — а немецкий фунт тяжелее (500 г). Так что дамы, участника завтрака на горе Качканар, были действительно вполне дородными (около 100 кг), а платиновый самородок, который ловко позаимствовал один из генералов, имел почти 800 граммов весу.

Ссылку на книгу Фиркса обнаружил директор архива города Качканара Михаил Иванович Титовец, по его наводке я смог получить её в руки и перевести, что сделал с огромным удовольствием, несмотря на трудности, которые для современного читателя представляет готический шрифт, которым она отпечатана. Огромная благодарность Михаилу Ивановичу — и за находку, и за предоставленную мне честь заняться переводом.

При этом я попытался сохранить все особенности текста, в частности, все названия и имена, какие автор приводит в тексте, хотя в некоторых случаях они несколько неточны (вероятно, воспринимались им на слух) — например, Парфирий — это, скорее всего, Порфирий, а гора Кочканар — конечно, Качканар. Кстати, в эту гору он, по-видимому, был по-настоящему влюблен, столько прекрасных слов нашел он для ее описания.

Безусловно, внимания российского, особенно, уральского читателя заслуживают и другие главы этой книги — но это удовольствие пусть останется на потом.

ДВА ГЕНЕРАЛА Россия, 1908

Воскресные солнечные лучи льются с безоблачного июльского неба на платиновый прииск на реке Ucc^1 . Лихие дребезжащие тройки одна за другой подлетают и занимают исходные позиции. На небольшую, подвешенную на рябиновых шестах-рессорах повозку, всходят важные персоны – директора растянувшейся на 150 верст вдоль реки приисковой фирмы - Промысловой платиновой компании². Упряжки смотрятся великолепно, с их обитой серебром сбруей, пестрым одеянием кучеров, увенчанных на голове перьями, и гармонично подобранными по расцветке лошадьми. Рядом с вороной тройкой из Александровска стоит запряженная черными в яблоках изабеллами упряжка с Журавлиного прииска. Цвета дикой рыси кони из Валериановска соперничают с тройкой оленьего окраса с Троицкого прииска и конями цвета кофе с молоком с Воскресенского; они с трудом позволяют удержать себя в узде; темносерые в яблоках кони с Туры выглядят несколько утомленными, поскольку ночью они уже проскакали 40 верст.

Река Ис

² Платино-промышленная компания Анонимного общества

Ваганов, директор Артельного прииска, поправляет что-то в упряжи своих светло-коричневых рысаков, кучер Яков, в одежде с красными рукавами, получает выговор, поскольку его шапка с лихо торчащим павлиньим пером сидит не как положено.

По правому флангу выстраиваются экипажи генеральной дирекции, впереди всех *Хайбулла* на тройке, запряженной светло-серыми рысаками. Под дугой, украшенной бубенчиками, видна породистая голова *Бабая*, его тонкие, крашенные по киргизскому обычаю уши нервно подрагивают. Быть может, потому, что его щекочет венок из цветов, венчающий голову, или предвкушает победитель скачек, что ему и нынче достанется эта честь?

Перед церковью переминается с ноги на ногу – на должной дистанции от Мазурина и его конных полицейских – уже с заутрени пестрая толпа. Бабы и девки в кричаще пестрых косынках хихикают и перебрасываются шуточками с кавалеристами. Серьезные бородатые мужики, несмотря на жару, в меховых шапках, глядят с достоинством, заткнув руки за пояса рубах. Молодые работники маячат перед красотками в пестрых шелковых рубахах, свергая тысячью сборок на голенищах своих лакированных сапог. Самые галантные натянули на лаковые сапоги даже сверкающие резиновые галоши. Все глаза устремлены в сторону моего дома, где сегодня после заутрени собралось для первого совместного завтрака избранное общество, дабы устроить, кроме того, скачку на один из приисков. Кто будет нынче осчастливлен, высокие господа еще не решили. Совершенно случайно – один после инспекционной поездки на север, а другой на юг - на приисках Исса вместе оказались два уральских властелина: Пермский генерал-губернатор³ и начальник всех уральских приисков⁴, каждый с собственной свитой, собственными амбициями и претензиями на главенство. Поистине мне и моим служащим выпало сегодня нелегкое испытание.

Среди повозок и ожидающей публики возникла подвижка: стал известен маршрут движения: сначала на *Валериановск*, потом к *Хищническому Логу*, Разбойничьей Долине, где недавно обнаружены богатые месторождения платины. Из ряда повозок вырывается запряженная упряжка *Киприанова*⁵, запряженная кусающими и пихающими друг друга лошадьми пестрой рысистой окраски, она

³ В 1908 году Пермским губернатором был А.В.Болотов, отличный администратор столыпинской ориентации, много сделавший для губернии и оставивший о себе добрую память.

⁴ Вероятно, речь идёт о Главном начальнике горных заводов хребта Уральского. В 1897—1912 гг. эту должность занимал П.П.Боклевский.

⁵ Управляющий Валериановским прииском

устремляется в сторону Валериановска, за ней скачет конная приисковая полиция, и они мгновенно исчезают в лесу.

На крыльце появляются их превосходительства: горный генерал - могучая персона, он смотрится весьма импозантно с его лазурными генеральскими обшлагами и толстыми серебряными аксельбантами; меж тем, настоящий генерал, генерал-губернатор, куда меньше ростом, но также, насколько возможно, смотрится внушительно с его ярким пурпуром и широкими золотыми эполетами. Оба полны достоинства, удовлетворены всем, что их в мире окружает, - их достоинство так и сияет. Конечно, сияет и их свита; русскому чиновнику ничего другого не остается, как сиять, если его высочайшее начальство светится от довольства. Без особых причин улыбаются и лица, сопровождающие начальника приискового района из Гороблагодати, поляка Л.; какое-то внутреннее веселье приметно на лице тучного окружного инженера, немца К., тело которого совершает волнообразные движения. Широко ухмыляется лицо бывалого гвардейского офицера, ныне Пермского исправника, поскольку его начальник, губернатор, только что произнес какуюто любезность относительно цыганских романсов в исполнении его супруги. Полон достоинства барон Б. с длинной сигаретой во рту, он поглаживает свою курчавую бороду. Барон Б. много лет назад прибыл из Курляндии, приобрел в Екатеринбурге на Коронной даче концессию на добычу золота и с тех пор моет золото, а также ездит на охоту с начальником уральских приисков – тому весьма приятно иметь среди сопровождающих лицо, к которому можно обращаться со словами: «дорогой барон».

Скромно в сторонке стоит Обермаркшейдер Урала, балтиец М., беседуя с исправником нашего приискового района. «Этот не берет», - поговаривают о нем почтительно. «Надутый немец», - бурчат его коллеги. Об исправнике идет молва, что по-своему честный малый, не прижимает мелких людишек и не позволяет своим подчиненным брать взятки, впрочем, сам он получает постоянную мзду от крупных приисковых предприятий. «Но это же никак нельзя назвать взяткой, барон, это же просто жалованье. Все исправники всегда так делают. Так что они никак не могут из-за этого плохо обо мне думать». «Конечно», - могу я ответить с чистой совестью, поскольку, если сравнивать с другими, его действительно можно считать белой вороной среди своих собратьев по профессии.

Лесничий и главный лесничий казенного лесного массива, каждый в зеленом одежде с золотом, с охотничьим ножом на боку, озабоченно принюхиваются к летнему утру. Наконец, на их физиономиях появляется довольная улыбка: «Ветерок поднялся, Павел

Петрович, а запаха гари не чуем, а то ведь по большей части об это время все время где-нибудь полыхает в этом чертовом валериановском лесу». «Ваша правда, Сергей Михайлович, проклятый лес горит и горит, а нам приходится отвечать. Черт бы весь этот лес побрал! Поехали вместе, мой дорогой, я тут на всякий пожарный приказал прислуге бутылочку да кусок балыка в дорогу положить» - Это два моих дорогих, ох, каких дорогих, гостя для всего моего несчастного предприятия, поскольку вся наша постоянная потребность в лесоматериале зависит полностью от этих почтенных господ.

Ну да хватит представлять гостей. Помимо остальных, в этом замечательном обществе есть еще те, кого я по имени называть не стану, как-то: помощники, чиновники по «особым поручениям» и тому подобные персоны. У крыльца стоит мой Александр, боец из Порт-Артура. На его руке мой пестрый плед, который отлично подходит к серо-зеленой ливрее, растрепанным рыжим кудрям. «Хайбулла, пошел!» - с правого фланга ряда упряжек отделяется одна, запряженная сивыми лошадьми. Бабай откинул назад свою киргизскую голову с кривым носом: глаза глядят прямо на солнце, уши плотно прижаты, и красным вспыхнули его тонкие раздутые ноздри. Серебряные хвосты пристяжных коней будто подметают траву в галопе, сверкает на солнце металл на передних копытах Бабая – так далеко выбрасывает вперед свои передние ноги на полном скаку только трапатун. Перед крыльцом Хайбулла осаживает горячих лошадей: «Прошу, Ваше превосходительство, занять место. И Ваше превосходительство тоже, пожалуйте». Эта почтительная церемония длится довольно долго, пока оба сильных мира сего занимают своим места и Александр закрывает их колени моим пестрым пледом. Затем на повозку всходят другие гости, согласно титулам и рангам, каждого сопровождает кто-то из чиновников прииска. Моя «правая рука», обер-инженер Николай Николаевич Г., будто навис над окружным инженером в своей тройке с изабеллами, поскольку бедолаге пришлось под свою униформу горного начальника надеть накрахмаленную рубаху с высоким стоячим воротником и жесткими манжетами. Мой старина Николай Николаевич – прекрасно образованный, деликатный, до донкихотства порядочный человек, к тому блестящий инженер, - но накрахмаленное белье выносить он не в состоянии: это уж слишком западноевропейская культура.

Перед колонной упряжек, которая пришла в движение, дребезжа и звеня колокольцами, скачет *Матурин* с двумя из его горных полицейских чинов, затем на своих тройках следуют оба исправника,

держа руки на эфесах сабель, затем высокие гости и бесконечная вереница троек и парных упряжек. Глухо побрякивают тарантасы по выложенной из круглых бревен и присыпанной щебнем лесной дороге. Великолепен в июле цветущий уральский лес: по всему пути вдоль дороги цветет шиповник, с деревьев свисают вьющиеся растения с белыми цветками, похожие на орхидеи, бледно, бледно-голубые фиалки обрамляют обочины дороги, где только есть свободное от густого кустарника местечко, обязательно чтонибудь пышно цветет, как это всегда бывает в недолгую пору северного лета. Ждешь захватывающего дух аромата от этого моря цветов - но напрасно нос втягивает воздух: розы и фиалки здесь на севере радуют глаз, но ароматом не одаривают. Время от времени из густого придорожного кустарника выскакивает пестро наряженный полицейский, отдает честь повозке с генералами и вновь скрывается в лесу – чтобы через четверть часа появиться вновь. Эта игра повторяется по всему пути, у несведущих может сложиться впечатление, что весь маршрут в 12 верст охвачен военным кордоном, - на самом деле для этой привычной забавы достаточно 10 человек. У старого прииска вытянулся окружной исправник, и Его превосходительство горный генерал кричит своим громовым басом: «Молодцы!» А генерал-губернатор почему-то как раз в эту минуту случайно отвернулся в другую сторону: это ведь горная, а не окружная полиция.

Дорога идет все круче в гору. В тени под трели жаворонков между могучих кедров, с кудрявых крон которых свисают, подобно винограду, гроздья сладких шишек с орешками, упряжки переходят на размеренный шаг. Генерал-губернатор открывает свой портсигар и пытается зажечь списку, но тут исправник, соскочив со своей повозки, оказывается рядом со своим генералом и предлагает ему тлеющий фитиль. «Молодец, хвалю» - этими словами вознаграждается его услужливость. – Но это доказательство похвального рвения совершенно ускользает из внимания горного генерала, ибо как раз в данный момент его привлекли особенно замечательные кедры по другую сторону дороги.

Вот последний подъем пройден, дорога медленно идет вниз в долину *Вуи*⁶. Куда ни бросишь взгляд – всюду лес, лес и снова лес, в долине и на холмах, вплоть до скалистой, лишенной растительности верхушки *Кочканара*, самой высокой горы Среднего Урала, которая замыкает сверху картину мощного горного массива. Как блестящая металлическая лента вьется Вуя по широкой наносной долине, и только там, где просеки указывают дороги к черпалкам

⁶ Выи

промывок, прерывается картина этой великолепной горной природы. Посреди леса виднеются у нас под ногами прижавшиеся друг к другу в воскресном покое прииски *Валериановска*. Красным отливают на солнце железные крыши аккуратных срубов приискового поселка, и по-праздничному одетые обитатели высыпали на улицу.

Кучера натягивают поводья, вниз к поселку повозки несутся, будто преследуя друга друга. Резко звучат крики кучеров-татар, которыми они понукают своих лошадей, заставляя нестись еще быстрей. Спаси господи собаку, курицу или ребенка, которые окажутся на улице поселка в этот момент! Но полиция Валериановска позаботилась на этот счет заранее: дети у родителей под рукой, а мелкая животина взаперти. В глубоких поклонах склоняются перед повозками простоволосые бородатые мужики и бабы с детьми на руках, мы едем будто между коврами, сплетенными из льняных шевелюр и ярко-красных косынок.

Перед конторой дирекции кортеж останавливается. *Тетерин*, приисковый *урядник*, подскакивает к повозке их превосходительств, чтобы отрапортовать. Но когда он видит в *тарантасе* сразу двух генералов, его привычный к рапортам рот застывает в открытом состоянии: кому отрапортовать первому? Кому первому уставиться в глаза? (*«Начальство* следует есть глазами!» - именно так поступать при рапорте требует русский порядок). Тетерин в отчаянии поворачивается ко мне и так проговаривает свой урок. Оба Превосходительства искренне веселятся: «Ну, барон, вы свою охрану хорошо держите в руках, нам тут делать нечего!». Положение спасено, но Тетерин держится неуверенно, ибо никогда не знаешь, чем чреват смех начальства; когда *начальство* ругается, так хотя бы всегда понятно, за что.

«А где управляющий приисками Киприанов?»

Мой *Тетерин* уже пришел в себя и начинает уверенно играть свою роль: совершенно искренним взором человека, который никогда в жизни не лгал, он глядит то на одного, то на другого генерала и рапортует, что *Леонид Александрович* выехал рано утром в *Сухой лог*, поскольку как раз в воскресенье там иногда появляются платиновые грабители, так что следует сразу наводить порядок.

«Леонид Александрович всегда выезжают по воскресенье в леса для досмотра, а никого с собой не берут, чтобы никому не портить выходной день. Они страха не ведают, а знают только свой служебный долг».

Не успевает *Тетерин* завершить это свидетельство почтения к начальнику, как неожиданно из конюшни появляется *Киприанов* собственной персоной. Его высокие сапоги выглядят пыльны-

ми и грязными, что естественно после долгой скачки, револьвер какого-то невообразимого калибра висит на поясе, а вокруг запястья обвивается тяжелый хлыст. Тот, кто не видал, как около часа назад толстяк Киприанов удобно расположился на подушках своего тарантаса и на своих рысаках отъехал в сторону Валериановска, действительно может поверить в этот театр, настолько хорошо распределены и сыграны все роли.

Киприанов скромно принимает выражения благодарности от высочайшего начальства за столь ревностное исполнение долга, ему сообщают, что теперь все собираются ехать в Хищнический лог, дабы там посетить шурфы и среди божественной вольной натуры вкусить легкий воскресный завтрак, который мои ребята из генеральной дирекции завезли уже туда на телеге.

Поскольку горные дороги слишком узки для троек, пристяжных оставляют в поселке. Через полчаса мы оказываемся у подножия даруюшего платину Кочканара, в Хищническом логу, долине грабителей. Мы поднимаемся по крутому склону, покрытому камнями и щебнем. Я разъясняю гостям, что в этой долине имеет место не чистый речной намыв, как обычно в долинах рек, а так называемый элювием, который представляет собой уже обогащенную породу, которая не уносится далее, как происходит при обычном намыве. Именно благодаря этому явлению смогло начаться вымывание первоначального месторождения. Когда я добавляю, что перед нами одно из редчайших мест в мире, где платина является не дунитом в основной породе, а диаллагом, мне становится ясно, что мои речь не встречают сочувственного понимания и лишь стимулируют аппетит, в связи с чем я и завершаю свое сообщение приглашением господ на предстоящий вскорости завтрак.

Видимая отсюда долина почти всюду носит следы беспорядочного перелопачивания. Но где это позволял подручный щебень, ямы уже засыпаны, что позволяет двигаться в направлении завтрака, хотя и не слишком быстро. За скальным выступом вдруг раздаются два женских голоса, перед нами появляются две дамы с высоко подобранными подолами, в светлых шелковых блузах и маленькими декоративными корзинками в рука. «Ах, как я перепугалась», - мурлычет Анастасия Ивановна, 250-фунтовая возлюбленная половина Киприанова, «Мы тут с Любовью Димитриевной, подругой моей, по грибки пошли – и тут такие высокие господа, а мы совсем не одеты».

«Как это не одеты?» - ухмыляется горный генерал, известный дамский угодник, «А мне так показалось, что я на Итальянском бульваре в Париже».

«Мерси», - мурлычет *Настенька*, «Мерси», - мурлычет *Любочка*, также набравшая возле приискового начальника *Александровска* натуру почти в 250 фунтов. Церемония представления завершается, и вместе с дамами, которые после долгих препирательств принимают наше приглашение, мы, наконец, достигаем места, где приготовлен завтрак.

Подушки из повозок и пледы разложены полукругом, весело трещит огонь, распространяя подходящие ароматы. Вскорости еда и напитки создают приятный уютный настрой, а *Киприанов* начинает повествование о *Хищническом логе* и его истории. Злые языки утверждают, что *Киприанов*, ныне директор прииска и супруг дамы, умеющей говорить «мерси», лет десять назад, когда началась история *Хищнического лога*, был одним из самых первых и усердных платиновых грабителей, почему он так хорошо и осведомлен обо всем. Все может быть, но достоверно известно только одно: что Киприанов действительно знает эту историю, а после десятой стопки водки может поведать обо всем лучше, чем кто бы то ни было.

Все внимательно и даже благоговейно внимают рассказу, а он сообщает, что некий простой хищник (платиновый грабитель) с его крестьянским инстинктом сумел обнаружить богатство этой долины, которой пренебрегли побывшие здесь премудрые геологи и инженеры; как были найден тогда крупные самородки (так называют русские найденные крупные куски благородного металла, слово означает «рожденный сам по себе»); как все новые старатели потаенно устремлялись сюда, как возник тут, спрятанный в уральских лесах, целый прииск, как в Калифорнии или на Аляске. Далее мы слышим, что после нескольких недель и месяцев слухи об этом богатстве и его незаконном расхищении дошли, наконец, до горной инспекции, после чего туда были направлены урядник с двумя полицейскими, дабы навести порядок. Стражи закона во всеоружии углубились в лес, с той поры их никто никогда более не видел, а молва пошла такая, что будто бы все трое, сильно разбогатев, открыли где-то в Сибири большую лавку по продаже водки. Весь народ из окрестных деревушек, вплоть до Кущвы, поднялся с мест в направлении Хищнического лога – переселение народов зашло столь далеко, что лишился гостей монастырь, место паломничества к мощам святого чудотворца Симеона Верхотурского. Тогда благочестивая братия Верхотурья решила послать своего самого мудрого толкователя чудес, отца Парфирия⁷, в эту новую Калифор-

⁷ Ересь откровенная: не логичней ли было приехать окружному инженеру Верхотурского горного округа и навести законный порядок?

нию, чтобы направить соблазненных блеском злата верующих на путь истинный. С Житием святого Симеона в руках и добрыми пожеланиями братии в ушах двинулся отец Парфирий в лес, да так и не вернулся. Молва гласит, что и этот божий человек, узревший, что ни чудеса святого Симеона, ни его собственные мудрые речи не смогли смягчить твердые как платина сердца хищников, тогда, глубоко вздохнув, он скинул свою ризу и также взялся за заступ и кайло. Его высокая войлочная шапка должна была особенно ему пригодиться при промывке, позволяя улавливать самые мелкие кусочки благородного металла.

Когда в лесах исчез также становой со своим отрядом, ситуацией серьезно заинтересовалось большое начальство, чиновник по особым поручениям был послан из Петербурга, дабы все выяснить на месте и навести должный порядок. Когда карательная экспедиция с большой помпой и вооруженная до зубов прибыла в Хищнический лог, она обнаружила лишь перекопанные участки, покинутые лачуги и глубокие ямы, людей тут уже не было. Все, что можно было легко взять сверху, было уже взято, так что правительственная миссия для защиты государственной собственности появилась, как всегда, слишком поздно. Так назидательно завершил Киприанов свою «Поэзию и правду».

В память о нынешнем историческом событии я раздаю гостям маленькие кусочки благородного металла, на которых еще видны остатки основной породы. Они были обнаружены в наших недавних шурфах: «Вот, обратите внимание, господа, лог еще не до конца разграблен, и я рассчитываю с помощью современно оснащенного предприятия добыть тут еще не один пуд платины»

Маруся, миловидная дочь Киприанова, разливает чай, так что горный генерал выпил уже третий стакан горячего напитка, ради удовольствия видеть, как стройная 18-летняя девица с полным стаканом в вытянутой руке скачет к нему по каменным глыбам и выслушивает затем его шуточки.

Очевидный успех, который горный генерал имеет у дам, совсем не по вкусу другому Превосходительству, ему явно хочется также обратиться к ней с какой-нибудь остроумной фразой. Но тут раздается окрик матери: «Маруся, ты бы поднесла поближе самовар, а то чай охлаждается прежде, чем ты его подносишь Его превосходительству!» Незамедлительно звучит бас губернатора: «Но, Анастасия Ивановна, чего вы требуете от своей дочери! Не может же девица носить самовар!» (выражение «идти с самоваром» означает примерно то же, что «быть в тягости») – полная тишина – ни Настенька, ни Любочка не мурлычат свои «мерси», как они привыкли

реагировать на шутки и даже двусмысленности, и только *Маруся* бормочет за моей спиной что-то весьма непочтительное, вроде как «противный старый хрен».

При возвращении в поселок мы удостаиваем своим посещением маленький филиал больницы, где, понятно, что совершенно случайно, как раз присутствует наш главный врач, который вместе с валериановским фельдшером делает пострадавшему перевязку. Все по достоинству оценивают его мастерство.

Затем – коротко посещаем новые конторские помещения и кассу с несгораемым шкафом, теперь следует поторопиться с отъездом, поскольку до вечера предстоит пережить еще одно удовольствие – финиш мировых скачек у генеральной дирекции. Но в помещении кассы мой идиот выставил на обозрение на столе - как на параде – все ценные самородки, которые были недавно обнаружены нами в Хищническом логу. Это вызвало всеобщие восторги, куски переходили из рук в руки, а один, почти два фунта весом, задержался в руке горного генерала. Он явно глубоко задумался, затем другая рука полезла в карман штанов, выудила оттуда портмоне, из которого генерал вытащил тот маленький кусочек, который я только что вручил ему на память о нынешнем событии.

«Вы не будете против, барон, если я поменяю? Этот образец гораздо интереснее с минералогической точки зрения!»

«Конечно, нет, Ваше превосходительство, первый кусочек слишком мал, чтобы можно было провести минералогическое исследование».

Крупный, блестящий, белоснежный *самородок* не входит в портмоне и исчезает в кармане форменных штанов⁸. Другой генерал всем своим видом демонстрирует свое презрение и негативное отношение к имевшей место операции.

На обратном пути их превосходительства едут порознь: горный генерал испытывает потребность побеседовать со мной о будущности платиновой индустрии, а губернатор должен непременно осведомиться у моего главного инженера о политической благонадежности местных чиновников. Дорога проходит спокойно, чему способствуют сытые желудки, лишь один раз беседующее со мной превосходительство позволяет себе вполголоса пробормотать: «Как жаль, что во главе нашего правительства стоит тот, у кого в жизни нет никаких интересов! - тут он, очевидно, имеет в виду второе превосходительство и продолжает: - Если человек

⁸ Сомнительно, что первые лица губернии так демонстративно нарушали закон (Устав о частной золотопромышленности, 1870 г.) И каковы размеры «форменных штанов», в кармане которых помещается самородок в 800 г.?

так относится к обычным сделкам, то нечего удивляться, что меры по спасению сокровищ *Хищнического лога* были приняты слишком поздно».

У генеральной дирекции нас ожидает взбудораженная толпа. Полиции едва удается расчистить перед нами дорогу. Все крыши и заборы обсижены людьми. Непосредственно перед крыльцом моего дома установлен флагшток. Как только гости занимают места на крыльце и на веранде, звенит телефон – звонят из *Троицкого* прииска, что в трех *верстах* от генеральной дирекции, и сообщают, что скачки уже на ближней дороге. Еще несколько минут ожидания, и вот на дороге с шумом появляется облако пыли, в котором можно различить только желтоватую по-киргизски острую морду с широко раскрытыми красными ноздрями. Облако ураганом проносится мимо нас.

С дикими криками собравшаяся публика прорывает барьеры и бросается вслед за облаком пыли. «Саврас Еремина первый!» - «Мерин Ершова его почти сделал!» - «Нет, второй – Пишка Фролова!» - «Да что ты врешь, это Сивка пришел после Савраса!»

Из толпы до нас доносятся самые разные суждения и оценки, - но вот на поле выезжают вновь, на этот раз гордым шагом, победители, которых ведут на поводках сияющие от счастья владельцы. Всевидящие очи судей – старателей-зимогорцев (это старатели, которые остаются в горах и на зиму) называют победителей, и никому не приходит в голову оспаривать их решение.

Теперь и мы можем полюбоваться лошадями и наездниками. На Саврасе Еремина восседает без седла 12-летний Ванюшка, его

Теперь и мы можем полюбоваться лошадями и наездниками. На Саврасе Еремина восседает без седла 12-летний Ванюшка, его сын. Темные детские глазки горделиво поблескивают под красной шерстяной шапкой, он уверенно болтает по бокам все еще тяжело дышащего скакуна своими короткими ножками в желто-голубых полосатых чулках до колен. Одна рука держит повод, другая небрежно отведена в сторону; нагайки у него нет – Саврас не знает, что такое кнут. Пишка Фролова признан вторым, на нем также сидит – без всякого седла – маленькое пестрое существо дерзкого вида. Всадники следуют друг за другом, все 20 участников – только смирновского Сашки нет; норовистый жеребец уже в начале гонки угодил в лесную яму, после чего вновь был отведен в стойло к кобылам. Их Превосходительства весьма благородно вручают обоим маленьким победителям по синей пятирублевке, после чего все направляются к праздничному столу, где вместе оказываются высокопоставленные приисковые чиновники и гости, из открытых окон до глубокой ночи звучит «Урааа!», которым завершается каждый из бесчисленных тостов.

После застолья немного покачивающийся пермский исправник отводит меня в укромный уголок:

«Хм! Его Превосходительство губернатор только что сообщили мне, что собирают коллекцию образцов всех богатств Урала. Ему как раз не хватает золотых и платиновых самородков. Ну, конечно, Его превосходительство за них заплатит, «я не собираюсь меняться», сказал он мне, и запретил мне даже заводить с вами об этом речь, но я полагаю, что Его превосходительство были бы очень заинтересован».

«Отлично, я поговорю с казначеем, я надеюсь, мы подберем чтонибудь в кассе подходящее».

Глаза исправника светятся, когда он слышит слово касса: «Извините, барон, но, вероятно, вас заинтересует, что в следующий понедельник моя супруга устраивает небольшой концерт в Перми с благотворительной целью. Только цыганские романсы, все очень галантно и пикантно. Его Превосходительство обещали, что посетят. Я тут приберег пару билетов для Вас и Ваших сотоварищей – все остальные билеты уже распроданы. Цена, понятное дело, по вашему собственному усмотрению».

«Иван Петрович!»

Появляется готовый к услугам казначей и с понимающим видом смотрит на исправника, с которым мы совещаемся в уголке. «Подберите, пожалуйста, куски золота и платины посимпатичнее, общим весом в полтора-два фунта, и передайте господину исправнику вместе с 500 рублями. Спишите металл и 500 рублей на счет, который предоставляется только генеральной дирекции».

«Большая искренняя благодарность», - бормочет исправник своей желтой волчьей челюстью, а рука его тянется уже, чтобы пожать мою, но я уже отошел в сторону, дабы выполнить мои обязанности как хозяина по отношению к другим гостям.

Но вот последние гости сопровождены в их комнаты, в доме постепенно воцаряются тишина и спокойствие. Я обхожу помещения, чтобы убедиться в том, что свет в комнатах и коридорах погашен – сруб может сгореть в сухую июльскую пору как спичка. Из сруба, где находится клуб, доносятся пение и балалаечная игра, там продолжают празднование самые неуемные под надзором молодых немецких инженеров. У этих бедолаг нелегкая работенка, поскольку пермских и екатеринбургских чиновников нелегко угомонять. Из дверных щелей комнат обоих исправников еще виден свет, и я слышу, как пермский исправник скрипит пропитым голосом: «И это теперь называется праздником? Есть да пить подали, а что для души? Ни одной бабенки, которая бы спела или сплясала! Вот

таковы эти немцы: если у них дома есть своя Амалия, то на всех остальных они ставят крест. Черт их всех побери!.. Зайду-ка я на часок в клуб, там уж верно найдется, кого можно потискать за талию и днесь в поте лица своего заработать хлеб свой насущный». Спотыкаясь, облако водочного духа бредет к дверям и исчезает в темноте летней ночи.

В моей комнате спит сном праведника одно превосходительство, так что я должен спать на диване в моей конторе и укрываться пледом. Окно в конторе открыто, мне видны огоньки открытых разработок на ближнем Журавлином прииске – там приступила к работе ночная смена понедельника. Ко мне долетает шум главной промывочной, шорох от вагонеток, распоряжения цеховых инженеров. В наиболее тихие моменты слышны даже легкие «тук-тук»: это усердные руки крошат кайлами грунт, из которого потом будут при промывке извлечены кусочки благородных металлов. В эту симфонию труда вносит дисгармонию лишь храп спящих после крепкой выпивки чиновников.

Вступительная статья, перевод,	, подготовка	текста А.Смолянского

NOTA BENE!

Книга о Нижнетуринском заводе

Эцентре внимания ведческого исследования А.В.Шлемова «На порожней ясацкой земле...» история Нижнетуринского завода в XVIII столетии. Значимым положительным моментом этой работы необходимо отметить, прежде всего, тот факт, что автору удалось избежать часто встречающейся краеведческой литературе ограниченности, когда история предприятия, либо населенного пункта, сводится, по существу, лишь к хронике событий с той или иной степенью детализации фактологического материала. К постановке задачи в своей работе А.В.Шлемов подошел более основательно, предприняв попытку

дать комплексное освещение процесса индустриального развития одной из территорий Северного Урала, оформившейся в конце XVIII века в Гороблагодатский горный округ.

Именно такой подход обусловил вполне оправданное обращение автора к раннему периоду заселения края и изложению событий, предшествующих основанию Нижнетуринского завода. При этом, описание конкретных реалий строительства и деятельности Гороблагодатских заводов осуществляется автором в тесной связи с зарождением и развитием системы горнозаводского управления Урала и России в целом. Таким образом, автор стремится представить читателю историю округа и одного из его заводов — Нижнетуринского, в рамках общего исторического контекста как динамичный процесс со свойственными ему противоречиями, проблемами, достижениями и неудачами, определявшимися, в свою очередь, социально-экономическими и политическими факторами позднефеодальной эпохи.

Сильной стороной работы следует отметить основательность и добросовестность автора в изучении исторических трудов предшественников. Одновременно это солидное историографическое основание книги серьезно дополнено и документальными источниками, как опубликованными (материалы Полного собрания законов Российской империи, сочинения В.Н.Татищева, П.С.Палласа), так и неопубликованными, выявленными в центральных (РГАДА, РГИА) и региональных (ГАПК, ГАСО) архивах.

В результате, автором затронут, пусть и с разной степенью полноты, широкий спектр вопросов: русская колонизация Северного Урала и положение коренных народов, открытие рудных месторождений, основание заводов и методы обеспечения их действия рабочими кадрами, зарождение и постепенное оформление правового статуса новых социальных групп, вызванных к жизни потребностями крупной мануфактуры в уральской металлургии, проявления социального протеста заводских работников и приписных крестьян, динамика объемов производства и экспорта продукции, технико-технологические аспекты горнозаводского производства и т.д.

На страницах книги А.В.Шлемова читатель с интересом ознакомится со многими «живыми» сюжетами из прошлого Гороблагодатских заводов, например, с перипетиями открытия рудных месторождений и жесткой конкурентной борьбы между заводчиками за право их разработки. Поражает порой и созвучность событий XVIII столетия реалиям сегодняшней России. Особенно ярко это можно наблюдать в истории с передачей Гороблагодатских заводов в частное владение барона Шемберга в 1739—1742 гг. Сценарий тогдашней хищнической приватизации можно охарактеризовать как «классику жанра». Передача заводов в руки «своих людей» готовилась и продавливалась тогда через профильные центральные ведомства в интересах властной верхушки и ее фаворитов, не страдавших от моральной чистоплотности. Обосновывалось все это, разумеется, «высокой» целью — необходимостью снять с казны бремя расходов по содержанию заводов и созданием на них эффективной системы управления. Но в итоге создавалась эффективная система перекачки богатств в личные состояния, а казна не только не получила средств от приватизации заводов, но и продолжала нести убытки, предоставляя Шембергу новые льготы, субсидии, послабления и т.п.

Несомненной заслугой А.В.Шлемова является и то, что значительное внимание в книге уделено отдельным персоналиям организаторов производства, горных служащих разного ранга, а также

мастеровых и крестьян — людей, нелегким трудом которых создавалась индустриальная мощь Урала. Важно, например, даже простое перечисление десятков имен и фамилий крестьян различных деревень, переселившихся (либо переселенных административно) на Гороблагодатские заводы. Помимо всего прочего, эти сведения, ставшие теперь общедоступными, по достоинству оценят исследователи в области генеалогии.

Что касается замечаний по содержанию книги, хотелось бы отметить два момента. Первый из них заключается в том, что автор, на наш взгляд, допустил нечеткость в определении сословного статуса приписных крестьян. Описывая историю введения этого института в 1724 г., А.В.Шлемов приходит к выводу, что приписные крестьяне «были самой многочисленной категорией неквалифицированных работников среди "мастеровых и работных людей", занятых на вспомогательных» работах (с. 11). Таким образом, приписные крестьяне оказались помещенными автором внутрь вновь формировавшейся тогда сословной категории мастеровых и работных людей. Такое смешение ошибочно, поскольку к числу мастеровых и работных приписные никогда не относились. Сословный статус (то есть полный комплекс наследуемых юридически закрепленных прав и обязанностей) приписных крестьян, как особой категории государственных, сохранялся полностью, несмотря на приписку. Заводская работа была лишь формой отбывания феодальной повинности и не более того. Факт приписки к заводам не давал крестьянам нового социального качества. Другое дело, когда рекруты из числа приписных переводились на заводы. Вот тогда они действительно приобретали новый сословный статус мастеровых и работных людей, теряя прежний и переставая быть государственными крестьянами. Именно тогда они переходили и в новое социальное качество с иными условиями жизни и труда, когда заводская работа становилась для них основным источником средств к существованию.

Второй момент касается структуры книги. Доминирование хронологического принципа в выстраивании материала заставляло автора неоднократно возвращаться в разных главах к описанию одних и тех же вопросов. Например, положение тех же приписных крестьян, объемы и условия отбывания ими заводских работ. В итоге, данная информация оказалась неоправданно фрагментированной, что весьма затрудняет ее восприятие и усложняет поиск читателем (то же самое относится и к вопросам заселения и освоения края, создания системы управления заводами, формирования сословной структуры заводского населения, внедрения и

развития технологий и т.д.). Думается, что проблемное построение книги, (когда материал каждой главы по отдельному кругу вопросов излагается хронологически уже в ее рамках) было бы более удобным и выигрышным. Такой подход позволил бы более выпукло дать динамику протекавших процессов и обратить больше внимания на взаимосвязи между ними.

В заключение, хочется поздравить А.В.Шлемова с изданием книги, в рождение которой он вложил немало труда и души. Будем надеяться, что автор не остановится на достигнутом. Обретенный опыт и богатейшее прошлое нашего края послужат основой для создания новых книг, которые найдут своих читателей.

Н.Г.Павловский, кандидат исторических наук

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

Выпуск 5

Редактор –Титовец М.И. Ответственный за выпуск –Краснопевцева Г.П. Дизайн и верстка–Тихомиров М.А.

© 2016, Администрация Качканарского городского округа © 2016, МКУ «Качканарский городской архив" © 2016, 000 "Издательство "Раритет"

Подписано к печати 20.03.2016 Бумага ВХИ 80 г/м². Печать офсетная Гарнитура Cambria. Формат 60х90/16. Усл. печ. листов 15,4 Тираж 1000 экз.

Издательство «Раритет» 620078, г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4-51 Тел/факс: (343) 374-72-87 Директор С.С. Погорелов +7 922 211 75 59 e-mail: raritetizdat@mail.ru